Как СТАРБАКС спас мне жизнь

★

Иметь всё...

Потерять всё...

И обрести снова?

★

Майкл Гилл

Эта книга стала бестселлером в 16 странах. Права на ее экранизацию уже приобрела компания «Universal», а главную роль, на которую претендовали Роберт Де Ниро, Стив Мартин и Джек Николсон, сыграет Том Хэнкс.

★

Еще вчера у Майкла Гейтса Гилла было все — престижная работа в известном рекламном агентстве, положение в обществе, жена, дети и даже любовница...

Все рухнуло в одночасье.

Из агентства его выжили молодые хищники, которых он сам привел на работу...

Жена, узнав о связи на стороне, подала на развод и отсудила чуть ли не все...

А любовница отнюдь не намерена тратить время на немолодого неудачника...

И что теперь?

Можно смириться. Скучать и медленно стареть.

А можно устроиться на работу в «Старбакс» — и начать все сначала, среди шумной молодежи, с ее проблемами и радостями.

Нелегко?

Конечно.

Но когда терять нечего, почему бы не рискнуть! Ведь и неудачник может стать победителем!

ISBN 978-5-17-044265-2

9 785170 442652

Майкл
Гилл

Майкл Гилл

Как СТАРБАКС *спас мне жизнь*

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Г47

Michael Gates Gill
HOW STARBUCKS SAVED MY LIFE

Перевод с английского О.А. Мышаковой

Оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А.В. Тихомирова

Печатается с разрешения издательства
Gotham Books, a member of Penguin Group (USA) Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 20.06.08. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 3000 экз. Заказ № 8870.

Гилл, М.

Г47 Как «Старбакс» спас мне жизнь : [роман] / Майкл Гилл; пер. с англ. О.А. Мышаковой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 287, [1] с.

ISBN 978-5-17-044265-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9713-9591-1 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

Еще вчера у Майкла Гейтса Гилла было все — престижная работа в известном рекламном агентстве, положение в обществе, жена, дети и даже любовница...

Все рухнуло в одночасье.

Из агентства его выжили молодые хищники, которых он сам привел на работу...

Жена, узнав о связи на стороне, подала на развод и отсудила чуть ли не все...

А любовница отнюдь не намерена тратить время на немолодого неудачника...

И что теперь?

Можно смириться. Скучать и медленно стареть.

А можно устроиться на работу в «Старбакс» — и начать все сначала, среди шумной молодежи, с ее проблемами и радостями.

Нелегко?

Конечно.

Но когда терять нечего, почему бы не рискнуть!

Ведь и неудачник может стать победителем!

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Michael Gates Gill, 2007
© Перевод. О.А. Мышакова, 2008
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Моим детям,
с благодарностью за понимание

Содержание

Глава 1. От респектабельного посетителя кофейни до рядового баристы 9

Глава 2. Шокирующая реальность 45

Глава 3. Слово, изменившее мою жизнь 69

Глава 4. Готов, не готов — марш на передовую! 101

Глава 5. Открой глаза и рот и улыбайся — ты на Бродвее! 133

Глава 6. Тычок стоимостью миллион долларов 162

Глава 7. Из неудачников — в победители 196

Глава 8. Почти уволен 229

Глава 9. Я получаю повышение 256

Глава 10. Исход с Бродвея 269

От автора 285

Глава 1

От респектабельного посетителя кофейни до рядового бариста

Успеха добиваются скромные.

Слова Уинтона Марсалиса, джазового музыканта, выведенные на чашке старбаксовского двойного латте с обезжиренным молоком

Это правдивая и удивительная история пожилого белого мужчины, волею судьбы сброшенного с высот американского истеблишмента, встретившего молодую афроамериканку из совершенно иной социальной среды и благодаря ей постигшего науку истинных жизненных ценностей. Он родился в богатой привилегированной семье на зажиточном манхэттенском Ист-Сайде, она — из бедных кварталов Бруклина. Он занимал высокое положение в рекламном бизнесе, прежде чем лишился всего. Она поднялась из низов и преуспела — настолько, что смогла дать незнакомцу шанс на спасение.

Это моя история. Как и все удивительные истории, началась она со случайности.

Март

В тот дождливый мартовский день я вовсе не планировал ехать туда, где со мной произошла столь разительная метаморфоза. Просто я вдруг почувствовал, что не в силах противиться сильнейшему искушению перенестись назад во времени.

Мечтали ли вы когда-нибудь — например, если жизнь становится нестерпимо тяжела, — вернуться в беззаботное детство? Я был единственным сыном обожавших меня, хотя и часто отсутствовавших родителей, и мне так захотелось вновь почувствовать себя любимым ребенком! На Восточной Семьдесят восьмой улице я остановился перед четырехэтажным кирпичным особняком, где прошла лучшая пора моей жизни.

Отчего-то вспомнилось, как в гостиную на второй этаж краном поднимали стейнвеевский рояль. Мама решила, что я должен научиться играть на фортепиано, и отец с жаром взялся за реализацию этого проекта. Он считал, что у его единственного сына все должно быть только самым лучшим: был куплен самый большой и дорогой рояль, и уже только после покупки огромного концертного «Стейнвея» задумались о том, как внести сей величественный инструмент в здание, построенное сто лет назад, с узкими коридорами и крутой лестницей.

Нужно отметить, что папа достойно справился с задачей: нанял подъемный кран. Рабочие подняли рояль до второго этажа и через раскрытые застекленные двойные двери балкона протолкнули инструмент в гостиную. Папа ужасно гордился собой — ему льстил искренний восторг супруги, а я был счастлив, сознавая, что являюсь причиной всей этой суеты.

Глядя на внушительное здание, бывшее когда-то моим родным домом, я думал о том, сколько, должно быть, стоила эта экстравагантная выходка... Далеко ушли те счастливые времена, когда тема денег вообще не поднималась. Сейчас она была актуальна для меня как никогда.

Я пошел прочь — искать утешения в латте, одном из все еще доступных мне удовольствий. «Старбакс» занимал угол Лексингтон-авеню и Семьдесят восьмой, где много лет назад была кондитерская. Совершенно расстроенный, я не заметил на дверях табличку: «Приглашаем на работу: день собеседований», хотя и в другое время вряд ли обратил бы на нее внимание. Позже я узнал, что нью-йоркское отделение компании «Старбакс» практически каждую неделю проводит набор персонала в каком-либо кафе сети, где менеджеры других «Старбаксов» нанимают новых работников. Оглядываясь назад, могу сказать, что давно оставившая меня удача вернулась именно тогда, когда я решил зайти в кофейню.

Охваченный жалостью к себе, не в силах прогнать ностальгические мысли об утраченном состоянии и о потерянной семье, я заказал латте, прошел к маленькому столику и присел, мрачно уставившись в чашку. Жизнь потеряла всякий смысл.

— Вам нужна работа?

Приятный голос вывел меня из задумчивости. Заговорившая со мной молодая привлекательная афроамериканка в униформе «Старбакса» сидела за столиком рядом, перебирая бумаги. Войдя в кафе, я не обратил на нее внимания, но теперь рассмотрел красивый серебряный браслет и затейливые часы. Женщина держалась очень уверенно и почему-то вызывала доверие.

Я просто онемел — никогда не думал, что мне придется общаться с персоналом кафе. В последнее время я часто заходил в нью-йоркские «Старбаксы» — не для того, чтобы поболтать с друзьями или расслабиться, а используя их в качестве «офисов». Оттуда звонил потенциальным клиентам — правда, ни один из них не отвечал теперь на мои звонки. Моя маленькая консалтинговая компания загибалась на глазах. Реклама и маркетинг — искусство молодых, и в свои шестьдесят три я отчетливо ощущал, что все мои усилия пропадают даром.

— Работа, — с улыбкой повторила женщина, видимо подумав, что я не расслышал. — Вам нужна работа?

Неужели это столь очевидно? Как она угадала во мне безработного, несмотря на костюм от «Брукс бразерс» в тонкую полоску и манеры хозяина жизни (мой сотовый лежал поверх дорогого кожаного портфеля «Ти Энтони», словно я ожидал важного звонка)? Да неужели я, в недавнем прошлом креативный директор «Джей Уолтер Томпсон», унижусь до работы в «Старбаксе»?!

Я был настолько шокирован, что не смог придумать вежливую ложь или какую-нибудь шутку и сказал правду:

— Да. Мне нужна работа.

Никогда прежде я не был безработным. Сразу после окончания Йеля в 1963 году мне позвонил Джеймс Генри Брустер Четвертый, мой приятель по «Черепу и костям»*.

* «Череп и кости» — основанное в 1832 г. и существующее до сих пор тайное общество выпускников Йельского университета, членами которого могут стать лишь молодые представители белой элиты. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Гейтс, я устроил тебя в «Джей Уолтер Томпсон», — безапелляционно заявил он. — Ты прикинь, как здорово будет теперь вместе работать!

Джим работал в «Пан-Американ», в то время крупнейшей в мире авиакомпании и самого выгодного клиента рекламного агентства «Джей Уолтер Томпсон», известного в деловом мире как «ДУТ»*. Мы с Джимом отлично ладили и расчудесно отрывались в колледже.

Джим записал меня на собеседование. Явившись на встречу с представителями «Джей Уолтер Томпсон», я не сомневался в том, что буду принят. Дело было не только в рекомендациях Джима Брустера. Владелец «ДУТ» Стэнли Рисор в свое время тоже закончил Йель. Его сын Стэнли Рисор-младший в Йеле делил комнату с одним из моих родных дядюшек, и не далее как прошлым летом я гостил на огромном ранчо Рисоров в Джексон-Хоул.

Связи оказались бесценными. Реклама тогда считалась самой гламурной профессией. Телевизионные рекламные ролики только начинали завоевывать популярность и воспринимались как остроумная и интересная новинка. Многие хотели попасть в этот бизнес, где можно было не только хорошо заработать, но и проявить свой творческий потенциал. Программа профессионального обучения «Джей Уолтер Томпсон» считалась лучшей в рекламной индустрии, и в агентство принимали не более двух копирайтеров в год.

Я оказался в числе счастливчиков.

То была любовь с первого взгляда. От меня требовалось говорить и писать — мне это ужасно нравилось, а

* В оригинале JWT — J. Walter Thompson (*англ.*).

платили за это на удивление много. У меня оказался настоящий талант к рекламе — клиенты едва не дрались за мои идеи.

Еще я обнаружил, что мне очень нравится проводить презентации, особенно в оригинальной форме, позволяющей вдохнуть в нудные заседания немного жизни и юмора. Например, когда мы создали слоган: «Если бы парни всей Земли в морскую пехоту служить пошли», — нас попросили провести презентацию для министерства обороны, владевшего целевым многомиллионным счетом на вербовку новобранцев. Мероприятие проходило в Пентагоне. Войдя в зал, я увидел четырех увешанных наградами мрачных мужчин, сидевших в ряд за столом для почетных гостей (позже выяснилось, что это Объединенный комитет начальников штабов в полном составе). Полководцы сидели как каменные истуканы, всем своим видом выражая недовольство по поводу того, что их оторвали от важных дел и заставили посетить столь несолидное коммерческое сборище.

Пройдя на середину, я вытащил из портфеля лук и стрелу. Один из моих коллег прошел к противоположной стене, держа в руке мишень, которую я собственноручно нарисовал маркером на куске пенополистирола. Эффективность целевой рекламы я намеревался продемонстрировать с помощью средства, которому военные привыкли доверять, — оружия. Так как мы были представителями одного из тринадцати лучших рекламных агентств, я счел абсолютно необходимым как следует засветиться в Пентагоне.

Я зарядил лук, натянул тетиву и выстрелил. Милостью Божьей стрела попала прямо в «яблочко». Несколько

секунд в зале стояла гробовая тишина — никто не шевельнулся и не издал ни звука, а потом все четверо военачальников разразились бурными аплодисментами, сопровождая их одобрительными возгласами и смехом. Так клиент стал нашим.

Мало того что я искренне любил свою работу, я еще и вкалывал как одержимый. В списке прихода-ухода, который висел внизу в вестибюле, моя фамилия всегда была в самом начале и соответственно в самом конце. Я быстро пошел вверх, поднявшись от копирайтера до креативного директора и даже исполнительного вице-президента «ДУТ». Мне доверили работу с крупнейшими клиентами агентства, включая корпорацию «Форд», «Бургер кинг», «Кристиан Диор», морскую пехоту США и «Ай-би-эм».

Я с энтузиазмом мотался по городам и весям, если того требовали интересы клиентов. «Джей Уолтер Томпсон» — международная компания, поэтому от ее сотрудников требовалась ежеминутная готовность ехать куда прикажут (как по стране, так и за ее пределы). Я без колебаний перевозил семью (каким-то образом между рекламными кампаниями я выкроил время для свадьбы с двухнедельным медовым месяцем и даже обзавелся четырьмя детьми) из Торонто в Вашингтон, из Нью-Йорка в Лос-Анджелес и так до бесконечности. Работу я считал основой успешного исполнения своей роли кормильца, а ради супруги и детей готов был пожертвовать чем угодно. Вот так агентство постепенно стало моим приоритетом.

Однако по злой иронии судьбы я, с готовностью совершавший рейды в тысячи миль ради встреч с заказчиками, почти не видел свою семью. Все время я отдавал

клиентам, и мои дети выросли без меня. «Неужели это пухлая малышка Энни?» — думал я, глядя на красивую, цветущую выпускницу школы в день вручения аттестатов. Со слезами на глазах я смотрел на свою дочь, такую взрослую, готовую вылететь из родительского гнезда и навсегда оставить меня, и с мучительной ясностью сознавал, что пропустил много драгоценных мгновений общения с моей девочкой, да и с остальными детьми тоже.

Но даже тогда я убеждал себя, что жертва была не напрасной, ибо меня поддерживало агентство. Платили мне хорошо — прибыли «ДУТ» были высокими. Дети собирались учиться дальше, стало быть, предстояли немалые расходы. Я не особенно ахал и охал по этому поводу — напротив, даже поздравил себя в глубине души: все-таки очень разумно посвящать жизнь одной компании — тут тебе и стабильность, и зарплата. Подобно многим представителям моего поколения, смирившимся с ролью добытчиков, найдя рациональное объяснение своей маниакальной преданности «ДУТ», я продолжал свято верить в компанию.

Поэтому я стал работать еще усерднее, пребывая в постоянной готовности отменить любые личные дела, если того потребуют интересы заказчика. Помню, как-то на Рождество мне позвонили из корпорации «Форд». Дети были еще совсем маленькими, и я планировал целый день провести в кругу семьи: в кои-то веки поиграть с Элизабет, Энни, Лорой и Чарлзом и насладиться редкими моментами семейного счастья и ролью отца семейства. Однако заказчик пожелал с помпой представить новогоднюю распродажу и обратился ко мне с просьбой снять

несколько рекламных клипов. «Форд» славился безжалостным третированием рекламных агентств, но тратил на рекламу миллионы долларов, поэтому никто не мог отмахнуться от его просьб, рискуя потерять работу.

— Да-да, конечно, — ответил я. — Когда?

— Сейчас.

Услышав это демонстративно-безапелляционное «сейчас», я немедленно вышел из дома, оставив своих детей в слезах. Их только что развернутые подарки лежали на полу гостиной, малыши были в пижамках, но я был предан своей компании душой и телом, поэтому вызвал такси до аэропорта и улетел в Детройт.

Я безумно гордился тем, что за двадцать пять лет работы ни разу не отказался выполнить поручение руководства, поэтому цепь событий, произошедших после звонка Линды Уайт, одной из молодых руководителей агентства, повергла меня в настоящий шок.

— Майкл, мы с вами сегодня вместе завтракаем, — заявила она.

Подобный тон не предвещал ничего хорошего, хотя Линде я симпатизировал. Несколько лет назад я убедил наш мужской монастырь, что «ДУТ» не помешает умная молодая женщина. Работала Линда прекрасно, и именно я помог ей попасть в совет директоров. Вскоре она фактически стала президентом компании, обойдя по служебной лестнице меня.

Линда стала любимицей нашего нового владельца — англичанина по имени Мартин Соррелл, чье бухгалтерское прошлое делало его донельзя щепетильным, когда речь шла об итоговой строке баланса. До прихода Мартина мы были похожи на благотворительную органи-

зацию — стремились создавать такую рекламу, чтобы у заказчика образовалось как можно больше новых деловых связей, и не очень заботились о соотношении прибылей и убытков. Мартин пошел по другому пути. Он заявил акционерам, что больше заинтересован в увеличении их прибыли, нежели в профессиональных достижениях работников. Это был камень в наш огород. Мы пытались бороться, но сторону Мартина приняли мелочные бюрократы с Уолл-стрит, и он победил.

А ведь я присутствовал на собрании, когда Мартин без обиняков провозгласил: «Я хочу видеть вокруг себя молодежь!» Тогда я не придал этому особого значения, а зря...

Мартину было чуть за сорок. Линде тридцать с небольшим — неудивительно, что они поладили. Энергичным и умным молодым людям не терпелось избавиться от «старых пердунов».

На наш совместный завтрак Линда явилась с опозданием — тоже плохой знак. В корпоративном мире чем выше статус, тем позже вы можете позволить себе прийти на встречу. Вольно или невольно Линда следовала этому правилу.

Веки у нее покраснели, словно она плакала. Еще один плохой знак. Я знал: Линда относится ко мне с симпатией и помнит, что я помог ее карьере. Но в то же время я полностью отдавал себе отчет в том, что борьба за выживание не оставляет места сентиментальности. Конечно, я прекрасно справлялся со своими обязанностями, был честен и всю сознательную жизнь посвятил «ДУТ», но это никакой роли не играло.

С Линдой я познакомился на одной из светских вечеринок, когда она только что окончила Гарвард по про-

грамме MBA и получила диплом бакалавра истории искусств. Я пошутил насчет беспроигрышной комбинации для рекламы — можно фонтанировать креативными идеями и получать за это хорошие деньги. Как в воду глядел. Но благодаря одному лишь диплому Линду на работу не взяли бы. Мне пришлось постараться, тем более что в агентстве работали в основном мужчины. Продвигая Линду в совет директоров, в служебной записке я назвал свою протеже «беспощадно целеустремленной». Позже я показал эту записку Линде.

— Я что, действительно такая? — спросила она, задетая за живое.

— Может, и нет, — ответил я. — Но ты у нас амбициозный молодой специалист женского пола, и другие, особенно руководство, должны, во всяком случае, думать, что так и есть. Безжалостное перемалывание не только семизначных чисел*, но и людей — вот излюбленный Мартином стиль руководства.

Я сам учил Линду: бизнес — штука жестокая: деньги, деньги и еще раз деньги, плюс беспощадное сокращение накладных расходов, которыми в рекламной индустрии всегда являлись люди. Сейчас в эту категорию перешел и я.

Я улыбнулся Линде, присевшей напротив. Плакать я не собирался, однако на душе кошки скребли. Сердце неприятно заныло. Может, это инфаркт? Да нет, скорее всего лишь нестерпимая тоска. Еще я злился на себя — ну почему я не догадался вовремя, к чему идет дело, почему не заметил очевидные признаки? Карьера Линды развивалась стремитель-

---

* Перемалывание чисел (*матем.*) — обработка больших объемов цифровых данных.

но, а я топтался на месте. Мартину Линда нравилась, и мне он постоянно давал понять, по-британски корректно, что ему неприятно находиться со мной в одной комнате. Пожилой, с редкими седыми волосами, я был ходячим позором для эргономичной, максимально оптимизированной, зубастой молодой компании, которой руководил Мартин.

— Майкл, — начала Линда. — У меня плохие новости.

Я ковырял оладью, не в силах посмотреть в глаза собеседнице.

Подошел официант — спросил, не нужно ли чего. Официанты пребывают во власти заблуждения, считая, что респектабельные старики всегда носят с собой толстые бумажники и везде правят бал.

Я покачал головой, и тот ретировался.

— Ну что ж, выкладывай. — Я мужественно решил не молить о пощаде, все равно ни к чему хорошему это не приведет. Оставалось надеяться, что Линда хотя бы не сдала меня без боя в память о дружбе прежних дней. К деловому завтраку вне стен офиса дело обычно бывает уже сделано. Я знал, что был уже историей.

— Нам придется отпустить тебя, Майкл, — произнесла она.

У меня чуть потеплело на сердце, когда я увидел, с каким трудом Линде далась эта фраза, особенно корпоративно-фальшивое «нам».

— Это не мое решение, — поспешно добавила она, и слеза покатилась у нее по щеке. Она быстро смахнула ее, смутившись собственной чувствительности, особенно перед тем, кто учил ее быть беспощадной. Не думаю, что Линда притворялась: ее искренне огорчали мое увольнение и отведенная ей нелицеприятная роль. С точки зрения

бухгалтерского баланса проблема не стоила и выеденного яйца: вокруг целые толпы молодых, способных писать и говорить не хуже меня, причем за четверть моей зарплаты. Откажись Линда меня уволить, она распрощалась бы со своим местом в руководящем мафиозном окружении. Это было проверкой на «вшивость»: кого она выберет — старого копирайтера, который когда-то ей помог, или молодого финансового ловкача, ставшего руководителем агентства? Линда решила доказать Мартину свою беспощадность, ведь, чтобы закрепиться в мафии, нужно кого-нибудь кокнуть. В тот день Линде пришлось впервые выступить в роли киллера.

Я держался как мог — по крайней мере за завтраком.

Линда сказала, что мне выплатят сумму недельного заработка за каждый год, проработанный в агентстве, посокрушалась, что это немного, и выразила надежду, что я за это время смог сделать накопления.

«Как бы не так, — мрачно подумал я. — У меня полон дом детей, которым нужно дать образование».

Во рту пересохло, я не мог говорить.

— О'кей. — Линда встала. — Тебе незачем возвращаться в офис за вещами. Мы их пришлем.

Снова «мы». Все, готова для прайм-тайм.

— Я хочу устроить прощальный обед в твою честь, Майкл. Ты столько сделал для «ДУТ»... — добавила она. — Я свяжусь с тобой, когда займусь организацией обеда... Джеффри Тобин из службы по персоналу готов встретиться с тобой в любой момент и детально обсудить выходное пособие.

В голове промелькнула мысль подать на агентство в суд или разослать клиентам нехорошие письма, но у Мартина с Линдой все оказалось схвачено.

— Теперь ты, наверное, займешься рекламным консалтингом, — заговорила Линда уже более бодрым тоном. — Мы с Мартином дадим тебе самые лучшие рекомендации. Я лично буду помогать всем, чем только смогу!

Для «ДУТ» я уже был трупом, но Линда соглашалась подкармливать и поддерживать меня, если я буду хорошо себя вести.

Увольнение, конечно, не лучший старт для создания собственной консалтинговой компании, но я понимал, что мне необходима благосклонность «ДУТ», если я хочу и дальше работать со старыми клиентами и привлекать новых. Но если я начну создавать агентству проблемы, то приобрету репутацию старого склочника и на рекламе можно будет ставить жирный крест.

Назойливый официант снова попытался предложить свои услуги, но я опять дал отмашку.

Линда дружески приобняла меня — на настоящее объятие это было совсем не похоже.

— Держись, Майкл. Обязательно позвони Джеффри — он хорошо к тебе относится и тоже будет всячески помогать.

Она торопливо пошла к выходу.

Официант наконец смог вручить мне счет.

На улице ярко светило солнце. Я с болезненной безнадежностью понял, что мне некуда идти. Впервые за двадцать пять лет у меня не было встреч с заказчиками, нетерпеливо ожидавшими беспроигрышных идей для очередной рекламной кампании. Идя по улице, я вдруг заметил, что беззвучно плачу, и содрогнулся от унижения. Плакать! Мне!.. Но, получив в пятьдесят три года изве-

щение об увольнении, я думал, что ничего хорошего меня уже не ждет и старость придется провести на улице.

А теперь...

— Да, мне нужна работа.

Никогда еще я не произносил этих слов. Три с половиной десятка лет прошло с тех пор, как я поступил в «ДУТ» рядовым копирайтером, и десять лет, как меня освободили от руководящей должности. Я открыл собственную консалтинговую компанию и сделал ряд неплохих проектов для бывших клиентов, но постепенно заказов становилось все меньше. Последний поступил несколько месяцев назад, и сейчас даже латте стало для меня роскошью.

Глядя поверх своего латте на уверенную, улыбающуюся сотрудницу «Старбакса», я испытывал острую жалость к себе. Моя собеседница казалась такой беззаботной, молодой и полной сил... Позже я узнал, что в своей жизни она нахлебалась столько, что хватило бы на троих.

Мать-наркоманка умерла, когда девочке было двенадцать лет. Отца она вообще никогда не видела. Когда мать скончалась от передозировки, девочку отправили жить к тетке, тоже матери-одиночке, у которой дом был полон своих голодных ртов. Еще один иждивенец ее отнюдь не обрадовал. Тетка оказалась настоящей фурией. Через некоторое время новая знакомая рассказала мне жуткую историю, как в юности споткнулась на бетонной лестнице бруклинской развалюхи, где они жили, и скатилась вниз, сломав бедро. Однако тетка-садистка лишь накричала на племянницу, обозвав неуклюжей недотепой, и отказалась ехать с ней в больницу. В результате кость срослась неправильно, и нога постоянно болела. Несмотря на уве-

ренность, которую излучала женщина в день нашего знакомства, даже тогда можно было почувствовать, что она испытывала физическую и душевную боль.

Но в тот момент я пребывал пупом своей вселенной и был занят исключительно собственными проблемами.

Для меня эта молодая афроамериканка обладала огромной властью — она могла принять меня на работу.

— Да, мне нужна работа.

Как только эти слова слетели с моих губ, я ужаснулся — что я делаю?! Но в то же время я знал, что хочу работать, что мне необходимо работать и, как я понял, легко могу получить место в «Старбаксе»... Или даже этого мне не доверят?

Моя собеседница разложила перед собой анкеты. Она перестала улыбаться и серьезно посмотрела на меня.

— Значит, вам правда нужна работа? — У нее явно появились сомнения на мой счет, едва возникла реальная возможность того, что я соглашусь работать в ее кафе.

Я смутился, решив, что предложение было шуткой. Может, девушка просто хочет отдохнуть несколько минут. Для этого вполне подойдет скучный, чопорный, самовлюбленный старик. Может, ее подначил кто-нибудь из сотрудников, а я поймал ее на слове и ухватился за предложение.

— Вы станете у меня работать? — скептически переспросила она.

В вопросе ощущался скрытый вызов: неужели я, солидный белый дядя, соглашусь работать на молоденькую афроамериканку?

Позже она рассказала, как битая жизнью, ожесточившаяся тетка каждый день вдалбливала ей в голову: «За-

помни, все белые — твои враги». С этой точки зрения молодая женщина очень рисковала, предлагая мне работу, и не собиралась развивать тему, не убедившись в моей безвредности.

Я тоже колебался. Ситуация казалась абсурдной. В мире, где я провел всю жизнь, это мне по доброте душевной полагалось снисходительно предлагать работу темнокожей девушке. Конечно, это недостойная мысль, противоречащая всем нормам корпоративной этики, и тем не менее... Молодой женщине явно было безразлично, приму я или отклоню ее предложение. Да как она вообще попала в класс руководителей? Не иначе мир перевернулся с ног на голову...

Сорок пятый год, Нью-Йорк. Родители часто отсутствовали, занятые коктейльными вечеринками и зваными обедами. Я рос одиноким маленьким мальчиком. Когда школьный автобус привозил меня из Бакли, папы с мамой обычно не было дома, зато там была Нана, ожидавшая меня с распростертыми объятиями и широкой улыбкой. Я с радостью прижимался к ее обширной груди.

Пожилая негритянка, жившая с нами во внушительном кирпичном особняке на Семьдесят восьмой улице, была моей детской привязанностью. Нана была нашей кухаркой. Я не вылезал из теплой кухни в подвальном этаже, где всегда вкусно пахло, и старательно изображал Чарли Чаплина, чтобы рассмешить ее. Она угощала меня вкуснейшими лакомствами с орехами и изюмом. Когда в Виргинии заболел отец Наны, я посоветовал ей съездить повидаться с ним. Через две недели он умер. С тех пор кухарка считала меня Божьим вестником

и говорила, что в будущем я непременно стану священником. Несмотря на мои заячьи передние зубы и оттопыренные уши, Нана считала меня красавцем и заверяла, что я разобью немало женских сердец.

Но вот однажды я услышал разговор родителей в библиотеке. Они говорили вполголоса, и я подкрался к самой двери.

— Нана уже слишком стара для наших лестниц, — сказала мать.

В доме было четыре этажа — семьдесят три высокие ступеньки, которые я много раз пересчитывал, убивая время.

— Да, пожалуй, работа становится ей не по силам, — согласился отец.

Мое сердце сжалось. Они не должны прогонять Нану! Я с плачем кинулся к ней, но не решился рассказать то, что услышал.

Через несколько недель, когда я вернулся из школы, Нана не встречала меня у автобуса — ее уже не было в доме. Вместо нее мама наняла девятнадцатилетнюю беженку из Латвии, объяснив мне, что это доброе, богоугодное дело. Латвийка работала старательно, но она знала всего несколько английских слов, не говорила со мной и даже не смотрела в мою сторону. Она вообще боялась подходить ко мне близко, как, впрочем, и ко всем остальным, — позже я узнал, что ее насиловали и нацисты, и коммунисты.

Но тогда, ребенком, я понял только то, что Нана ушла и я один в огромном доме. Кухня без нее стала холодной и пустой, но все равно я любил это место, где провел столько счастливых дней. Я тихо сидел на кухонном подоконнике, глядя, как по стеклу скатываются дождевые капли, и выбирал ту, в которую попадет следующая дождинка. Если

в следующие секунды выбранная капля размазывалась по стеклу, я считал, что заслужил право на исполнение желания, и загадывал возвращение Наны.

Меньше чем в сотне ярдов от кирпичного особняка, где я жил до пяти лет, располагался «Старбакс», где сейчас мне предложили работу. Внезапно сердце заныло от тоски по женщине, которую я не видел почти шестьдесят лет. Толстая и мягкая Нана была значительно старше молодой афроамериканки, к тому же любила меня. Моя собеседница была маленького роста, с отличной фигурой и профессиональным подходом. У Наны не хватало нескольких передних зубов. Улыбка молодой женщины сияла белизной. Нана относилась ко мне с материнской нежностью, а эта женщина сразу дала понять, что она босс, а я подчиненный.

У них не было ничего общего, кроме цвета кожи. Как многие мои знакомые, я поддерживал идею интеграции, но чем старше становился, тем сильнее проникался убеждениями своего привилегированного круга, согласно которым белые должны общаться с белыми, а черные — между собой. Для меня искреннее, задушевное общение с темнокожей женщиной означало лишь прекрасные детские воспоминания о единственной по-настоящему близкой мне афроамериканке.

Молодой менеджер «Старбакса» не понимала, что благодаря Нане я был более чем готов работать на нее, испытывая к ней безотчетное доверие. Как могут чувства, пережитые в четырехлетнем возрасте, влиять на мужчину, которому уже шестьдесят три, не знаю, но факт — влияют. Итак, она спросила, хочу ли я на нее работать.

— Я с огромным удовольствием буду у вас работать.

— Хорошо, нам как раз нужны люди. Сегодня день открытых дверей, я провожу собеседования с соискателями на должность бариста. — Она почти не смотрела на меня, словно изучала досье преступника, а не предлагала работу. — Должность рядовая, но есть прекрасные возможности для профессионального роста. Вот мне не удалось окончить даже средней школы, а я сейчас управляю довольно крупным бизнесом. Каждый менеджер может нанимать работников по своему усмотрению. — Она вручила мне листок: — Это бланк заявления о приеме на работу. Давайте перейдем к официальному собеседованию. — Она протянула мне руку: — Меня зовут Кристал.

Все это время я продолжал сидеть за столиком в углу, на котором стоял стакан с латте и лежал мой портфель. Я неловко приподнялся и пожал протянутую руку. Портфель упал со стола на пол.

— Очень приятно. Майк.

Собственную компанию я назвал «Майкл Гейтс Гилл и друзья» в честь своего звучного полного имени, которое обожал, но инстинкт подсказывал, что сейчас лучше быть просто Майком. Только так может представляться потенциальный работник «Старбакса».

— Майк, — повторила Кристал, перебирая лежавшие перед ней бумаги, по-прежнему не глядя на меня. — Партнеров в «Старбаксе» называют по именам, и они отлично преуспевают. — Она подала мне большой буклет: — Посмотрите, здесь все о медицинской страховке.

Я жадно схватил буклет. Надо же, а я и не знал, что работники «Старбакса» получают медицинскую страховку. С недавних пор взносы стали слишком высоки для

меня, и я отказался от медицинской страховки — ошибка, которая, как я недавно понял, может дорого мне обойтись. Последние сомнения насчет престижности работы в кафе тут же рассеялись.

Не далее чем неделю назад я проходил диспансеризацию. Обычно история болезни оставалась чистой, но в этот раз врач слегка покачал головой и сказал:

— Возможно, это ложная тревога, но я хочу, чтобы вы сделали томографию.

— Это для чего же?

— На всякий случай. Вы ведь жаловались на шум в ушах?

— Легкий шум, — уточнил я, не желая давать доктору Коэну шанса подумать, что у меня слабое здоровье. Я никогда не жаловался на плохое самочувствие. Будучи прекрасным специалистом, Коэн помешан на беспристрастности: стоит ему откопать какое-нибудь недомогание, и он становится неумолим.

— Ну на легкий шум в ушах. — В голосе врача послышалось раздражение. Видимо, его злило мое притворство. — Поэтому сделайте томографию и сходите к доктору Лалуани.

— Откуда взялся этот Лалуани? — протянул я, пытаясь скрыть испуг.

— Майкл, вы сноб, — поморщился Коэн. — Когда-нибудь это вас погубит. Доктор Лалуани — превосходный отоларинголог. Окончил Стэнфорд. Вам легче от этого?

Наблюдая за моим здоровьем в течение многих лет, доктор Коэн знал меня слишком хорошо.

Я сделал томографию. Коэн обещал, что это займет всего «пару минут».

Но я провалялся в томографе минимум полчаса, и мне совершенно не понравилось, что в кабинет в это время заходили другие врачи, — я слышал, как они что-то бурно обсуждают.

— Что происходит?

— Ничего, — успокоила меня молодая ассистентка. — Мы передадим томограмму доктору Лалуани. Он хочет вас видеть.

Я разозлился на доктора Коэна, настоявшего на этой дурацкой томографии. Я всю жизнь был здоров и не собирался записываться в доходяги. Мне сейчас болеть и финансы не позволяют.

Доктор Лалуани продержал меня в коридоре почти полдня. Я тупо смотрел, как другие пациенты входят и выходят из его кабинета. Наконец доктор Лалуани появился на пороге, на лице — улыбка до ушей. Хороший ли это признак? Он жестом пригласил меня в кабинет, оказавшийся маленьким, тесным и заваленным бумагами. Не слишком престижный офис. Я предпочел бы просторное помещение с мягким удобным диваном. Лалуани явно не преуспевал на профессиональном поприще.

— Мистер Гилл, — начал он.

— Майкл, — поправил я, стараясь держаться любезно.

Но он не поддался, улыбнувшись еще шире.

— Мистер Гилл, у меня для вас плохие новости... Вы уже догадались, да?

Я догадался, что со мной что-то не так? Он что, рехнулся? Да я был уверен, что все отлично!

— О чем вы говорите? — спокойно спросил я, из последних сил сдерживая возмущение и тревогу.

— У вас редкое заболевание. Как раз по моей специальности.

— Какое?! — почти заорал я, но доктор Лалуани и не подумал торопиться с ответом.

— Очень, очень редкое. — Он снова улыбнулся. — По статистике, один случай на десять миллионов американцев.

Я ждал, кипя от злости, но чувствуя, что лучше не мешать Лалуани разглагольствовать. Его речь была академично заумной, но все же касалась она именно меня.

— У вас невринома слухового нерва. Редчайшее заболевание, это по моей части. Маленькая опухоль в основании мозга, которая влияет на качество слуха.

На секунду я оглох и ослеп, словно оглушенный, даже задержал дыхание.

Доктор Лалуани, почувствовав мой ужас, поспешил продолжить:

— Заболевание несмертельно, я могу вас прооперировать. Но должен предупредить: операция серьезная.

Слух и зрение вернулись ко мне как раз на последней фразе. «Серьезная» — не совсем то определение, которое хочется услышать от хирурга о предстоящей операции.

— А конкретнее?

— В черепе просверливают отверстие и через него удаляют опухоль. Я специализируюсь на черепно-мозговой хирургии, а ваш случай как раз требует хирургического вмешательства на головном мозге.

Он выглядел до тошноты уверенным в себе. Я возненавидел его за столь рьяную готовность оперировать.

— Слух может не вернуться в полном объеме. Кстати, это из-за опухоли у вас шумит в ушах... В больнице придется провести одну-две недели.

— Значит, пару недель в больнице, — оцепенев, повторил я.

— Полностью вы восстановитесь через несколько месяцев. Процент выздоровления очень высок, летальный исход — большая редкость. Умирают единицы.

Единицы... умирают?! Он ненормальный!

— И когда мне нужно ложиться на операцию? — пролепетал я непослушным языком. Во рту пересохло.

— Я бы сделал ее не откладывая, но можно подождать несколько месяцев и сделать повторную томографию, понаблюдать за динамикой опухоли. Может, она будет расти очень медленно.

Слава Богу, наконец-то луч надежды! Как всякий нормальный человек, я терпеть не мог больниц — там скончались несколько моих друзей, к тому же я сидел практически без гроша. Любая отсрочка казалась подарком небес.

Я поспешно встал, пожал доктору руку, вышел из кабинета и немедленно набрал телефон своего врача.

Коэн меня не обнадежил.

— Скорее всего придется лечь на операцию, — сказал он.

— Да, — вздохнул я, изображая покорность судьбе. — Но я решил подождать несколько месяцев и сделать повторную томографию.

Я тянул время.

Отказаться от медицинской страховки плохо, но не иметь возможности оплачивать ее своим детям — еще хуже. У меня даже мелькнуло опасение, не является ли опухоль кармическим наказанием за все, что я натворил.

* * *

Сейчас, сидя напротив Кристал, я с неподдельным интересом читал старбаксовский буклет о медицинском обслуживании сотрудников. Льготы оказались неожиданно внушительными, включая стоматологию и нарушения слуха. Ничего подобного я не видывал даже в бытность одним из руководителей «ДУТ».

Я с надеждой взглянул на Кристал:

— А страховка распространяется на детей работника?

— Сколько у вас детей?

— Четверо, — ответил я, но тут же спохватился, отметив про себя, как же я привык отвечать: «четверо». Теперь уже пятеро, приятель. — То есть пятеро.

Кристал рассмеялась. Теперь она смотрела на меня почти дружелюбно.

— Должно быть, у вас хлопот полон рот!

— Да.

Ни о чем таком я решил больше не распространяться на официальном собеседовании.

— Ну что ж, — продолжала Кристал, — при маленьком дополнительном вычете из зарплаты страховка будет распространяться и на ваших пятерых детей.

Не передать словами, какое облегчение я ощутил. Основной причиной того, что я так рвался на работу, был мой младший, Джонатан, хотя вина тут, конечно, не его, а целиком моя.

Я встретил Сьюзен, мать Джонатана, в спортивном зале, который начал посещать вскоре после увольнения. Мне требовалась причина каждый день уходить из дома, и физические тренировки стали стимулом подниматься утром и идти в город.

Однажды я отдыхал, лежа на спортивном коврике, в свободной комнате, в которой в другое время проводились занятия по йоге. Неожиданно в зал вошла плачущая женщина. Она не заметила меня, решив, что комната пуста, и, горько рыдая, прислонилась к стене.

— Что с вами? — осторожно спросил я, хотя недолюбливаю чересчур эмоциональных людей.

Она вздрогнула от неожиданности, но продолжала плакать.

— Брат умирает от рака... Сказали, протянет еще несколько дней...

— Да, это тяжело. — Я сел на своем синем коврике. Мне очень захотелось встать и уйти.

— А в прошлом году отец скончался от рака легких...

— Тяжело... — Я встал. Ничто не мешало мне направиться к дверям, но отчего-то мне стало совестно оставлять женщину наедине с ее горем.

Я подошел ближе.

— Не терзайтесь так, — сказал я неожиданно для самого себя. — Скоро вы познаете такое счастье, о котором и не мечтали!

Женщина подняла на меня глаза. Миниатюрная — не выше пяти футов, роскошные темные волосы и карие глаза. Я очень высокий, голубоглазый и с остатками волос на темечке. Контраст еще тот. Странная парочка.

Брюнетка вытерла мокрые щеки, хотя из глаз по-прежнему текли слезы.

— Что? — спросила она, решив, что ослышалась.

Я тоже не верил собственным ушам. Надо же такое сморозить!

Но уверенно повторил свое предсказание:

— Скоро вы будете счастливее, чем когда-либо раньше.

Она кивнула, словно в чем-то согласившись со мной.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Мне нравится, когда мужчина занимается йогой, — сказала она неожиданно. — Это делает тело таким гибким...

Наш роман начался с абсолютно ошибочных предположений. Сьюзен приняла меня за фаната йоги, которая меня абсолютно не интересовала — не люблю тянуться, это лишает меня последних остатков гибкости. Я был жестким во многих отношениях — физически, ментально и душевно. Я любил старые песни, проверенные методы и проторенные пути. До настоящего времени мои предпочтения себя оправдывали. Сьюзен об этом не догадывалась. Встретив меня в спортзале, она сочла меня гибкой, восприимчивой личностью, способной постичь глубинные закономерности жизни и ее непредсказуемые повороты, этаким мудрым гуру.

Забавно, как сильно порой ошибаются люди.

Сьюзен составила обо мне неправильное мнение, но и я заблуждался на ее счет. Я счел ее печальной неприкаянной дамочкой, мечтающей о комфорте и защите. Позже выяснилось, что Сьюзен — квалифицированный психиатр с докторской степенью, обширной практикой и огромной популярностью у пациентов.

Я думал, что нужен ей.

Она считала, что я могу ей помочь.

Мы оба ошибались.

Однако между нами сразу возникла взаимная симпатия. Возможно, наше сильнейшее взаимное влечение было доказательством того, что противоположности притягиваются, особенно ранним утром в спортивном

зале... У меня не было никаких дел, а у нее до приема следующего пациента оставалось еще целых два часа.

После увольнения я счел невозможным заниматься любовью с супругой, хотя мы и без того не были фанатами секса. Как большинство супружеских пар, мы спали друг с другом лишь изредка. К тому же я был испуган неудачей, постигшей меня в последний раз, когда мы попытались это сделать. Профессиональный крах усугублялся физической несостоятельностью. Секс, который я всю жизнь считал отличным способом расслабиться, стал очередным доказательством моего, казалось, необратимого падения.

Так было, пока я не встретил Сьюзен.

Однако в тот момент, несмотря на проснувшееся вдруг желание, я направился к двери. Жесткий, негибкий и не заводящий романов на стороне. Особенно если встретился в дешевом спортзале.

— Хотите чашечку кофе? — тихо спросила Сьюзен.

Я с удивлением услышал собственный ответ:

— С удовольствием. Давайте выпьем кофе.

Вряд ли расстроенная миниатюрная женщина представляет для меня опасность. Можно выпить латте в «Старбаксе» и подбодрить малышку.

Но вместо «Старбакса» она предложила зайти к ней домой. Я и пропал. После этого мы стали встречаться каждый день, когда она была свободна, то есть два-три раза в неделю.

Сьюзен было за сорок. Она сообщила мне вердикт своего гинеколога — бесплодие. Именно поэтому, по словам Сьюзен, она не видела никакого смысла выходить замуж.

— Брак нужен для того, чтобы рожать и растить детей, — объяснила она. — Секс лучше без обязательств. Кроме того,

ты уже женат, — напомнила она, взглянув на мое обручальное кольцо.

Я смирился с таким положением дел не без чувства вины. Мне было хорошо со Сьюзен, но я не собирался отказываться от своего куска пирога. Я любил жену и хотел, чтобы наши четверо детей жили в обстановке семейного благополучия.

Однажды утром Сьюзен позвонила мне домой, чего никогда раньше не делала.

— Нам нужно увидеться.

— Когда? — На часах было всего полвосьмого утра, я еще даже не завтракал.

— Немедленно.

Она открыла мне дверь нагишом. Шторы на окнах ее квартиры, откуда открывался вид на Ист-Ривер, были открыты. Яркое мартовское солнце отражалось на воде ослепительной дорожкой.

— Майкл, — прошептала она. — Я беременна. Господь говорит мне, что я должна оставить этого ребенка.

Сердце у меня замерло. В мои планы это не входило. Я потерял работу и бился из последних сил, чтобы обеспечить семью. Только пятого ребенка мне и не хватало...

— Что скажешь? — спросила она.

— Решать тебе.

— Меня интересует твое мнение!

Я встал. Не мог же я посоветовать Сьюзен сделать аборт, лишая ее последнего шанса стать матерью.

— Майкл, это настоящее чудо, но мне нужна твоя поддержка.

— Я разорен.

Сьюзен лишь рассмеялась. Она, видимо, решила, раз я хорошо одет и произвожу впечатление обеспеченного

человека, стало быть, так и есть. Она и понятия не имела, что, несмотря на мои подчеркнуто властные манеры представителя правящего класса, я с каждым днем становился все беднее.

Я держал наш роман в секрете, но когда родился Джонатан, все рассказал жене. Такого она не стерпела.

— Интрижка — одно дело, — сказала супруга, — а ребенок — совсем другое. — Бетси очень здравомыслящая женщина. — Для меня это слишком. Я к такому не готова.

Мы развелись «полюбовно», хотя жена кипела от праведного негодования. Она была уверена, что мы до конца жизни будем вместе. Я чувствовал себя ужасно, осознавая собственную глупость.

Дети, почти уже взрослые, старались проявлять свое сопляче понимание, но тоже были уязвлены и раздосадованы. Я оставил Бетси наш просторный дом. Унаследованного ею состояния было достаточно для безбедной жизни, но я знал, что дело не в деньгах. Я сломал Бетси жизнь.

Да и свою заодно.

Для себя я нашел маленькую квартирку в пригороде Нью-Йорка. Всей душой желая, чтобы дела наконец-то пошли на лад после всех ошибок, которые я нагородил, я решил стать опорой Сьюзен и моему младшему сыну. Я приходил к ним около четырех-пяти утра и играл с Джонатаном, чтобы Сьюзен могла поспать.

Сперва я делал это из чувства долга, но случилось неожиданное: я начал все сильнее привязываться к Джонатану, а он — ко мне. Мы вместе встречали рассвет. Когда старшие дети были маленькими, у меня не было времени наблюдать, как они радуются каждому новому мгнове-

нию, словно удивительному открытию, — я двадцать четыре часа в сутки отдавал «ДУТ».

Мне выпал еще один шанс стать настоящим отцом — возможность, которую я в общем-то не заслуживал. Джонатан рос на моих глазах, и я был счастлив, как никогда в жизни, умиляясь, как он размахивает ручонкой, словно дирижируя, когда я пою ему песенки, или слушая, как он заливисто хохочет, глядя, как я подкидываю вверх плюшевую игрушку.

Однажды, когда я уже укладывал заснувшего было малыша в кроватку, Джонатан вдруг открыл глазки и улыбнулся. Крошечные губки дрогнули, и сынок произнес самое сладкое для моего слуха слово: «Па-па». Два простых слога, разрывающих сердце. Мысль о том, сколько драгоценных моментов я упустил с остальными детьми, вызывала в груди почти физическую боль. И ради чего? Ради компании, в конце концов наградившей меня извещением об увольнении? Мне захотелось внушить каждому из своих детей то, что жизнь у нас одна, поэтому строить ее надо разумно, тщательно выбирая приоритеты!

Я стал меньше времени тратить на поиск клиентов, чтобы подольше побыть с Джонатаном. Он любил и ждал меня. В его глазах я был чудесным, удивительным.

Однако Джонатан был единственным, кто так считал, — Сьюзен постепенно утратила ко мне всякий интерес. Сперва ей надоели наши разговоры — я, видите ли, оказался «скучным», не готовым к восприятию нового, а потом и секс со мной — и здесь я не фонтанировал свежими идеями. Чем свободнее я становился — после развода с женой и сокращения клиентуры, тем меньше Сьюзен мной интересовалась. Раньше она считала меня представителем американ-

ской элиты, деятельным, продуктивным, успешным и счастливым. Со временем ей пришлось узнать меня настоящего: ненадежный, неуверенный в себе человек, с трудом справляющийся с изменившимися реалиями.

Джонатан был моей единственной радостью и лучшим приятелем. Но когда он пошел в подготовительный класс школы, у меня освободилось еще больше времени, а число предлогов для отлынивания от дел существенно сократилось одновременно с резко возросшей потребностью добывать хлеб насущный. Черт, я даже не мог обеспечить своему малышу медицинскую страховку!

Как же я ухитрился так испортить свою личную и профессиональную жизнь? Я силился отмахнуться от некстати навалившихся на меня угрызений совести и сосредоточиться на этом неожиданном собеседовании. По милости или прихоти Фортуны Кристал дарила мне шанс (возможно, последний) остановить мое стремительное пике. Меньше всего на свете я хотел бы упустить этот шанс.

Я поднял глаза на собеседницу и улыбнулся улыбкой человека, которому можно доверять.

Кристал на это не купилась. Я видел, что она балансирует на грани личной неприязни ко мне и привычного, профессионально ровного отношения к соискателям. Ей в кафе срочно требовались новые работники, а мне позарез была нужна работа. «Убеди ее, — приказал я себе. — Убеди ее, что ты подходящая кандидатура».

— Я должна задать вам несколько вопросов о прежнем месте работы, — официальным тоном сказала Кристал.

Внезапно я заволновался. Узнав, какую хорошую медицинскую страховку предлагает «Старбакс», я искренне

захотел здесь работать. Не станет ли Кристал второй Линдой Уайт, которая в конце проникновенной беседы затянет мне узел на шее? Я был готов на все, лишь бы получить место бариста.

— Вам доводилось работать в розничной торговле?

Вопрос поставил меня в тупик.

Я тщетно пытался сообразить, что такое розничная торговля.

— В «Уолл-марте», например? — подсказала она. Впервые с начала собеседования я почувствовал, что Кристал скорее на моей стороне. Собеседование, начавшееся с шутки или скрытого вызова, могло означать (не будем исключать такую возможность!), что менеджер «Старбакса» увидела во мне человека, которому нужна помощь.

Я уже неоднократно убеждался в том, как сильно привилегированное положение отделяло меня от реальности, с которой большинство людей с детства накоротке. Кристал хотела помочь, но я не мог ухватиться за брошенный ею спасательный круг: я в жизни не переступал порог «Уолл-марта».

Кристал что-то отметила в анкете. Я заерзал на стуле. Ничего хорошего это не предвещало.

— Вам приходилось улаживать ситуации с недовольными клиентами? — прочла Кристал вопрос из анкеты и подняла на меня глаза. Ее взгляд стал мягче: казалось, она хотела, чтобы я ответил правильно.

Вопрос снова привел меня в замешательство: сложно ли было вести дела с генеральным директором корпорации «Форд»? Да, и весьма, но это вряд ли поможет мне сейчас получить работу. К счастью, я вспомнил, как делал рекла-

му для «Бургер кинг» и целое утро проработал в их закусочной, чтобы полнее ощутить атмосферу этого бизнеса.

— Я работал в «Бургер кинг», — ответил я.

Кристал одобрительно улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — И как вы поступали, если клиент проявлял недовольство?

— Внимательно слушал, что говорит заказчик, исправлял то, что ему не нравилось, и спрашивал, чем еще могу быть полезен, — отбарабанил я стандартный алгоритм из какой-то брошюры о корректном разрешении непростых ситуаций.

Кристал снова улыбнулась и поставила галочку.

— Вам доводилось работать с людьми в условиях временнóго прессинга?

— Да, — ответил я, решив не вдаваться в подробности. Сутками работать на «Кристиан Диор» — это отнюдь не то же самое, что наливать кофе сотням людей, спешащих на работу.

Кристал снова черканула в анкете.

— Что вы знаете о «Старбаксе»? Вы посещаете наши кафе?

Это было то, что нужно: за время своих многомесячных поисков клиентов я побывал почти во всех «Старбаксах» Нью-Йорка и сейчас решил блеснуть познаниями:

— «Старбаксы» Большого центрального терминала вечно переполнены — негде присесть, но в кафе на Пятой авеню, недалеко от Сорок пятой улицы, очень комфортно, а из окон «Старбакса» на углу Парк-авеню открывается великолепный вид и...

— Ладно, ладно, Майк, я поняла, — с улыбкой перебила меня Кристал. — Раз вы фанат «Старбакса», вы

легко ответите на следующий вопрос: ваш любимый напиток?

И снова я с готовностью ответил, что люблю кофе в разных видах, а «Старбакс» уже много лет моя любимая кофейня.

— Чем отличается латте от капуччино? — спросила Кристал.

Вопрос на засыпку. Я пью и то и другое, но о разнице никогда не задумывался.

— Не знаю. Возможно, в капуччино меньше молока?

— Ничего, узнаете, — сказала она, зачеркнув очередной квадратик в анкете, и у меня отлегло от сердца. Я уже не надеялся научиться чему-то новому. Кто станет тратить время и деньги, помогая старику освоить непривычную работу?

Кристал встала. Собеседование явно подходило к концу.

Я тоже вскочил, едва не опрокинув свой латте, и обменялся с Кристал самым почтительным рукопожатием.

— Спасибо, Кристал, — сказал я с горячей благодарностью. За дежурными словами молодая женщина не могла не почувствовать мою искреннюю признательность.

Кристал засмеялась. Разве я сказал что-то смешное? Ее явно забавляла ситуация и моя персона тоже. Может, на моем примере Кристал убедилась, что «белый враг» не так уж страшен? Или увидела, что я не просто белый старик, но человек, которому она реально может помочь? В любом случае сейчас Кристал держалась со мной гораздо свободнее.

Но тут же она снова посерьезнела:

— Должна предупредить, это не самая легкая работа, Майк.

— Знаю. Но я буду стараться изо всех сил, обещаю.

Она улыбнулась, на этот раз горделиво. Позже я понял почему: восемь лет назад, живя на улице, Кристал даже представить не могла, что когда-нибудь обеспеченный белый дядя, пресловутый американский гражданин первого сорта, одетый в костюм стоимостью пару тысяч долларов, будет просить у нее работу.

Кристал оценила мою искреннюю готовность присоединиться к людям по ту сторону прилавка — покинуть лагерь тех, кто пьет латте, и стать одним из тех, кто его наливает. Но вместе с тем она видела, что мне предстоит многому научиться и отбросить массу ложных представлений.

Несмотря на это, Кристал рискнула переступить через классовые и расовые предрассудки.

— Я позвоню вам через несколько дней, Майк, — пообещала она. — И сообщу свое решение.

Глава 2

Шокирующая реальность

Представьте, что все мы одинаковы. Представьте, что мы абсолютно согласны друг с другом в вопросах политики, религии и морали. Представьте, что нам нравятся одна и та же музыка, искусство, пища и кофе. Представьте, что все мы одинаково выглядим. Чудовищная скука, не правда ли? Различия не должны нас разделять. Полюбите разнообразие! Каждый имеет право на уважение.

Слова Билла Бруммеля, режиссера документальных фильмов, выведенные на чашке старбаксовского гранд-капуччино без кофеина

Апрель

Несколько недель прошло в мучительном ожидании. Кристал не звонила. Я каждую минуту ждал ее звонка и то и дело наведывался в «Старбакс» на углу Семьдесят восьмой и Лексингтон-авеню. Но Кристал там не появлялась.

Я по-прежнему звонил потенциальным клиентам, занимаясь собственным маркетингом, но на автоответчике не было ни единой новой записи. Более чем когда-

либо я хотел работы, любой работы. В день знакомства с Кристал я не так уж и серьезно отнесся к предложению встать за прилавок «Старбакса», но в последние недели, ожидая ее звонка, в отсутствие других возможностей, упорно не желавших подворачиваться, я понял, что «Старбакс» — это единственный способ оплатить неминуемую операцию на мозге и поддержать моего младшего сына и других детей. Поддержать себя, в конце концов. Взглянем в глаза реальности: я пожилой человек, который не в состоянии себя обеспечить. Оставив дом бывшей жене, я проживал теперь остатки сбережений, опасаясь, что в следующем месяце мне нечем будет заплатить за квартиру. Отчаяние терзало меня гораздо сильнее, чем пару недель назад. Всякий раз, когда звонил телефон, я молил Бога, чтобы это оказалась Кристал.

Может, на собеседовании я сказал что-нибудь не так? Или сделал что-то не то? Или просто не подхожу по возрасту, национальности или полу?

Сидя и страстно желая, чтобы телефон зазвонил, я вспоминал кастинги для своих рекламных телероликов. Я сразу отбраковывал людей за малейшие несовершенства — и за слишком ослепительную улыбку, и, наоборот — за недостаточно ослепительную. Если молодая женщина говорила с акцентом, кандидатке говорил «Нет». Нанимая людей в компанию, я выбирал похожих на меня, с аналогичным социальным положением. Сейчас, когда шли дни, а Кристал все не звонила, у меня возникло тоскливое предчувствие, что она ведет себя точно так же — идет по самому простому пути, избегая всех, кто не похож лично на нее.

В наши дни часто эксплуатируется понятие «единство непохожих», но лишь немногие, как я неоднократно убеждался за свою жизнь, способны подняться над предрассудками своего класса или социального слоя, особенно по отношению к людям, с которыми предстоит работать бок о бок. «Разнообразие» в корпоративной Америке — абстрактная цель, о которой каждый слышал, но никто не видел. Это просто слово, вокруг которого мы любим напустить туману, когда опасаемся, что правительство случайно может нас услышать.

Оставалось надеяться только на то, что проблема нехватки рабочих рук у Кристал стоит достаточно остро или что у нее хватит решимости дать мне шанс. По иронии судьбы я лелеял робкую надежду, что Кристал окажется милосерднее, чем я в свое время.

Усилием воли я заставлял себя думать о другом. И вот однажды утром, когда я был на Большом Центральном терминале, сотовый ожил.

— Майк?

— Да, — немного недоверчиво ответил я — голос звонившей не показался мне знакомым.

— Это Кристал.

Моя подозрительность немедленно сменилась радостью.

— Здравствуйте! — с энтузиазмом воскликнул я. — Как приятно вас слышать!

— Вам все еще нужна работа... — она помедлила и холодно закончила: — у меня?

Казалось, ей очень хочется услышать отрицательный ответ и спокойно продолжить свой день. Наверное, перед ней лежал целый список потенциальных работников,

которых нужно обзвонить, и большинство кандидатов нравятся Кристал куда больше, чем я.

— Да, я очень хочу работать с вами! — почти заорал я в телефон. — Жду не дождусь возможности познакомиться с вашей прекрасной командой!

«Спокойнее, Майк, — осадил я себя. — Умерь свой пыл. И зачем говорить «команда», если Кристал упоминала о «партнерах»? В каждой компании есть свой жаргон, которого очень важно придерживаться, если хочешь стать своим. Я заранее лезу из кожи вон, стремясь соответствовать. Спокойнее, — сказал я себе, — или ты упустишь последний шанс».

Однако мой промах, казалось, остался незамеченным — Кристал слушала вполуха. Такое ощущение порой возникает во время разговора по телефону — будто собеседник занят чем-то более важным. Для меня этот телефонный звонок был вопросом жизни и смерти. Для нее — рутиной.

Небрежность, с которой мне предлагали место, была просто унизительной.

— О'кей, — сказала Кристал. — Приходите завтра в полчетвертого в мое кафе на углу Девяносто третьей и Бродвея.

— Угол Девяносто третьей и Бродвея? — удивленно повторил я.

— Да, — терпеливо ответила она, словно объясняя дорогу трехлетнему ребенку. — Угол... Девяносто третьей... и Бродвея. И не опаздывайте.

Я смутился:

— Но ведь мы встретились на углу Семьдесят восьмой и Лексингтон!

— Ну и что? — Это прозвучало почти угрожающе. — Я была там на дне открытых дверей. Так делается у нас в «Старбаксе». — Этот тон был мне хорошо знаком. Я сам неоднократно применял такие официально-корпоративные интонации, отсекая от себя тех, с кем не хотел иметь дела. — В «Старбаксе», — продолжала она, — мы выбираем кафе, устраиваем там день открытых дверей. Менеджеры, которым нужны работники, проводят собеседования, но это не значит, что именно там вы и будете работать. Мое кафе на углу Девяносто третьей и Бродвея. — Она замолчала и добавила после паузы: — Какие-то проблемы?

Снова этот угрожающий тон. Да или нет? Судя по всему, у Кристал была масса срочных дел и ей явно не терпелось закончить разговор. Похоже, она была уже не рада, что позвонила мне.

— Никаких проблем, — поспешно заверил я. — Завтра я приду вовремя.

Даже себе я показался заискивающим — старик, подлизывающийся, как новичок в начальной школе. Фу, как неловко...

— Приходите в черных брюках, черных туфлях и белой рубашке. О'кей?

— О'кей, — ответил я.

И Кристал повесила трубку, даже не попрощавшись.

Черт! Короткий разговор разбудил мою было задремавшую депрессию. Последние недели, когда реальность предстала во всей своей неприглядности, я из последних сил боролся с унынием, хватаясь за любые соломинки — малейшие признаки, что у меня еще есть шансы восстановить свое положение в американском истеблишменте

и избежать стремительного падения в самый низ общественной иерархии. Все эти дни я ожидал звонка от Кристал, хотя перспектива работать в «Старбаксе» казалась крайне унизительной, утешаясь тем, что буду работать в районе, где прошло мое детство. Родные стены помогут мне в нелегком переходе из класса правящих в класс обслуги. После бесспорного и очевидного низвержения с финансовых и социальных высот работа на Семьдесят восьмой пролила бы бальзам на мою душу.

Я никогда не бывал на углу Девяносто третьей и Бродвея и даже не знал, у какого черта на куличках это находится. Моя политика в отношении Нью-Йорка состояла в том, чтобы не выходить за пределы Восточной Девяностой улицы с одной стороны и Большого Центрального терминала с другой. А тут предстояло работать в каком-то подозрительном и наверняка опасном районе, очень далеко от Верхнего Ист-Сайда, где я чувствовал себя как дома.

Еще мне не понравился тон Кристал, которая разговаривала со мной как с законченным болваном. Я обиженно надулся, настолько несправедливым мне это показалось, но вспомнил, как издевался над молодой темнокожей американкой, работавшей когда-то у меня в отделе. Дженнифер Уолш попала к нам в агентство в рамках «большого толчка»*, который мы совершили в семидесятых, нанимая на работу людей всех цветов кожи. То было чисто символическое и быстро угасшее стремление к этническому разнообразию коллектива.

* Концепция стремительного развития государства, в основе которой лежат крупные единовременные инвестиции в экономику преимущественно за счет внешних займов и кредитов.

Я не доверял Дженнифер просто из-за ее принадлежности к национальному меньшинству. Меня назначили ее наставником. До знаменательного телефонного разговора с Кристал я и не догадывался, что чувствует человек, когда его походя третируют всего лишь из-за принадлежности к другому социальному слою. В «ДУТ» мы заслуженно гордились тем, что подавляющее большинство наших сотрудников учились в университетах «Лиги плюща»*. Мы считали себя элитой рекламного бизнеса и относились к появлению новичка, не получившего образования в сливках сливок американских вузов, как к оскорблению высокого статуса нашего эксклюзивного клуба. Естественно, это отразилось и на национальном составе агентства.

Дженнифер была милой и приятной, но закончила всего лишь какой-то там двухгодичный колледж, поэтому я никогда не верил в серьезность ее карьеры в «ДУТ». Я поручил Дженнифер несколько недель читать рекламные объявления и посоветовал даже не пробовать писать свои, а затем велел сочинить газетную рекламу для «Форда». Ее самую первую рекламу.

Дженнифер вошла ко мне в кабинет. Когда она приблизилась к моему большому столу, я заметил, что новенькая напугана и очень зажата, и сразу подумал — она не подходит «ДУТ»: нам полагается излучать уверенность в себе, чтобы клиенты проникались и уважали. Я ничтоже сумняшеся обвинил Дженнифер в неуверенности, хотя девушка просто растерялась в новых для себя обстоятельствах. Прочитав текст, я увидел, что она скопировала це-

* «Лига плюща» — ассоциация восьми старейших американских университетов.

лый параграф из рекламы для «Форда», которую я дал ей прочесть. Плагиата в «ДУТ» не терпели. Возможно, потому, что нас называли копирайтерами, мы не выносили тех, кто копировал чью-то работу. Дженнифер совершила непростительную ошибку — по крайней мере так я это расценил.

Оглядываясь назад, я понимаю — она могла просто не знать, что это нарушение политики компании, а я не удосужился вовремя сообщить ей об этом. Я попросту не дал ей второго шанса. Дурацкая ошибка стала для меня желанным поводом: я пошел к руководству и сказал, что из Дженнифер со временем может получиться отличная секретарша, но она вряд ли когда-нибудь овладеет высоким искусством рекламы. У меня не было времени и желания натаскивать Дженнифер, да и вообще привыкать к малоприятной мне идее «разнообразия».

Я с некоторым ужасом осознал, придя в себя после снисходительно брошенной мне Кристал столь важной для меня работы, как неосознанно жесток был в своей «помощи» Дженнифер. Я вел себя как классический лицемерный белый южанин — верил в преуспевание нацменьшинств (абстрактное, разумеется) и делал все возможное в подчиненном мне отделе, чтобы свести такую вероятность к нулю. Вольно или невольно я саботировал попытку Дженнифер пробиться в наш мирок избранных, потому что она была темнокожей и не имела образования или опыта, которые произвели бы на меня впечатление.

Дженнифер перевели на какую-то канцелярскую должность в службу по персоналу, и я забыл о ней буквально в тот же день. Сейчас я чувствовал себя отвратительно, не сомневаясь, что Кристал считает меня бестолковым бе-

лым стариком, с которым черт ее дернул пошутить в недобрый час, пятым колесом в телеге, не способным толком справиться ни с одним поручением, — словом, тем, кем я считал молодую афроамериканку несколько десятков лет назад.

Я упрекал себя за то, что много лет игнорировал доводы своей дочери Лоры. Отчетливо помню, как дочка досадливо-огорченно качала головой в ореоле прекрасных, пышных, как шапка, каштановых волос, прелестно гармонирующих с блестящими орехово-карими глазами, и сокрушалась, что папа «ничего не понимает». Лора потратила много времени, стараясь привить мне более реалистичный взгляд на мир, но я оставался бесчувственным бревном и не слушал ее. Лору с детства переполняла кипучая энергия добра. От природы смешливая и веселая, она в то же время очень тонко чувствовала несправедливость. Когда она выросла и удочерила маленькую афроамериканку, это стало своего рода акцией в поддержку инициативы равноправия. За обедом Лора всегда сидела за столом напротив меня. Я так и вижу, как дочь раздраженно отбрасывает прелестные кудри, раздосадованная бесполезным спором. Я презирал ее идеи о необходимости помогать обездоленным. Называл такие высказывания «безнадежно наивными» и нежился в привычном коконе самодовольства, убежденный, что руководящую должность в рекламном агентстве и соответствующий достаток я получил лишь благодаря личным талантам и всевозможным достоинствам, а престижное положение, благосостояние, доставшиеся мне по праву рождения, и правильный цвет кожи в стране, которой правят «немолодые белые мужчины твоего поколения», как сформулировала

однажды Лора, тут ни при чем. Споры между нами не прекращались, по-моему, с тех пор, как Лора научилась говорить. Лет с десяти она всячески осуждала мой стиль жизни зажиточного человека как несправедливый — дескать, многие другие имеют гораздо меньше.

Сейчас Лора уже стала студенткой колледжа, однако праведное сочувствие к тем, кто не был рожден в пурпуре, в ней ничуть не ослабело. Она буквально расплакалась, когда я привез ее в красивый, как картинка, университетский городок, где ей предстояло жить и учиться.

— В чем дело? — возмутился я. Мне пришлось много работать, чтобы отправить дочь именно в этот колледж. Я даже звонил своему знакомому, чтобы тот замолвил за нее словечко.

— Это не демократичное заведение! — выпалила Лора, силясь выразить причины своего недовольства мной и моими привилегиями, и указала на группу белых первокурсников, спешивших к красивому новому корпусу общежития. — Ты по-прежнему ничего не понимаешь!

Сейчас я с болезненной ясностью понял, что был не прав, рассматривая и искореняя дочкино видение реальности как несправедливое по отношению к тем, кто родился в правильном классе, с правильным цветом кожи и мог позволить себе правильное высшее образование. Я стал стыдиться своего тайного убеждения в том, что Бог создал правящий класс для меня и мне подобных, ибо мы лучше, чем другие расы. Наконец-то меня проняло. И всего-то понадобилось столкнуться с новой реальностью и на собственной шкуре испытать, как выглядит мир без наследственных привилегий.

Неужели выстраданная мудрость пришла ко мне слишком поздно и уже ничего не изменишь?

Должно быть, это кармическое воздаяние. Что ж, наказание, безусловно, заслуженное, но я не стану отказываться от предложения Кристал, как бы она ко мне ни относилась.

На следующий день я проснулся рано и с содроганием вспомнил, что через несколько недель мне исполнится шестьдесят четыре года. Говорят, рожденным в апреле в жизни не везет... С трудом влезая в черные брюки, необходимые для старбаксовской должности, я недоверчиво покачал головой при мысли о том, что отпраздную шестьдесят четвертый день рождения жалким баристом.

Я не знал, плакать или смеяться своему волнению, когда выходил из недорогой квартирки в пригороде и садился в электричку до Большого Центрального терминала. Дальше с толпой людей ринулся в поезд метро, который шел до Таймс-сквер. Поезда ходили один за другим, но каждый пассажир норовил обогнать другого, словно это была последняя возможность уехать. Я поражался тому, как быстро движется толпа: казалось, мы бежим стометровку на олимпийских соревнованиях. К чему так спешить? Я не ездил на работу уже несколько лет, хотя тогда я вызывал такси или машину компании — должность позволяла. Я никогда не пользовался метро. Однако сейчас у меня не было времени сомневаться в правильности поведения окружающих — я рванул вперед, как все.

На Таймс-сквер я пересел из одного переполненного поезда в другой, направлявшийся к Девяносто шестой улице. Втиснувшись в вагон за долю секунды перед тем, как двери закрылись, я оказался плотно прижатым к лю-

дям, которых не знал и знать не хотел, — вынужденная первобытная физическая близость. Ни одного приветливого лица... «Как же я дошел до жизни такой?!» — казнился я. Вскоре двери открылись, и меня вынесли на грязную платформу. С колотящимся сердцем я поднялся по крутым ступенькам на Девяносто третью улицу, порядком вспотев, хотя на дворе стоял нежаркий апрель.

Выйдя из метро, я с трудом пошел против ветра, оскальзываясь и балансируя по мере приближения к «Старбаксу» — ледяной дождь превратил Бродвей в каток. Перед кафе я остановился. Добравшись до места, я отчего-то не торопился войти.

При виде старбаксовской вывески реальность происходящего стала до дурноты очевидной. Словно оглушенный, я стоял на обледенелом тротуаре в опасном районе Нью-Йорка. Мечта однажды вновь влиться в крупную международную компанию, руководить, разбогатеть и жить счастливо обернулась унизительным кошмаром: я действительно вот-вот присоединюсь к крупной международной компании, правда, в качестве подай-принеси с экзотическим именем. Вот будет посмешище для публики — Майкл Гейтс Гилл, одетый в зеленый рабочий фартук, подает напитки своим бывшим друзьям или клиентам! Как в старину, когда первые колонисты Америки сажали грешников в колодки на городской площади в качестве наглядного примера, чтобы другим неповадно было...

Пуританский священник Джонатан Эдвардс сказал: «Все мы подвешены на нитях в длани разгневанного Бога». Похоже, разгневанный пуританский Бог решил покарать меня за грехи, то есть за каждую минуту послед-

них лет. Я нес тяжкий груз вины, обидев тех, кого любил: бывшую жену, детей и немногих оставшихся друзей. Предки-пуритане были бы в ярости... Да, признал я, здесь и впрямь не обошлось без мстительного Бога, которого я оскорбил в лучших чувствах.

Однако в действительности все было куда проще, заурядднее и печальнее. Я не был легендарным библейским странником, современным Иовом — мне просто нужна была работа. Истина заключалась в нелицеприятном, но совершенно обычном факте: к порогу «Старбакса» меня привели финансовая несостоятельность и половая невоздержанность, заставившая искать приключений на стороне. Я не был избранником для показательного Божьего суда. Я самый обыкновенный человек без всяких признаков уникальности (признать последнее оказалось особенно неприятно — тяжело отказываться от тайного убеждения, что в жизни тебе отведена особая роль).

Сейчас судьба взяла меня за шкирку и ткнула носом в шокирующую реальность: испытания, выпавшие на долю некоего слишком старого, чтобы котироваться на рынке труда, белого мужчины, — это проблема миллионов стареющих американцев, в чьих услугах больше не нуждаются крупные корпорации и которым не на что жить. Неприятно ошеломленный, терзаемый тревогой, страдая от двойственного отношения к происходящему, растравив себе душу надуманным унижением, я наконец открыл дверь кофейни.

Войдя, я очутился в жарком, шумном помещении, где на первый взгляд царил хаос. Очередь начиналась почти от входа. Матери с младенцами на руках и в колясках, деловые люди, проверяющие, кто звонил им на сотовый,

школьники, сутулящиеся под тяжестью своих рюкзаков, студенты с ноутбуками — всем не терпелось получить свою чашку латте.

Взгляд на стоявших за прилавком баристов подтвердил мои худшие опасения: все они были темнокожими — с этническим разнообразием здесь явно было туго. Это не стало для меня неожиданностью: заходя в «Старбакс» после встречи с Кристал, я уже заметил, что в нью-йоркских кафе очень мало белых работников.

Впервые в жизни я ощутил себя представителем нацменьшинства. Мне предстояло работать с выходцами из совершенно иной социальной среды, людьми другого образования, возраста и расы.

Осмотревшись, я пришел к выводу, что работать придется крайне напряженно. За прилавком три продавца-кассира в зеленых старбаксовских фартуках и черных бейсболках энергично нажимали на кнопки касс, производили расчет и торопливо, громко выкрикивали названия заказанных напитков баристам у кофе-машины. Те, в свою очередь, повторяли названия напитков, одновременно опытной рукой проворно взбивая горячее молоко и наливая эспрессо. Один за другим бариста подавали клиентам готовые заказы, сопровождая этот жест радостным «Приятного аппетита!», звучавшим почти как вопль бесноватого. Посетителей дважды просить не приходилось: за вожделенными напитками уже тянулись алчущие руки.

К кофе здесь явно относились серьезно, причем по обе стороны прилавка: нечеловечески быстрый темп и неизбежный рабочий шум напоминали гонку, соперником людей в которой было само время. Я никогда не

питал склонности к спорту и невольно ощутил особую, спортивную, наадреналиненную атмосферу кафе. От бесконечного речитатива громко выкрикиваемых и не менее громко повторяемых названий напитков я чувствовал себя как на кастинге для экспрессивной итальянской оперы.

Я вдруг отчего-то заволновался, причем на этот раз не из-за расы, класса или возраста. Раньше мне казалось, что рядовая должность в «Старбаксе» ниже моих способностей. Теперь я увидел, что могу и не справиться. Работа за прилавком обещала стать настоящим испытанием — интеллектуальным, эмоциональным и физическим.

Я никогда не умел считать деньги (это основная причина, почему на старости лет мне пришлось искать работу) — с арифметикой у меня еще в школе были нелады. Память хранит яркие воспоминания о недоуменных восклицаниях учителей математики, писавших на доске уравнения: «Но это же так просто!» Я ненавидел преподавателей за их неоспоримое превосходство — даже простейшие сложение и вычитание давались мне с трудом, и сейчас один вид разнообразных купюр и монет, молниеносно переходивших из рук в руки, привел меня в ужас.

Из-за опухоли я уже не слышал на одно ухо — разобрать сложные заказы будет нелегко. Еще меня пугала необходимость правильно понимать заковыристые пожелания клиентов и правильно повторять их через долю секунды — языки тоже не были моей сильной стороной. Помню, преподаватель французского в Йеле сказал: «Ставлю вам зачет с одним условием: в этих стенах вы больше никого не будете истязать своим произношением». А тут предстояло осваивать птичий язык кофейни.

Новая работа уже казалась мне заведомо провальным тестом. В черных брюках и белой рубашке без галстука я робко жался в сторонке, но тут ко мне вихрем позитивной энергии подлетела Кристал.

— Давайте выпьем кофе, — предложила она, подводя меня к маленькому столику в углу. — Садитесь, я принесу вам образцы.

Возможно, это была всего лишь такая манера делового общения, но я невольно почувствовал благодарность. Сейчас Кристал держалась гораздо дружелюбнее, чем по телефону. Возможно, она смирилась с собственным решением взять меня на работу и перестала презирать себя за то, что предложила мне место.

Вскоре я уже сидел за столом с Кристал, смакуя вкуснейшую суматру.

— Этот кофе славится своим «земляным» вкусом... который я называю грязным, — засмеялась Кристал. Я тоже засмеялся. Сегодня волосы Кристал были убраны под старбаксовскую кепку, что придавало ей очень изящный, почти гламурный вид. Красивые бриллиантовые серьги бросали разноцветные блики на щеки и шею.

Было ли причиной тому кофе или тонкое умение Кристал создать непринужденную атмосферу, но на душе у меня стало гораздо легче.

Однако до полного комфорта было еще далеко.

Ни с того ни с сего я вдруг вспомнил, как много лет назад, согретый любовью родных и друзей, привыкший к теплу родного гнезда, я проводил лето у озера в Коннектикуте. Сейчас тот смех и невинное дуракаваляние под

ярким солнцем казались элементами другой, позапрошлой жизни. Озеро, где я вырос, окружала настоящая лесная чаща — несколько акров частного леса. Как надежные стражи, деревья охраняли меня от реальности жестокого мира, позволяя наслаждаться беззаботным весельем и наследственными привилегиями.

Отлично помню, как мальчишкой я швырял яблоками в поэта Эзру Паунда. Его издатель Джей Лолин, владевший соседним коттеджем, привез Паунда на денек на озеро. Поэт в деловом костюме неподвижно сидел на краю мостков, а когда надоело, стянул брюки и начал болтать в воде противно белыми ногами, по-прежнему не издавая ни звука. Его белесая кожа напоминала по цвету брюхо лягушки. В гордой отстраненности Паунда было нечто, возмутившее меня и моих двоюродных братьев. Яблоками, которые мы собирались съесть, мы принялись обстреливать Эзру Паунда, чаще промахиваясь, конечно, но тем не менее вокруг него взрывались целые фонтаны воды, обливая его иностранную темную одежду.

Паунд не пошевелился и не произнес ни слова. Отец от души хохотал, подзадоривая яблокометателей. Он как раз недавно написал книгу-бестселлер «У нас в «Ньюйоркере»*» о своем многолетнем сотрудничестве с этим элитным журналом и на торжественном открытии продаж сформулировал свою философию: «Первое правило жизни — жить весело и со вкусом. Второго правила не существует». Развлекаться, по мнению отца, следовало за счет других. Паунда он недолюбливал и, не скрываясь, наслаждался нашей шалостью.

* «Ньюйоркер» — основанный в 1925 г. еженедельный литературный журнал, освещающий новости Нью-Йорка, вопросы искусства и спорта.

Папа получил свое место у озера в результате брака с моей матерью, члены семьи которой владели там землей уже сотню лет. Сам папа принес этим потомкам переселенцев с «Мэйфлауэра» деньги, заработанные его отцом, иммигрантом-ирландцем. На озере произошел мощный взрыв благородной белоджентльменской вежливости, встретившейся с папашиным нарочито провокационным стилем кельта-бунтаря. Не без лицемерной — напоказ — развязности отец с удовольствием проматывал деньги своего родителя, которые тот зарабатывал тяжким трудом.

— Деньги нужно тратить, пока жив, — пиратски сверкая черными глазами, повторял он с интонацией «после нас хоть потоп», словно насмехаясь над непросто доставшимся его старику состоянием и чопорными янки на озере, которые тряслись над каждым пенни.

Отец любил говорить, писать и просто обожал быть в центре внимания на вечеринках. «Только на пати и живешь», — говорил он, и на наших мостках на эксклюзивном сельском озере царил вечный непрекращающийся праздник.

Отец бережно относился к своему времени и с трепетом — к своим многочисленным талантам. Он уделял себе так много внимания, что на меня его попросту не оставалось. Не помню, чтобы мы когда-либо проводили время вдвоем. Когда я вырос и съехал из родительского дома, папа приглашал меня на свои роскошные вечеринки — только тогда мы встречались. Когда он умер, моя тяга к тусовкам сошла на нет.

А сейчас я пью кофе с Кристал — несколько миров отделяют меня от вечного праздника на элитном озере — и смеюсь, ощущая, как на сердце становится светлее и на-

строение поднимается. Ощущения меня удивили. Возможно, причиной тому был избыток кофеина в крепчайшей суматре, однако мне очень понравилось такое начало рабочей смены — пить вкусный кофе в оживленной обстановке переполненного кафе. Все казалось незнакомым и странным, как Алисе в Зазеркалье или как «Старбакс» Майклу Гейтсу Гиллу, который с боем прорвался на новую должность и в другой социальный класс и обнаружил, что это вовсе не страшно. Отступив от прежнего статус-кво, я почувствовал себя легко — впервые за много дней. Или недель. Или месяцев.

Настоящее безумие... Но безумие оправданное.

От размышлений меня отвлек голос Кристал:

— Майк, важно, чтобы вы запомнили разницу между сортами кофе.

Придется отказаться от роскоши философских раздумий о старых проблемах. Свисток прозвучал, я в игре. Время переключаться на насущные дела. Теперь моя задача — быстро выполнять заказы посетителей. Нужно отказаться от воспоминаний о том, что я потерял: в настоящем меня тоже ожидают не самые легкие испытания — только успевай поворачиваться.

Я стоял на пороге открытия: в «Старбаксе» главное — не я, а посетители.

Кристал сделала серьезное лицо и начала лекцию, словно перед ней сидел прилежный студент кофейного факультета:

— Кофе суматра происходит из Индонезии, куда был завезен голландцами сотни лет назад, и входит в категорию сортов, которые мы называем «резкими».

Снова «мы». Я невольно подумал о Линде Уайт и ее «мы», с которым она меня уволила. Кристал может поступить так же...

— Таким образом мы приветствуем всех новых партнеров, — пояснила Кристал, чуть подавшись вперед, словно доверяя мне секрет. — Кофе — это наш бизнес. Наше полное название — «Кофе "Старбакс"», поэтому при знакомстве каждого партнера принято потчевать кофе и рассказами о его истории.

Улыбнувшись, Кристал вновь села прямо. Я улыбнулся в ответ. Лицо ее казалось доброжелательным и веселым. Даже карие глаза, которые иногда становились такими холодными, сверкали сейчас каким-то счастливым интересом. В ходе нашей беседы я убедился в том, что она умна и вкладывает в свою работу всю душу — по крайней мере в кофейный бизнес. В душе понемногу крепла робкая надежда, что Кристал действительно решила дать мне шанс проявить себя.

Смакуя богатый букет крепчайшей суматры, я решил, что эта часть работы мне по плечу: кофе я люблю, и меня всегда интересовала история разных вещей и явлений. Я наблюдал за партнерами: от них чуть ли не пар валил, но работали они азартно, с удовольствием. Все как один молодые, и ни одного белого лица за прилавком. Ничего, сказал я себе, я буду вроде этого кофе — из крепких сортов.

Дверь кафе распахнулась, и вошел угрюмый темнокожий парень ростом под потолок и с огромными мускулами, бугрившимися под черной футболкой. На голове у него была туго повязана бандана, придававшая ему сходство с пиратом, которое еще больше подчеркивали зло-

дейские тонкие усики и клочок волос на подбородке. Словом, на улице я перешел бы на другую сторону, лишь бы не связываться с таким типом.

Кристал обратилась к вошедшему:

— Привет, Кестер! Познакомься с Майком.

Кестер неторопливо подошел — на лбу у него я заметил свежий шрам — и протянул огромную ручищу.

— Привет, Майк, — пророкотал он низким баритоном и улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо: я сразу почувствовал невольную симпатию. Исходившее от парня дружелюбие казалось едва ли не сильнее, чем от Кристал. Интересно, с чего это Кестеру так радоваться мне? Не иначе как парень уверен в своих силах на сто процентов и белые старики для него не проблема.

— Это откуда? — поинтересовалась Кристал, указывая на его лоб.

— Соккер.

— Соккер?!

— Да приятели из Колумбии втянули меня в игру. Они, видишь ли, думали — раз я натурал, значит, хорошо играю в соккер, — засмеялся Кестер.

Но Кристал уже вернулась к делам: на ее лице появилось выражение, которое я назвал бы строго начальственным. Я уже понял, что Кристал нравится руководить.

— Майк — наш новый партнер, — сказала она Кестеру. — Не окажешь ли ты мне услугу, став его наставником?

Мне еще предстояло привыкнуть к тому, что в «Старбаксе» никто никому не приказывает. Здесь принято просить об услуге.

— Конечно, — отозвался Кестер. — Только переоденусь.

Когда он ушел, Кристал снова подалась вперед с заговорщическим видом:

— Кестер научился улыбаться, только когда начал здесь работать. Он был лидером группы плохих... — Она осеклась, спохватившись, что сболтнула лишнее, и выпрямилась на стуле, поправляя волосы. Какой же разной умела быть Кристал — доверительной, конфиденциальной, серьезной, веселой, начальственной, настороженной... Сейчас она вновь замкнулась и насторожилась.

Кестер вернулся в зеленом фартуке и черной старбаксовской кепке, ничуть не повлиявших на его внушительно-грозный вид. Но стоило ему улыбнуться... Кристал встала и жестом предложила Кестеру занять освободившееся место.

— Я принесу вам еще кофе.

Вскоре она вернулась с двумя чашками «Вероны» и аппетитными кофейно-шоколадными пирожными. Я удивился тому, что менеджер кафе так запросто нас обслуживала, — за всю свою корпоративную биографию я ни разу ничего не подал и не принес своим подчиненным. Кристал, казалось, выполняла обязанности официантки с искренним удовольствием. Кристал и «Старбакс» просто переворачивали традиционную корпоративную иерархию с ног на голову!

Она начала подробно рассказывать о «Вероне», определив его в категорию «медиум» и охарактеризовав смесь разных сортов кофе из Латинской Америки, идеально сочетающуюся с шоколадом.

— Хотя шоколад, — Кристал широко улыбнулась нам с Кестером, — прекрасно сочетается с любым кофе — они

же близкие родственники. Надеюсь, вам понравится «Верона» с шоколадными пирожными.

И она оставила нас лакомиться кофе с десертом, словно мы были гостями в ее доме. Кристал оказалась права: сочетание «Вероны» с шоколадом оказалось необычно вкусным.

Затем она принесла нам колумбийский кофе с ломтиком кекса.

— Это так называемая мягкая категория, — сказала она. — Чувствуете разницу?

— Да, он гораздо легче, чем суматра, — согласился я.

— Легче — хорошее слово, Майк, — одобрила Кристал тоном учительницы, похвалившей способного ученика. — Скоро вы будете разбираться во всех сортах. Кстати, вам оплатят время, которое вы провели за кофе с кексом в компании Кестера. Что, неплохой первый рабочий день?

Кристал оставила меня с Кестером. Держалась она непринужденно, но я решил, что это скорее всего стиль ее руководства. Должно быть, она делает все, чтобы новый партнер побыстрее освоился. Кристал была все время разной — понадобится время, чтобы узнать ее получше. Она не вписывалась ни в одну из понятных мне категорий.

Десять лет назад я и представить не мог, что буду с трепетом, надеждой и отчаянием ожидать положительного решения от этой молодой женщины.

И конечно, даже в самых смелых фантазиях не смог бы представить, как пью кофе с шоколадными пирожными в компании такого вот ужасного на вид Кестера.

— Сделаем так, — деловито начал мой наставник, — мы называем это взаимным обучением. Это значит, что

мы все делаем вместе, и я учусь сам, пока учу вас. — Он взял наши пустые чашки и встал. — О'кей, а сейчас вы будете пить собственноручно приготовленный кофе. Я покажу, как это сделать.

Вслед за Кестером я прошел за прилавок.

Кестер считался в «Старбаксе» лучшим «закрывающим». Одной из самых сложных задач является закрытие кафе поздним вечером: последняя смена подсчитывает выручку по всем кассам, драит помещение до зеркального блеска и подготавливает все необходимое для открытия утром. Если кафе закрывал Кестер, никто не сомневался, что все будет в полном ажуре.

Ничего этого я не знал в свой первый рабочий день в «Старбаксе», как не знал и того, что через несколько месяцев Кестер спасет мне жизнь.

Глава 3

Слово, изменившее мою жизнь

Человеческий катализатор для мечтателей — это учителя и прочие невольные двигатели прогресса, то есть те, с кем мечтатели сталкиваются в течение жизни. Так принесем же учителям нашу особую благодарность.

Слова Кевина Кэролла, гостя «Старбакса», выведенные на чашке латте «Венти» без кофеина

Май

Я стоял на станции Бронксвилл, ожидая электрички до Нью-Йорка в семь двадцать две. Смена начиналась только в десять тридцать, но я хотел иметь в запасе максимум времени. От Бронксвилла до Большого Центрального терминала тридцать минут, оттуда на метро до Таймс-сквер еще от десяти до двадцати минут, потом пересадка на экспресс до станции «Западная Девяносто шестая», откуда до кафе всего один квартал. Я волновался. Маршрут для меня непростой, и я боялся опоздать, а этого мне бы совсем не хотелось.

Ожидая поезда в то майское утро, я заметил, что маленький пригород сильно изменился за последние дни.

Все произошло в полном соответствии со старой пословицей «Апрельские дожди — к майским цветам», и, словно в фильме «Волшебник из страны Оз», черно-белая зима отступила перед свежими весенними красками. Повсюду глаз замечал пятна алых и белых тюльпанов — после зимней монохромности они казались слишком яркими, даже кричащими. Цветущая форзиция ослепляла солнечно-желтым. Кроны деревьев на фоне ярко-голубого утреннего неба были окутаны легкой нежно-зеленой дымкой молодой листвы.

Я вдохнул свежий весенний воздух полной грудью и вдруг отчего-то заплакал. Слезы тихо заструились по щекам. Я старался справиться с эмоциями, не желая привлекать к себе внимание остальных пассажиров — женщин и мужчин, поголовно одетых в деловые костюмы от «Брукс бразерс» и преисполненных едва сдерживаемого энергичного самодовольства, которое теперь казалось мне тошнотворным.

Я завидовал их уверенности в завтрашнем дне.

Я ненавидел их за легкость, с которой они переносили ежедневные поездки на работу.

Я был для них невидимкой. В черных брюках, рубашке и старбаксовской кепке я выглядел тем, кем и был, — просто обслугой, одним из тех, кто в утренней суете иногда делит с ними место в вагоне пригородного поезда, но спешит к слишком уж презренной работе, чтобы его замечали «хозяева Вселенной».

Я украдкой вытирал щеки, но слезы все текли и текли. Пусть думают, что это аллергия на пыльцу, желто-зеленой дымкой висевшую в весеннем воздухе, хотя я-то точно знал, что сенная лихорадка здесь ни при чем.

Было что-то ужасно нелепое и печальное в том, что я стою на платформе в ожидании пригородного поезда в унизительной униформе спустя несколько десятилетий после переезда в этот эксклюзивный городок. После рождения сестер (казалось, папа во что бы то ни стало решил завести второго сына, ибо я его полностью разочаровал) отец решил, что нам следует уехать из Нью-Йорка.

Выбор папы пал на внушительный викторианский особняк в Бронксвилле — близко от Нью-Йорка, да и хорошая общественная школа под боком. Но мне здесь совсем не нравилось.

Каждый день, когда я шел в школу, из кустов выскакивал местный хулиган по имени Тони Дуглас, валил меня на землю и выкручивал руку до тех пор, пока я не начинал плакать. Унизительно плакать девятилетнему мальчику, но иначе Дуглас не отставал. Мне действительно было больно и страшно — казалось, мерзавец вот-вот сломает мою руку. Зимой он тыкал меня лицом в снег и тер до тех пор, пока я не начинал просить пощады. Тогда Дуглас вскакивал и со смехом убегал. Я медленно вставал — все болело — и собирал свои учебники.

К тому же мне долго не давалось чтение — еще одна причина недолюбливать Бронксвилл. Как ни старался, я не мог научиться читать. Все одноклассники быстро овладели этой наукой, а я сидел болван болваном среди своих ровесников, не видя того, что видели они, не умея прочесть те фразы, которые они так гордо произносили. Слова в учебниках словно были зашифрованы. Предложения прыгали перед глазами. Я пытался силой воли взломать ненавистный код, но у меня ничего не получалось.

Просто ужасно было день за днем убеждаться в собственной тупости, ничтожестве и отсутствии способностей.

Разумеется, мою неполноценность нельзя было не заметить.

Мисс Маркхэм была директрисой начальной школы. Ученики боялись ее до смерти. Одетая в черный костюм, она, как генерал, маршировала по коридорам, низким голосом отдавая приказы.

Получив донесение о моей проблеме, она позвонила моим родителям и вызвала их к себе.

Мать смутилась, отец рассердился — из-за меня нарушались его планы на день.

— Да что она, не могла выбрать другое время? — злился отец, обращаясь к матери. — Только в самый разгар рабочего дня!

Удивительно, но мисс Маркхэм приняла мою сторону, не сомневаясь (вопреки очевидности), что я «выправлюсь». Она настояла, чтобы я присутствовал при разговоре с родителями.

— Я никогда не говорю о детях за их спиной, — пояснила она.

Прямо при мне она твердо сказала моим родителям:

— Майкл будет читать, когда сам захочет. Прекратите его травить!

Я ушам не поверил, услышав столь резкие слова в адрес родителей. Мисс Маркхэм явно была возмущена их поведением. Мне всю жизнь твердили, какая чудесная у меня семья, но директриса шестым чувством догадалась, что мне необходима защита от собственных мамы и папы.

В конце концов все так и произошло, как она говорила: в одно прекрасное лето, когда мне было десять лет, я легко, без каких бы то ни было усилий научился читать.

Каждое лето мы уезжали из Бронксвилла в маленький провинциальный городок Норфолк в горах Коннектикута. Мама заметно веселела: до замужества она всегда проводила лето в Норфолке, и многие друзья ее юности по-прежнему съезжались туда в начале июня. Ее лучшая подруга детства владела виллой буквально через три поля от нашего дома, и ее сын стал моим лучшим другом. Мы колесили на велосипедах по старым грязным дорогам и купались в маленьком озере.

Мама будила меня рано утром и показывала, как сверкает роса на солнце.

— Настоящие драгоценности эльфов, — говорила она, крепко обнимая меня. — Разве есть на свете что-нибудь чудеснее летнего утра в Норфолке?

Иногда она будила меня ночью, поднимала с постели и за руку вела посмотреть на луну.

— Посмотри, какая красота! — восклицала она счастливым и слегка выспренним тоном.

Но больше всего мне нравилось сидеть с мамой на колючем шерстяном пледе — она читала мне вслух, а я смотрел на березовую рощицу на краю поля. Листья дрожали от легкого ветерка: ярко-зеленые, они волшебным образом превращались в серебристые под ярким утренним августовским солнцем.

Мы жили в маленьком бунгало, построенном еще моим дедом посреди огромного поля. За домом простиралась бесконечная чаща, где вот уже больше ста лет не рубили и вообще не трогали ни единого дерева — тысячи акров леса,

получивших неприкосновенность. Этот заповедный лес стал для меня убежищем, где я бродил с луком и стрелами, мечтая подстрелить какую-нибудь дичь (чего, разумеется, ни разу не случилось), проникаясь удивительным спокойствием от старых деревьев и полной грудью вдыхая живительный аромат сосны и папоротника.

Еще я любил Норфолк, потому что здесь мне иногда удавалось проводить время с отцом. В Бронксвилле он с энтузиазмом обновлял особняк из тридцати пяти комнат, напропалую хвастаясь, что наш дом несравненно больше, чем у всей родни по обеим линиям.

Все деньги, вырученные от продажи кирпичного дома на Семьдесят восьмой улице в Нью-Йорке, папа ухнул в огромный особняк — предстояло отремонтировать буквально акр черепичной крыши. В доме отец устроил двухэтажную библиотеку. Я слышал, как он говорил друзьям: «Я всегда мечтал о личной библиотеке с лестницей!» — и демонстрировал стремянку на колесиках, с помощью которой удобно доставать книги с верхних полок.

Наверху он держал старые выпуски «Ньюйоркера». Я добирался до них по этой стремянке. Это было своего рода общение с отцом, который практически не бывал дома. Хотя новый дом и составлял предмет его гордости, он охотнее проводил время в Нью-Йорке — его привлекала жизнь большого города. Я никогда не видел, чтобы папа входил в библиотеку и что-то читал или хоть присаживался на минуту. После переезда в Бронксвилл он все меньше времени проводил со мной, сестрами и матерью, уезжая рано утром и возвращаясь, когда я уже спал.

Но я любил листать старые журналы: мне нравились карикатуры и то, как ровные строки ньюйоркеровского

шрифта маршируют по странице слева направо. Не умея читать, я не понимал написанного, но каким-то образом улавливал отблеск того, принадлежностью к чему гордился мой отец.

Однажды, вдоволь нагулявшись по лесу, я вернулся в бунгало. Мама дремала. Сестры, которые все делали вместе, убежали к своим подружкам. Я вытащил старую книгу — в летнем коттедже большинство книг были старые, купленные много десятилетий назад, отсыревшие и заплесневевшие на полках.

Я выбрал книгу потолще, с картинками, и открыл страницу с фотографией.

«Генерал Грант», — прочел я. Я действительно прочел подпись под снимком. Я читал! Сначала первые несколько слов, затем все больше и больше. Черный шрифт ровных строк неожиданно стал складываться в знакомые понятия!

Я никому ничего не сказал, но когда осенью мы вернулись в Бронксвилл, я уже довольно сносно читал.

Хотя лишь к шестому классу я освоил то, чему сверстники научились несколько лет назад, мисс Маркхэм осталась очень довольна: я полностью оправдал ее «бредовую» веру в меня.

Однажды днем, в конце года, она попросила меня зайти к ней домой. Я переходил в седьмой класс, заканчивая, таким образом, начальную школу, в которой полновластно распоряжалась мисс Маркхэм.

Она жила в просторном доме при школе.

Мисс Маркхэм подала мне чай, затем взяла со стола лист бумаги с заранее сделанной надписью и повернула так, чтобы мне было видно. Почерк был очень крупный и четкий.

— Читай, — приказала она резким голосом.

— «Майклу Гейтсу Гиллу судьбой предназначено стать великим человеком».

Прочитав, я поднял глаза: это была какая-то проверка? Я только что прошел тест по чтению?

— А еще нужно читать? — спросил я, готовый читать для нее сколько угодно. Без мисс Маркхэм меня могли отправить во вспомогательную школу — родители обсуждали такую возможность.

— Не нужно, — ответила мисс Маркхэм. Она подошла и взяла мои руки в свои. Я заметил, что у нее густые брови и очень яркие карие глаза. — Я приняла решение, — сказала мисс Маркхэм. — Тебе, Майкл, — продолжала она, словно делая официальное публичное заявление, — предназначена великая судьба. Мне все равно, чем ты будешь заниматься, пойдешь ты в престижный университет или не пойдешь. Я просто знаю: ты станешь великим человеком.

Она отпустила мои руки, села на стул и улыбнулась.

Я не знал, что сказать. Я искренне не понимал, к чему она клонит.

Подавшись вперед, мисс Маркхэм заговорила снова:

— Я редко так поступаю, но раз в несколько лет в школе обязательно появляется мальчик или девочка с исключительными способностями. Знай — ты талантлив. Ты сам, а не только твои работы.

Талантлив, тупо подумал я. Что это значит?

— Может, сейчас ты не поймешь, к чему эта записка, — сказала она, увидев мою озадаченность. — Но храни ее в каком-нибудь ящике, доставай раз в год и перечитывай. Ведь ты уже умеешь читать!

Она рассмеялась, но тут же вновь стала серьезной. Я был маленьким мальчиком, и она видела, что мне не все понятно.

— Ты ведь не верил, что когда-нибудь научишься читать? — спросила она уже мягче.

— Нет.

— А я знала, что ты научишься. И я знаю, что ты будешь великим человеком, хотя ты в это пока не веришь.

— Нет.

— Ну тогда просто запомни, что я тебе сказала.

Я по-прежнему молча смотрел на нее во все глаза.

Я не слышал, чтобы прежде кто-нибудь ходил в дом к мисс Маркхэм или разговаривал с ней на посторонние темы. Может, в этом и крылась причина моего смущения? Правда, тогда я всего стеснялся... Я видел, что мисс Маркхэм ждет от меня каких-то ответных слов, чувствовал ее любовь и поддержку, но решительно не знал, что сказать.

— Мой старший брат, — вдруг сказала она печально, — был алкоголиком. При этом обладал множеством прекрасных качеств. Помочь ему было не в моих силах. Оглядываясь назад, я иногда думаю — брат просто не знал, что он прекрасный человек.

Неужели слезы навернулись на ее глаза?

— Сохрани записку, — сказала мисс Маркхэм севшим от волнения голосом. — Просто сохрани, и все.

Она поднялась и проводила меня до двери, снова став прежней мисс Маркхэм, с уверенной походкой и точными движениями.

Наше рукопожатие получилось почти формальным.

Я пошел восвояси, но на углу почему-то остановился и оглянулся.

Она смотрела на меня и помахала на прощание.

Я ответил ей тем же.

Записку мисс Маркхэм я хранил несколько лет. К сожалению, она потерялась, когда я поступил в университет и мама выкинула большую часть моих старых вещей. Но тот день я помню, словно это было вчера. Помню до сих пор.

Я вновь встретился с мисс Маркхэм уже после университета, в департаменте транспорта, куда мы оба зашли продлить водительские права.

Она вышла на пенсию и постарела. Волосы у нее стали совсем седые.

— Майкл, — звучно окликнула она меня в затхлой официальной приемной.

Голос мисс Маркхэм остался командным.

Я невольно вскочил с места.

Она подошла поближе.

— Как поживаешь?

— Хорошо, — сказал я. — Окончил Йель.

— Тебе не обязательно было идти в университет, — сказала она. — Помнишь мою записку?

— Да.

— Я тоже помню, — сказала она и улыбнулась: — Не важно, чем ты занимаешься, важно, кто ты есть. А ты талантлив.

В этот момент служащая назвала мое имя, и я подошел к стойке заполнять бланки и делать фотографию. Когда закончил, мисс Маркхэм уже ушла. Я не предпринимал попыток вновь с ней увидеться.

Даже тогда, в двадцать с лишним лет, я не знал, как отблагодарить ее за веру в меня, не находил нужных слов. Но, воспарив душой, поверил в себя.

Должно быть, мисс Маркхэм догадывалась, что так и будет. Научившись читать, я буквально заболел книгами. Я открыл для себя мир, который могут подарить слова. Начиная с десяти лет я читал по многу часов в день. Я обожал уходить в волшебную страну слов и книг, потому что жизнь моя по-прежнему текла одиноко. Летом отец приезжал по воскресеньям, но зимой он бывал слишком занят, чтобы возиться со мной.

У меня были приятели, но вообще в элитном пригороде я тосковал как нигде. В Нью-Йорке, даже после ухода Наны, можно было хотя бы смотреть в окно на прохожих — стариков, детей, неторопливо прохаживавшихся полицейских или несущихся куда-то подростков.

В Бронксвилле мимо нашего огромного особняка никто не проходил. Через высокую изгородь можно было иногда успеть увидеть промчавшийся мимо автомобиль, который через секунду с визгом покрышек сворачивал за угол.

В Норфолке мне нравилось гораздо больше: иногда в выходные дни отец позволял возить за ним клюшки во время игры в гольф или ходил с нами на озеро и проводил там целый день.

Он громко кричал проплывавшему мимо Джею Лолину, владельцу соседней виллы:

— Вылезай из своих мокрых трусов и ныряй в сухой мартини!

Джей тоже принадлежал к литературному миру — он был основателем издательства «Новые направления», но в отличие от моего отца Лолин был живым воплощением меланхолии и редко улыбался. Лишь в присутствии Брендана Гилла Лолин хохотал во все горло.

Вокруг отца моментально собирались заинтересованные слушатели, и я получал редкую возможность насладиться папиным присутствием и окружающей его искрящейся весельем атмосферой. Мне казалось, отец — самый занятный человек на свете, когда он общается со взрослыми.

Со мной ему было неловко, хотя он и относился ко мне по-своему ласково.

Порой он напевал мне песенки, которые ему когда-то пел его отец, — «Мальчик-менестрель», «Дэнни-бой», старинные ирландские напевы. Раньше, во времена семейных обедов, когда отцу становилось скучно, он принимался декламировать стихи, причем исключительно грустные.

— «Ведь прожитым не может он гордиться, и не на что надеяться ему»*, — выразительно читал он из «Смерти работника» Роберта Фроста**. — Печальный итог жизни, не правда ли?

Вопрос папы был адресован ко всем сидящим за столом, но я предпочитал помалкивать: мальчишкой я понятия не имел, о чем он говорит.

Даже потом, в Йеле, лично познакомившись с Робертом Фростом, я не смог понять печального лейтмотива его поэзии: он производил впечатление этакого славного деревенского джентльмена. Помню, как по окончании последнего урока я спешил на вечеринку с шерри в честь знаменитого поэта. Переодеваться не было нужды: как все студенты тех лет, я носил пиджак и галстук. Йелю еще

* Перевод С. Степанова.

** Роберт Фрост (1874—1963) — американский поэт, четырежды лауреат Пулитцеровской премии.

только предстояло пережить сокрушительную волну войны во Вьетнаме и с ликованием воспринятое разрешение совместного обучения лиц обоего пола. А тогда студенты были заключены в ревностно оберегаемый янтарь старинной обстановки, где жил и действовал Динк Стовер и прочие безукоризненно одетые герои Йеля (Динк Стовер был главным персонажем популярного научно-фантастического романа с одноименным названием, опубликованного в начале двадцатого века и все еще периодически перепечатываемого. Превосходный атлет и образец галантности, Динк в любых обстоятельствах вел себя как истинный джентльмен. В кульминации романа ярко проявилось врожденное величие натуры Стовера, которого порядком затравили члены «Черепа и костей»). Преподаватели обращались ко мне не иначе как «мистер Гилл», а учитель английского, профессор Уэйт, пригласил однажды на «бокал шерри с Робертом Фростом».

Профессор встретил меня у дверей и проводил в гостиную, где полдюжины студентов уже собрались вокруг крупного мужчины в плотном твидовом пиджаке, стоявшего в центре зала. Мне бросилась в глаза удивительная белоснежная шевелюра Фроста, казавшаяся растрепанной таинственным ветром, хотя мы находились в жарко натопленном холле общежития.

Фрост приветствовал меня крепким рукопожатием, оглядев смеющимися глазами.

Никто из нас не задал ему вопроса о его творчестве — в том социальном контексте это было бы неучтиво, словно на званом вечере просить гостя-врача поставить диагноз.

Кстати, я вообще не помню, чтобы мы обсуждали поэзию или переписывались с кем-либо из поэтов, приезжавших к нам в Йель. Например, между коктейлями в «Морис» мы с Уистеном Хью Оденом* затеяли дискуссию о правильных способах приготовления того или иного напитка. Когда меня пригласили на встречу с Т.-С. Элиотом**, приехавшим в Нью-Хейвен с лекцией, профессор Норман Холмс Пирсон предупредил нас: «Не задавайте Элиоту никаких вопросов. Ходят слухи, что он умирает от рака и ездит с лекциями по стране, чтобы собрать денег для своей жены».

Когда Нью-Хейвен посетил Дональд Холл, ныне известный поэт-лауреат, мне поручили сводить его куда-нибудь на ужин. Дело кончилось диким ночным разгулом с целой оравой пьяных студентов, к вящему облегчению Холла, тема его стихов, разумеется, осталась нераскрытой.

Одной из норм поведения в Йеле, да и в родительском доме, было избегать прямых вопросов, поэтому в детстве я никогда не спрашивал отца, к чему он цитирует Фроста или другого поэта. Я был благодарным слушателем, и от меня не требовали большего.

Почти каждый день отец повторял: «Красота, останься — пламя умирает».

Однажды я спросил, что это значит.

— Это строка из поэмы***, — ответил папа. Лишь потеряв отца, я узнал, какие тяжелейшие переживания вы-

---

* Уистен Хью Оден (1907—1973) — англо-американский поэт, оказавший огромное влияние на литературу XX в.

** Томас Стернз Элиот (1888—1965) — англо-американский поэт, лауреат Нобелевской премии, один из родоначальников модернистской поэзии.

*** Имеется в виду стихотворение Джона Мейсфилда «На наступление старости».

пали на его долю. Раньше красноречивые намеки как-то не доходили до сознания.

В мой седьмой день рождения, когда после школы мама устроила для меня праздник с воздушными шарами, тортом и даже подарками для моих друзей, отец отчего-то вернулся раньше обычного и застал за обеденным столом нашу смеющуюся, галдящую компанию.

Он вошел в столовую, и наступила тишина — в любом обществе отец сразу привлекал внимание величественной осанкой и великолепными темными глазами. Казалось, он чем-то расстроен.

Отец хотел было что-то сказать.

— Да, дорогой? — встрепенулась мама, всегда мечтавшая привлечь супруга к участию в семейных праздниках. — У нас тут маленькое торжество по случаю семилетия Гейтси!

— В семь лет я потерял мать, — сказал отец и вышел.

Мама поспешила за ним.

Не помню, как отреагировали мои приятели и я сам. Полагаю, попросту вернулись к играм с подарками, купленными мамой.

Но мне стало ясно — отцу в тягость говорить со мной или даже находиться рядом.

Я слышал, как однажды он сказал матери:

— Не могу дождаться, когда Майкл Гейтс вырастет и с ним можно будет поговорить по-человечески.

Однако несмотря на то что отец явно тяготился обществом сына и супруги, во время уик-эндов за городом он был ближе к семье, чем в Бронксвилле.

Когда в летний выходной отец оставался в городе и «работал в поте лица», я купался в озере и гулял по лесу,

вдыхая аромат сосен, а вечером ощущал удивительный, свежайший воздух Норфолка, полный запахов луга и леса.

Каждый вечер, засыпая, я улыбался, думая, что мама обязательно разбудит меня и покажет «ее луну».

Бронксвилл был лишен всякого волшебства и очарования.

И вот я у финишной черты — жду электричку на железнодорожной станции Бронксвилла, живу в крошечной квартирке вместо огромного особняка, потерял семью и друзей. По щекам вновь заструились слезы.

Получив работу в «Старбаксе», я навел справки о съемных квартирах в Нью-Йорке, но, узнав расценки, понял, что не смогу позволить себе жить поближе к работе.

Начал искать что-нибудь за пределами Манхэттена, задумавшись о переезде в верхнюю часть Уэст-Сайда, за границу Бронкса, в Маунт-Вернон и даже в Брюстер — все варианты ближе к городу были слишком дороги.

Однажды во время поисков жилья я зашел перекусить в кафе, которым владел мой старый школьный друг. Мы разговорились, и Фил сказал, что в доме его родителей свободна маленькая мансарда на третьем этаже.

— Дом, правда, стоит у железной дороги, — развел он руками. — Но зато квартира со всеми удобствами, и я готов сдать ее тебе недорого.

Я ухватился за это предложение — мне понравилась идея подниматься по старой скрипучей лестнице и жить в мансарде.

Наконец поезд прибыл.

Я вошел в вагон, пропустив вперед самых рьяных пассажиров. Мрачное расположение духа — не самое лучшее

начало дня, поэтому я попытался вспомнить о Бронксвилле что-нибудь хорошее.

Несколько раз в году в нашем бронксвиллском особняке отец устраивал званые вечера и обязательно знакомил меня с каждым, кто мог представлять для меня интерес. Когда я был маленьким, он свел меня с Э.-Б. Уайтом*, зная, что я обожаю «Малыша Стюарта». Э.-Б. Уайт оказался тщедушным, добрым и любопытным — вылитый Малыш Стюарт*.

Когда я вырос, отец пригласил драматурга Брендана Биэна, «дикого ирландца», в один из домов, где я мог с ним пообщаться. Я любил Биэна за его отчаянную песню, где звучат адские колокола: «Тинг-а-линг-а-линг по тебе, но не по мне!»

Я сказал себе, что знавал в Бронксвилле и счастливые времена, хотя, признаться, роскошные приемы и литературные знаменитости значили для меня очень мало. Я предпочел бы провести время наедине с отцом.

В шестьдесят четыре, напомнил я себе, пора подумать и о смерти, а не песенки Биэна распевать. Что же мне, всю оставшуюся жизнь носить траур по прошлому? Нужно как-то более позитивно распорядиться оставшимся у меня временем.

С трудом протискиваясь к свободному месту в вагоне, я отчего-то вспомнил фразу Ф.-С. Фицджеральда: «В жизни американцев второго акта не бывает».

А что, если вся это сегодняшняя суета абсолютно бесполезна? Хотя разве полукочевая жизнь, которой я жил раньше, не свидетельствует о том, что я когда-то выбрал неправильный путь?

---

* Элвин Брукс Уайт (1899—1985) — американский писатель, автор детской книги о мышонке «Малыш Стюарт».

Я глубоко вздохнул, выпрямился на сиденье и попытался хорошенько все обдумать.

Работать с Кристал мне нравилось. Стыдно признаться, но в «Старбаксе» было интереснее, чем на руководящем посту в «Джей Уолтер Томпсон».

«Будь честен, Майк, — подумал я, обратившись к себе по-старбаксовски, — тебе нравится эта работа. Если ты щеголяешь в зеленом фартуке вместо костюма от «Брукс бразерс», это не значит, что тебе не по душе твои сегодняшние обязанности».

Я даже рассмеялся своим мыслям вслух.

Кое-кто из попутчиков осуждающе взглянул на меня, остальные остались равнодушны.

Они не обращали внимания на мои слезы, однако мой смех покоробил их своей неуместностью.

К тому времени как мы доехали до Большого Центрального терминала, я чувствовал себя намного лучше и со всех ног кинулся в метро, обгоняя всех этих преуспевающих бронксвиллских рвачей — вряд ли кто-нибудь из них направлялся на Таймс-сквер и Уэст-Сайд.

В переполненном вагоне я ехал гордо выпрямившись.

Нет ничего плохого в том, что я работаю в кафе. Напротив, здесь масса плюсов. Я смогу оплачивать квартиру. Не огромный особняк, где мне довелось пожить, и даже не красивый старинный сельский дом в Новой Англии, где я жил с женой (теперь уже бывшей) и детьми, но все-таки какой-никакой собственный угол.

Я довольно быстро добрался до Девяносто шестой улицы.

По крутым ступеням поднялся из подземки и на мгновение ослеп от солнечного света. В Нью-Йорке стояла

прекрасная весенняя погода, воздух был удивительно чист и прозрачен.

При виде знакомой зеленой вывески на углу Девяносто третьей я ускорил шаг — оптимизма у меня явно прибавилось.

Мне вспомнилась строчка из письма Фицджеральда своей дочери, написанного после того, как в Эшвилле, Северная Каролина, при пожаре в лечебнице для душевнобольных погибла его жена, неизлечимая болезнь которой прогрессировала много лет. Зельда не выполнила своих обещаний, и Фицджеральд писал: «Она слишком поздно поняла, что труд есть достоинство».

«Труд есть достоинство», — повторил я про себя. Взять, что ли, эту фразу в качестве девиза...

Отчего я так долго отвергал одну из прописных истин? Фицджеральд втолковывал эту идею своей дочери, а я ссорился с собственной дочерью Элизабет, уговаривавшей меня снова поступить на работу. Когда Биз было двенадцать лет, ей предложили, спросив у меня разрешения, летнюю подработку — составлять в спортивном центре график занятий и тренировок для профессиональных теннисистов, но я был категорически против, даже не удосужившись обсудить это с ней.

— Как ты мог так поступить, папа? — кричала моя девочка сквозь слезы.

— Но я хотел дать тебе возможность хорошенько отдохнуть летом!

— А если мне нравится работать? — гневно возопила моя двенадцатилетняя дочь.

Для меня труд всегда был необходимостью, а не моральной потребностью. Я завидовал никогда не работав-

шим рантье, мечтая о таких же огромных трастовых фондах, как у богатых приятелей. Я-то решил, что оказываю Биз услугу, ограждая от работы. Как же я ошибался...

Биз всегда любила труд и всяческую активность за пределами дома. В детстве, например, она обожала ходить в школу. Биз была моим ребенком, и я не сознавал тогда, какая она необыкновенная. Еще до школы Биз самостоятельно выучилась читать. Однажды, когда я сидел в своем любимом кресле, дочка забралась ко мне на колени и начала вслух читать строки из детектива Дика Фрэнсиса, которым я был поглощен в тот момент. Ей было всего три года! Я был поражен — каким образом дочка выучилась читать, но потом решил, что это произошло благодаря детской передаче «Улица Сезам». Позже, с появлением остальных детей, до меня дошло, что «Сезам» тут ни при чем: Элизабет просто родилась с экстраординарными способностями к чтению, унаследованными явно не от меня.

Еще Биз повезло родиться хорошенькой. Когда я гулял с ней за ручку по Нью-Йорку, мы отбоя не знали от уличных фотографов — нас то и дело останавливали и просили разрешения сфотографировать малышку. Один мой приятель даже снял ее в фильме, заявив, что она — «любимица публики и гвоздь программы». Все любовались пышными белокурыми волосами и большими сине-зелеными глазами Биз, но подлинно замечательными были в первую очередь ее мозги и врожденная потребность доводить дело до конца, даже если это требовало колоссальных усилий. По окончании колледжа Биз поступила в Школу кино при Нью-Йоркском университете и одновременно устроилась ассистенткой (типа «подай-принеси-убери») к Мартину Скорсезе (не самый мяг-

кий босс, как вы понимаете). Вскоре она перешла к Харви и Бобу Вайнштейнам, где тоже было не сахар. Но Биз с упоением вкалывала с утра до ночи, и ее усердие было вознаграждено. Работая над промоушеном фильма «Жестокая игра», моя девочка произвела на продюсеров такое сильное впечатление, что ей доверили постановку художественного фильма. Стать режиссером было давней мечтой Биз. Даже работая на Скорсезе и «Мирамакс», она ухитрилась выкроить время на съемку нескольких собственных короткометражек. Разумеется, она не упустила шанса снять и полнометражный фильм. «Золото на улицах» снимали в Нью-Йорке и Ирландии, и Биз, убедившись, что в Ирландии дефицит женщин-режиссеров, переехала туда жить.

Работать с полной отдачей всегда было для Биз самым естественным делом. Отчего же я не извлек надлежащего урока из ее примера и не проникся достоинством труда? Даже в бытность девочкой на побегушках Биз выполняла свои обязанности с усердием и энтузиазмом. Лишь со временем я понял, какое чудо моя дочь: Биз стала антиподом не только моей врожденной неспособности к чтению, но и моего восприятия труда как тяжелой обязанности, а не призвания.

Вдохновленный мыслями о Биз, я открыл дверь кафе и прошел в служебное помещение, готовый немедленно взяться за самую тяжелую работу.

Я очень надеялся, что Кристал окажется на месте и поручит мне что-нибудь, не связанное с кошмарными кассами. Я рвался доказать, что я полноправный партнер в «Старбаксе», но у меня еще не хватало духу обслуживать посетителей. Мне предстояло освоить кассу — от одной

этой мысли все холодело внутри, поэтому я всячески старался находиться поближе к «кабинету» Кристал — крошечному отгороженному от зала закутку, где помещались лишь стол, стул и компьютер. За последние несколько недель у нас сложилась определенная практика: некоторое время я намекающе топтался у нее за спиной, и вскоре она оборачивалась ко мне и спрашивала:

— Майк, как вы сегодня насчет уборки?

И я всякий раз отвечал:

— С удовольствием!

Уборка, как я рассудил, спасет меня от ужасных касс. Я был уверен, что не справлюсь и неминуемо опозорюсь, когда придется отсчитывать сдачу, одновременно общаясь с покупателем, поэтому мне хотелось заслужить уважение Кристал и сделать свое присутствие в кафе незаменимым в приемлемых для меня сферах.

Разумеется, у меня не было ни малейшего опыта в наведении чистоты. Дома уборкой ведала бывшая жена, а местами повышенной сложности вроде туалета, ванной и кухни занимались приходящие уборщицы. Как руководителю высшего ранга, мне, естественно, не приходилось убирать в своем кабинете. Женщины, вооруженные пластиковыми пакетами для мусора и пылесосами, появлялись поздно вечером, когда я уже уходил. Я был с ними вежлив, но никогда не задумывался о том, как им удается наводить в кабинете идеальный порядок.

— Обратите внимание на швы, — сказала Кристал в первый день моей работы уборщиком. — Как видите, пол у нас плиточный, поэтому существует проблема грязи в швах. Вернее, вероятность ее скопления.

Грязный кафель стал для меня прекрасной возможностью отличиться.

Кристал вручила мне специальную щетку и показала, как наполнять ведро горячей водой и моющим раствором. Мне предстояло подмести, а затем вымыть пол шваброй, вычистить швы щеткой и снова вымыть пол. На несколько квадратных футов уходило немало времени, на уборку всего зала — несколько часов. Я драил пол с прямо-таки маниакальным усердием.

Однажды Кристал подошла и сказала со смехом:

— Знаете, Майк, я еще ни разу не видела, чтобы кто-то тер кафель с таким энтузиазмом.

— Просто мне нравится убирать, — не покривив душой, ответил я, гордясь своим вкладом в общее дело. Партнеры стали относиться ко мне с молчаливым уважением. Видимо, они не ожидали, что белый старик будет так радоваться, выковыривая грязь из швов между плитками.

Вскоре Кестер, проходя мимо, заметил со своей неотразимой улыбкой:

— Берегись, на очереди туалет...

В тот же день Кристал сказала:

— Майк, я вам покажу, как нужно мыть туалетную комнату. Знаете, как говорят на автомойке: «Мы вылизали вашу машину». Вот и мы сейчас пойдем вылизывать туалет. Первый раз уберем вместе, а дальше вы сами будете поддерживать там сияющую чистоту.

Кристал протянула мне перчатки и суперсильное чистящее средство. Я драил унитаз внутри и снаружи, вычищая всевозможное дерьмо и удивляясь, как мало отвращения я чувствую к занятию, которое прежде посчитал

бы крайне унизительным. Кристал относилась к мытью туалета совершенно спокойно, и это заставило меня по-другому взглянуть на вещи: если для Кристал это важно, то кто я такой, чтобы спорить с начальством? Я почувствовал прилив адреналина, вызванного первобытным инстинктом самосохранения: понравлюсь Кристал — не вылечу с работы даже при неизбежных трудностях с кассой и иных возможных осложнениях в динамичной сфере розничной торговли. Я поддержал заданный ею позитивный целеустремленный настрой, вычистив туалет на «отлично».

Вскоре отхожее место ослепительно сверкало.

Кристал улыбнулась:

— Майк, должна сказать, мне еще не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь убирал так здорово, как вы.

Она не знала, что свою карьеру в «Старбаксе» я сделал благодаря безукоризненному выполнению работы, которую недолюбливали остальные. Я очень старался, чтобы Кристал меня не уволила, — боялся потерять работу и упустить свой последний шанс. Средний возраст старбаксовских партнеров — около двадцати лет. Я понимал, что моложе уже не стану и что выиграл миллион по трамвайному билету, получив это место.

Однако никаких скидок на возраст никто мне не делал. Адаптация к новой обстановке и изменение привычек в соответствии с традициями «Старбакса» давались мне нелегко, особенно поначалу.

Однажды днем, когда я только что закончил «вылизывание» туалета, туда намылился войти старый негр, явно бомж. Я преградил ему дорогу, соврав, что туалет закрыт на уборку, — жалко было безупречно отмытого унитаза.

Кристал случайно услышала мои слова и жестом пригласила к себе. Плохой знак. Я уже успел убедиться, что она никогда не критикует служащих в присутствии посетителей и даже партнеров, предпочитая вправлять мозги один на один.

— Майк, никогда не запрещайте людям пользоваться туалетом, — делая ударение на каждом слове, сказала она.

— Но этот старикан явно не наш клиент...

— Это не важно — каждый входящий в эти двери является нашим гостем! Этим «Старбакс» отличается от других кафе. Вы что, не знаете, что в Нью-Йорке нет общественных туалетов?

Осмелев, возможно оттого, что пять минут назад в поте лица отмывал унитаз от всякой дряни, я возразил:

— Мне казалось, в обязанности «Старбакса» не входит обеспечивать бездомным удовлетворение их больших и малых нужд!

Кристал молчала секунд тридцать, и я видел, что начальница с трудом сдерживает ярость. Ее черные глаза, казалось, стали еще больше от злости.

Я заткнулся, поняв, что нечаянно наступил на эмоциональную мину. Мне стало стыдно и страшно.

— Послушайте, Майк, — заговорила Кристал очень медленно, видимо едва сдерживаясь, чтобы не заорать. — В моем кафе, в нашем кафе, мы проявляем... радушие. Никому не запрещайте заходить в туалет, особенно тем, кто нуждается в сочувствии, а не в унижении...

Она не прибавила «от белого», но я понял это и без слов. Может быть, к старости я становлюсь сентиментален, но мне стало стыдно за свой поступок. Кристал и «Старбакс» относятся к людям иначе.

Выйдя в зал, я огляделся в поисках бомжа, но он уже ушел, наверняка не слишком огорченный моим отказом. Нью-Йорк вообще негостеприимное место для тех, кому приспичило. Однако я констатировал очевидное — мое прежнее высокомерие не замедлило вернуться, едва я достиг каких-то результатов. Что ж, печально.

На следующий день Кристал ни словом не упомянула об инциденте. Позже я узнал, что она незлопамятна: если ей что-то не нравилось, она сразу говорила об этом, и вопрос считался закрытым.

— Сейчас мы пойдем на улицу, — сказала она и показала мне, как мыть тротуар перед кафе, окна и каменные наружные подоконники.

Через неделю Кристал отозвала меня в сторону.

— Я решила назначить вас старшим по уборке, — объявила она. — Иногда буду ставить на уборку других партнеров, а вы будете ими руководить.

Я пришел в восторг — уже повышение! В «ДУТ» повышения были для меня привычными приятными событиями. Продвижение по служебной лестнице от копирайтера до креативного директора отдела, затем до вице-президента и наконец до исполнительного вице-президента и креативного директора агентства я воспринимал как справедливую оценку моих заслуг-талантов. Атрибутами очередного повышения становились повышение личного статуса и престижа в глазах коллег, поздравительный адрес и обед в модном ресторане в кругу избранных сослуживцев. Но я вовремя вспомнил, что больше не принадлежу к миру, где повышения что-то значат, — это в крупных корпорациях борятся за должности. «Опомнись, Майк, ты всего лишь

чистишь туалеты», — поддел я себя (чего никогда не умел делать раньше).

Сейчас, неловко переминаясь с ноги на ногу в крошечном кабинете Кристал, я надеялся, что и сегодня найдется что убирать. Хоть бы еще один день подальше от чудовищных касс с их сдачей!..

— Привет, Майк, — поздоровался Кестер. — Как дела?

— Хорошо, — сказал я. — Хочу сегодня тоже где-нибудь наводить чистоту.

— А без говна? — пошутил Кестер, и мы оба рассмеялись неожиданному каламбуру.

Оторвавшись от компьютера, Кристал повернулась на вращающемся стуле и осуждающе посмотрела на нас.

— Никакого уличного жаргона на работе, — сказала она абсолютно серьезно. Кестер подмигнул мне и прошел в зал.

Кристал строго смотрела на меня, как мать на расшалившегося ребенка.

— Он пошутил, — пожал я плечами. Можно подумать, Кестеру требовалась моя защита. Кристал явно была расстроена. Положительно, мне нужно было промолчать.

— Майк, позвольте кое-что вам объяснить, — сказала Кристал, вставая с кресла.

Она подошла к стене, возле которой я стоял, указала на листок бумаги с напечатанным текстом, висевший за моей спиной.

— Вот перечень наших принципов, которых вы должны неукоснительно придерживаться. Прочтите первый параграф.

Кристал говорила как рассерженный учитель. Ну что ж, прочту. Теперь я умею читать... И я энергично продекламировал первый из «принципов» — с выражением и безукоризненной четкостью:

— Создавать и поддерживать благоприятную рабочую обстановку и относиться к окружающим корректно и с уважением.

Несмотря на воодушевление, с которым я прочел первый из незыблемых принципов «Старбакса», Кристал по-прежнему казалась расстроенной.

— С уважением, — повторила она, ткнув пальцем в это слово, едва не задев рукой мое лицо. — По-вашему, сквернословие — это проявление уважения?! — Вдруг Кристал поспешно опустила руку и сказала извиняющимся тоном: — Майк, я не хотела срываться на вас. Веду себя... совершенно некорректно! — улыбнулась она. Самообладание вновь вернулось к ней. — Просто, понимаете, — говорила она так, словно каждое слово давалось ей с великим трудом, — до того как я пришла сюда, ко мне никто не относился с уважением. Я вообще не слышала такого слова. Моя мать была наркоманкой. Она умерла, когда мне было двенадцать. Меня передали тетке, у которой своих детей было двое... — Кристал всплеснула руками: — Уважение? В том сумасшедшем доме? Теперь я ее не виню, понимаю, где она родилась и как жила, но мне обидно, что тетка видела во мне только обузу. Вот уж кто не проявлял ко мне ни малейшего уважения! Она меня ненавидела. Примерно так же, как белых.

Кристал взглянула на меня, словно спрашивая: «Теперь ты понимаешь?»

— Она называла белых врагами. — Кристал словно специально хотела шокировать меня чужой бесцеремонностью.

Ей это удалось: я потерял дар речи.

— Тетка не то чтобы издевалась надо мной, но я постоянно чувствовала себя чужой, пришлой, непрошеной. А в «Старбаксе», с того момента, как я сюда вошла, я ощущаю... радушие.

Кристал вернулась за стол и присела, снова став спокойным, уравновешенным менеджером.

— Извините, — сказал я.

— Не извиняйтесь, Майк. Уважительное отношение и для вас может оказаться внове, — засмеялась она. — Я здесь несколько лет и до сих пор не могу привыкнуть. Этому не научишься за сутки. Я до сих пор учусь и хочу, чтобы вы знали, почему это для меня так важно.

— Да-да, я заметил, что в «Старбаксе» очень вежливый персонал.

Еще в первый день я обратил внимание на всеобщую корректность. Поручая мне что-то сделать, Кристал и другие партнеры всегда говорили: «Майк, не окажете ли услугу?..» Приказной тон здесь был не в ходу. Кроме того, я и сам себя зауважал за отличную уборку и умение справляться с возникающими время от времени сложностями. Однако Кристал считала, что я не полностью осознал идею взаимного уважения.

— Партнеры «Старбакса» не просто вежливые, — уточнила явно задетая за живое Кристал. Мой ответ снова ее разочаровал. — Вежливость не есть синоним уважения. Ничего, научитесь, — сказала она наконец, словно прочитав мои мысли. — На это нужно время. Да, у меня для

вас есть работа... если вы не против. Нужно привести в порядок мое рабочее место.

Все горизонтальные поверхности в комнате были завалены бумагами и всяким мусором.

— С удовольствием! — вырвалось у меня. Еще один день без страшной кассовой повинности!

Кристал улыбнулась.

— Отлично, — сказала она. — Мне нужно в зал. Посмотрю, все ли там в порядке. Потом вернусь, и мы вместе наведем здесь порядок!

Кристал встала — я невольно задержал взгляд на ее модельных черных туфлях — и быстро прошла в кафе. Казалось, вокруг нее крутится маленький вихрь созидательной энергии.

Мне следует брать с нее пример и тоже двигаться вперед, подумал я и отчего-то вспомнил Гордона Фэрберна, который всю свою короткую жизнь тоже не мог усидеть на месте, переполняемый кипучей энергией. Помню свой последний визит к Гордону и наше прощание, когда я шел к машине по дорожке от крыльца к воротам. Гордон оставался наверху, в кровати, в окружении родственников — он умирал от рака простаты. Окно спальни на втором этаже, выходившее на дорогу, было распахнуто по случаю весны, и до меня долетел высокий, прекрасный голос — Гордон пел старинную песню: «И пусть тебе везет в пути, пока мы не встретимся вновь...»

Я подхватил заключительный куплет, и мы в последний раз спели дуэтом. Я сел в машину, помахал ему рукой и уехал. Много песен было спето с той поры, как мы учились в школе Бакли, где Гордон был моим единственным приятелем. В Йеле мы тоже оказались в одной группе, и

много вечеров в Нью-Хейвене заканчивались одинаково: Гордон играл на пианино, а я с остальными приятелями, облокотившись на крышку, распевал старинные песни. После колледжа мы часто встречались, чтобы вместе посмеяться, хорошо провести время и спеть. Гордон был моим самым лучшим другом. В тот весенний день он умирал. Прошло уже несколько лет после его смерти.

Почему я вспомнил о нем?

В последний год, когда жизнь стала особенно тяжела, я очень тосковал по нему. Чувство юмора не покидало Гордона даже в самых критических ситуациях. Он часто повторял слова молодой венки, в которую был влюблен после окончания колледжа. Девушка бросила его, сказав на прощание: «Это трагично, но не серьезно».

Гордон отличался на редкость позитивным взглядом на мир. Я занялся рекламой, а он закончил школу богословия при Йеле и стал успешным психотерапевтом.

Подобно Кристал, у Гордона было трудное детство: отец пил, и родители развелись, когда он был еще ребенком. Физически он был слабым и хрупким, но питал горячую любовь к пению и страстно любил жизнь. Как радовался бы Гордон, дожив до сегодняшнего дня! Он охотно помог бы мне разобраться с проблемами, убедив, что ничего не потеряно и все наладится. Он принял бы как величайшее благо даже жизнь с моими проблемами!

Я невольно рассмеялся — смех гулко прозвучал в пустом кабинете — и быстро оглянулся. Никто меня не слышал. Кристал и Кестер были в зале, с остальными сотрудниками. Пора было надевать зеленый фартук и начинать работу над новым проектом Кристал, посвященным уборке кабинета.

С этого момента я стал ценить оставшееся мне время. Я не был мертв, как мой дорогой приятель. Я по-прежнему мог петь и смеяться. Может быть, стоит чаще веселиться вместо того, чтобы плакать о прошлом?

Воспоминание о Гордоне, бесстрашно распевавшем перед лицом смерти, продемонстрировало мою собственную ослиную глупость во всей красе. Хватит нянчиться со своими проблемами! Да, я многого лишился, но я по-прежнему в гуще жизни, не самый последний человек в «Старбаксе», и Кристал относится ко мне с уважением. Любая работа, самая тяжелая и грязная — да, даже мытье туалета! — есть достоинство. Я буду чаще петь и смеяться — из уважения к Гордону и его удивительной жизни, достойной служить примером для многих. Из уважения к Кристал и истинам, которым она меня учит. Из уважения к себе и своей новой жизни.

Глава 4

Готов, не готов – марш на передовую!

Оставь обиды и борьбу, следуй своему безумию — и ты взлетишь... взлетишь.

Строка из песни Сила, музыканта, выведенная на чашке «Венти американо»

Июнь

Следующие несколько недель во время беготни по Большому Центральному терминалу с целью успеть на поезд до Уэст-Сайда, откуда на метро можно было добраться до бродвейского «Старбакса», я иногда вспоминал свою прежнюю жизнь, силясь отстоять хотя бы остатки личного пространства.

Двадцать пять лет назад я вот так же стоял в Большом Центральном терминале с моим отцом и Джеки Кеннеди. Разговор шел о спасении станции от сноса. Меня пригласили участвовать — организаторам хотелось привлечь к этой акции рекламные ресурсы «Джей Уолтер Томпсон», и по возможности бесплатно.

— Это крупнейшее общественное здание в Нью-Йорке, — сказал отец, оживленно жестикулируя. — Его обязательно нужно сохранить!

С возрастом он стал особенно трепетно относиться к любимому городу. Он с удовольствием называл себя несостоявшимся архитектором, повторяя, что архитектура — его первая любовь. Из-за этой полной самолюбования фразы он попал впросак на одной из вечеринок Энди Уорхола. К группе окружавших отца гостей приблизилась экзотическая красавица Вива, одна из моделей Энди. Вива была такой высокой и эффектной, что все сразу замолчали. Моментально став центром внимания, она обратилась к моему отцу (сам Энди, как обычно, сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и молчал).

— Вы кто? — спросило экзотическое создание.

— Несостоявшийся архитектор — ответил отец в свойственной ему экспрессивной, самоуверенной манере, особенно на публике.

— Архитектор-обезьяна*? — переспросила красавица.

Стены комнаты дрогнули от взрыва смеха над очаровательной шуткой Вивы.

Между тем отец на самом деле был в каком-то роде архитектурной обезьяной — он с кипучей энергией карабкался на любимые строения, громко восхищаясь каждым камнем и резным карнизом.

Сейчас он по-хозяйски уверенно стоял на лестнице, с удовольствием оглядывая огромный главный зал терми-

---

* Игра слов: *manqué* — несостоявшийся (*фр.*). По звучанию напоминает слово *monkey* — обезьяна (*англ.*).

нала, и, взмахом руки указывая то на один, то на другой объект, представлял то, что открывалось их взору.

— Мы не можем позволить корыстолюбивым конъюнктурщикам-девелоперам осквернить эту прекрасную общественную площадку, — вещал отец своим бархатным баритоном, словно выступая перед большой аудиторией, хотя его слушали только Джеки и я. — Этот шедевр заслуживает существования... нет, жизни в качестве великолепного оазиса в переполненном разноголосом мегаполисе, редкого подарка бесчисленным будущим поколениям ньюйоркцев — гостеприимного уголка!

Джеки Кеннеди смотрела на него влюбленными глазами: отец был популярным литератором — это то, о чем она сама всегда мечтала. Кроме того, он был остроумным собеседником и «своим» в любой тусовке — перед такими людьми она преклонялась. Я скромно помалкивал, но, заручившись согласием руководства «ДУТ», был счастлив предложить бесплатную рекламу в поддержку этого начинания. Имя Джеки Кеннеди, словно волшебный ключ, открывало любые двери.

Я организовал поездку Джеки с репортерами на поезде в Вашингтон, где Верховный суд готовился принять закон об охране исторических памятников. Явление Джеки народу было отмечено элегантной вечеринкой, куда я пригласил массу известных людей. От моего приглашения никто не отказался.

Вице-президент Мандейл и его жена Джоан сочли за честь встретить Джеки на вокзале. Мы организовали прием в маленьком красивом зале Юнион-стейшн, где собрались сенаторы, репортеры и — самое важное — супруги некоторых судей Верховного суда.

Через несколько месяцев, встретив судью Поттера Стюарта на встрече членов «Черепа и костей», я поблагодарил его за верное решение о необходимости охраны исторических памятников и услышал в ответ: «Не благодарите меня — это все жена. Она сказала, что я не имею права принимать резолюцию, противоречащую мнению Джеки!»

Мы наблюдали, как она обходит зал, одаривая — хотя бы на краткий миг — своим вниманием каждого из приглашенных, и отец негромко сказал мне:

— У этой женщины потрясающий талант творить собственную иконографию. Джеки поступает очень мудро, используя свою огромную популярность лишь в исключительных случаях, и только на благо людям. К счастью, Нью-Йорк — ее страсть.

Исходившие от Джеки магическое обаяние и абсолютная убедительность казались почти физически ощутимыми. Несмотря на всеобщее внимание, в самом конце вечера она нашла время и для меня.

— Майкл, вы нам очень помогли.

Мне пришлось немного наклониться — Джеки говорила вполголоса, и я невольно очутился в теплом коконе ее внимания. Благодаря колдовскому очарованию этой женщины мне вдруг показалось, что мы с ней в зале одни. Вблизи она была еще красивее, чем по телевизору, — тоненькая, прекрасная, с огромными глазами, в которых можно было утонуть. Вдобавок ее манера общаться тет-а-тет среди огромного количества людей была невероятно соблазнительна и сексуальна, этого никогда не сможет передать ни одна кинокамера.

— Спасибо, — ответил я немного косноязычно от смущения (точно так же мямлили профессиональные политики и опытные медиа-акулы, попав под чары Джеки).

Через несколько секунд она двинулась дальше — каждому из присутствующих нужно было сказать несколько слов, но я не почувствовал себя уязвленным краткостью нашего общения. Напротив, меня переполнял восторг, и нескольких слов Джеки Кеннеди я не забуду до конца жизни.

Любуясь большими новенькими сверкающими часами над справочным киоском и с удовольствием оглядывая обновленный благодаря стараниям Джеки Большой Центральный терминал, я вдруг сообразил, что рискую опоздать на работу, и побежал на поезд, предполагая, что он обязательно опоздает, если человек торопится.

К счастью, ждать пришлось недолго, и вскоре я уже ехал к Девяносто шестой улице под ласкающую слух музыку бренчания, скрипа, гвалта и оглушительного скрежета.

К «Старбаксу» на углу Девяносто третьей и Бродвея я подошел, слегка вспотев на июньской жаре. То ли лето в Нью-Йорке выдалось раннее, то ли из-за моей плохо сдерживаемой паники городские тротуары так и горели у меня под ногами.

Я вошел в кафе, приветливо кивнул моим новым коллегам и поспешил переодеваться. На часах было ровно два — еще несколько минут, и я бы опоздал! Меня передернуло при этой мысли. Почему я тратил драгоценное время на Большом Центральном терминале, вспоминая прошлое и рискуя настоящим и бу-

дущим? Я разозлился на себя и решил, что в следующий раз выйду из дома пораньше.

«Меньше прошлого, больше будущего» — я твердил это, словно заклинание.

Кристал обернулась, и я ужаснулся, что разговариваю вслух, — не иначе как старческое слабоумие. К счастью, она сразу же отвернулась к компьютеру.

Ревностно доказывая свою полезность, я все же побаивался выйти на передовую и достойно принять вызов — проработав больше двух месяцев, я по-прежнему боялся кассы. Мысль о работе с наличными деньгами и сложной техникой приводила меня в ужас, поэтому я предпочитал отираться у кабинета Кристал, надеясь, что мне вновь поручат уборку. Сегодня я тоже рассчитывал провести день на безопасном расстоянии от кассовых аппаратов, однако Кристал не обращала на меня внимания, сосредоточенно что-то печатая и перечитывая.

Роскошные, матово блестящие волосы красиво падали на плечи, а тонкие пальцы были унизаны дорогими золотыми кольцами. Я мялся сзади, надеясь привлечь ее внимание. Кристал отличала редкая способность увлекаться работой и забывать о присутствии посторонних. Через ее плечо я увидел на мониторе, что Кристал готовит какую-то презентацию.

Я не удержался.

— За свою жизнь я подготовил немало презентаций, — начал я. — Буду рад помочь, если пожелаете.

Кристал резко обернулась. Я понял, что сегодня пожилой подчиненный для нее — досадная помеха. Видимо, раньше она просто проявляла ко мне повышенное внимание и доброту, выбирая работу мне по силам, но

сейчас Кристал явно была в цейтноте и потому буквально взорвалась:

— Майк, а не пора ли вам пойти в торговый зал и встать за кассу?

У меня отвисла челюсть. Нет, не такой реакции я ожидал, предложив Кристал свою помощь.

— Вы же прошли компьютерный тренинг?

Я учился работать на кассе с помощью специальной компьютерной программы, но не сомневался, что это мало похоже на реальную обстановку за прилавком — с приемом денег, правильным отсчетом сдачи, одновременным выкрикиванием названия напитка и бесплатной улыбкой клиенту.

— Да, — нехотя признал я.

— Вот и хорошо.

— Но, Кристал, может быть, лучше я помогу вам составить презентацию? — взмолился я, надеясь заняться знакомым делом и избежать полного провала.

— Каким образом? — ядовито осведомилась начальница. — Это презентация о кафе с отчетом о работе сотрудников, продажах выпечки, напитков, кофе в зернах, об эргономичности использования помещения... Вряд ли вы в этом разбираетесь!

В ее голосе слышался сарказм — редкость для Кристал. Она демонстративно отвернулась к компьютеру, всем своим видом предлагая и мне заняться порученным делом.

В этот момент я твердо решил идти ва-банк, лишь бы не оказаться за кассой.

— Вам доводилось слышать о ККДД?

— Нет. — Кристал не смотрела на меня, поглощенная своей работой. — При чем тут?.. Майк, это довольно сложно, у меня нет вре...

— ККДД — это факт, установленный в результате анализа многочисленных презентаций.

Вместе с креслом Кристал развернулась ко мне. Слово «анализ» всегда производило на клиентов должное впечатление, и Кристал не стала исключением. Любой совет выслушают с неизмеримо большим вниманием, если предварить сообщение информацией о проведенных научных исследованиях. Но мне отчего-то не хотелось выпендриваться перед Кристал, как перед прежними клиентами.

— Это несложно, — пояснил я. — Аббревиатура ККДД расшифровывается «коротко и как для дураков». Исследования показали, что самые лучшие презентации — короткие и простые. Вы, например, любите слушать бесконечные заумные рассуждения?

Кристал рассмеялась. Ф-фу...

Из предыдущего рекламного опыта я знал — если клиент смеется, значит, он у вас в кармане. Когда-то я вытворял все мыслимые и немыслимые фортели, чтобы рассмешить заказчиков. Однажды на презентации новой рекламы для «Спринта» я применил экстремальный подход. Мы выступали последними из восьми рекламных агентств-претендентов, и я понимал, что представители заказчика устанут. Нашу презентацию назначили на три часа дня — практически сиеста, худшее биологическое время для любого выступления, а нам к тому же предстояло завоевать доверие этой компании, с тем чтобы на рекламу были ассигнованы миллионы долларов.

В заявке на производство рекламы они среди прочих задали и такой вопрос: «Что вы сделаете в случае бухгалтерской ошибки в нашем счете?»

Это навело меня на одну интересную мысль.

Презентацию я начал так:

— Мы подробно ответили на все тридцать три пункта вашей заявки на контрактное предложение. Ответы будут предоставлены вам для изучения. Я знаю, мы последнее рекламное агентство из длинного списка и сегодня вы уже выслушали немало обещаний, поэтому давайте сразу перейдем к главному. Мы не будем вам ничего обещать, а наглядно продемонстрируем, как собираемся выполнять ваш заказ, познакомим вас с актуальными рекламными концепциями, опробованными на фокус-группах и готовыми к внедрению. Мы представим реальный медиаплан, который поможет сэкономить ваши деньги. — Я сделал эффектную паузу. — Но сперва мы ответим на один из самых важных вопросов вашей заявки: что мы сделаем в случае появления ошибки в вашем клиентском счете. Вот наш ответ. Вчера делопроизводитель Гарри Сминк, присутствующий сейчас в этой комнате, неправильно написал название вашей фирмы в одном из документов. Вот что с тобой за это будет, Гарри!

Я достал настоящий пистолет с холостым патроном и пристрелил бухгалтера. Он артистично рухнул на ковер. Шокированные клиенты на мгновение замерли, потом расхохотались и заметно оживились. На протяжении всей презентации они проявляли подчеркнутое внимание — видимо, опасаясь отвлекаться. В итоге заказ достался нашему агентству.

Смех — это хороший знак, поэтому я обрадовался, когда Кристал рассмеялась.

— И как же мне сделать ККДД? — спросила она, сразу заинтересовавшись моим предложением.

Я понял, что у меня мало времени.

— Попытайтесь следовать трем «П».

Кристал потребовала разъяснений.

— Партнеры, продукция, прибыль. Сперва можно рассказать о новых сотрудниках, которых вы приняли на работу, потом о продажах выпечки и кофе в зернах, а прибыль подведет итог презентации.

— Плюс помещение, — просияла Кристал, и мы ударили по рукам. Я был полон энтузиазма, хотя и несколько смущен — в «Старбаксе» так было не принято.

Кристал развернулась к монитору.

— Помещение? — не понял я.

— Ну а как же? Мы ведь отдраили кафе — любо-дорого посмотреть. Кому, как не вам, Майк, об этом знать. Я хочу упомянуть в презентации и об этом.

Помня о своем предыдущем опыте, я по глупости заспорил с начальством:

— Но исследования показали, что люди запоминают только три вещи! Спустя сотни лет никто не помнит больше трех из десяти заповедей...

— Что показали? — рассеянно спросила Кристал, быстро-быстро что-то печатая. Я облегченно перевел дух и решил заткнуться. Только вот дам ей еще один последний совет.

— Самые удачные презентации начинаются с какого-нибудь видеосюрприза или забавного реквизита... Это должно быть что-то запоминающееся.

Я вспомнил презентацию, которую подготовил в связи со сменой названия одной авиакомпании. Никто в

руководстве «Аллегени эйрлайнс» не хотел менять название — это дорого и хлопотно, к тому же люди, вопреки расхожему мнению, ненавидят перемены. Но меня, как и большинство пассажиров, передергивало от слова «Аллегени»: в народе эти авиалинии прозвали «Аллергенкой». Когда я встретился с главой совета директоров, хилым старичком лет восьмидесяти, первый вопрос, который он мне задал, был таким:

— Что вы думаете о названии моей компании?

— Звучи оно более нейтрально, его можно было бы оставить, но в бизнесе невыгодно быть объектом для шуток.

Сперва он уперся, но мы провели стандартные исследования психологического эффекта смены названия, которые показали, что люди охотно подождут полчаса и улетят рейсом тогда еще не существовавшей компании «Юэс-эйр», лишь бы не связываться с «Аллегени».

Однажды утром меня попросили представить предложения по смене названия председателю и пятистам торговым представителям авиакомпании со всей страны, выделив для выступления огромное, продуваемое сквозняками помещение — отгороженную часть аэроангара. Сразу оговорюсь: не самое лучшее место для проведения рекламной презентации.

Я начал с результатов исследований. Речь была встречена гробовым молчанием — чувствовалось, что аудиторию не убедили мои доводы.

Тогда я взял в руки заготовленный накануне реквизит — бейсбольную биту и мяч. Никогда не любил бейсбол, в юности играл очень плохо. Идея казалась совершенно иррациональной, но мне необходимо было как-то

встряхнуть слушателей, намертво вцепившихся в свой привычный статус-кво.

Я поднял биту и сказал:

— Смена названия позволит вам выбить конкурентов с поля!

Подбросив мяч, я хотел отправить его в долгий, эффектный полет над залом, но от волнения едва не промахнулся и «погасил» белый шарик куда-то в первые ряды, чудом не попав в лоб председателю совета директоров, восседавшему в авангарде своих бесчисленных торговых представителей. Старикан бросился на пол, как по команде «лежать», а мяч с грохотом прокатился по полу до дальней стены и врезался в металлическую стенку с такой силой, что она громко загудела.

Секунду стояла мертвая тишина, а затем все повскакивали со своих мест, оглушительно выражая свое полное одобрение и удовольствие. То ли служащие радовались редкому празднику — еще бы, сам председатель едва не получил по башке (его в компании недолюбливали), то ли устали год от года проигрывать конкурентам и жаждали крови, но бейсбольный мяч оказался как нельзя кстати — гулкий удар о стенку ангара вызвал бурю эмоций и радостные крики.

Они созрели для перемен.

Мы продали им новое название.

Иногда прогресс приходится подгонять бейсбольной битой.

— Прежде чем вы углубитесь в создание пауэрпойнтовского шедевра с четырьмя «П», — сказал я Кристал, скрепя сердце согласившись на «четыре», раз уж ей так хочется, — задумайтесь, нет ли у вас какого-нибудь под-

ходящего реквизита. Ну, чтобы сразу заявить о себе? Чего-нибудь запоминающегося? Помните, аудитории предложат множество презентаций о разных кафе!

Кристал посмотрела на меня, и я увидел, как ее прекрасные темные глаза загорелись.

— Подойдет мой первый фунт кофе, который я смолола семь лет назад? Я до сих пор храню его у себя дома как... сувенир.

— Сувенир?

— Он много для меня значит.

— Почему?

— Не знаю. Может, это символ моего приобщения к «Старбаксу» и начала новой жизни...

— Отлично.

Я рассудил, что любовь к своему делу, зародившаяся с первых же шагов на новом поприще, вызовет благоприятный резонанс. Но кто будет аудиторией Кристал?

— Перед кем вы будете выступать?

— В основном перед менеджерами сбыта и управляющими другими кафе.

— Тогда начните презентацию, высоко подняв ваш фунт кофе. Дождитесь, пока аудитория затихнет, и расскажите, как это изменило вашу жизнь.

— Круто, — восхитилась Кристал, отворачиваясь к монитору. — А теперь идите за кассу, Майк. Там сейчас Джоанна. Она терпеливая, она вам поможет...

Черт! После всех моих попыток избежать кассы, помогая Кристал, — уж в чем-чем, а в презентациях я знаю толк, — все равно придется заняться денежной частью бизнеса, в которой я считал себя полным профаном!

Буквально волоча ноги, я вышел в торговый зал. К счастью, в кофейне было малолюдно: время ленча уже прошло, а детей с уроков еще не отпустили — никто шумной гурьбой не толкался у прилавка, требуя свои фрапуччино*.

За прилавком были установлены три кассы. Бьянка стояла за ближайшей к витрине с выпечкой, за средней кассой никого не было, а Джоанна стояла возле эспрессо-бара.

Я поплелся мимо Бьянки к средней кассе.

— Привет, Майк, — улыбнулась она.

Клиентов пока не было.

Я остановился, радуясь отсрочке.

— Привет, Бьянка. Как дела?

— Хорошо. — Бьянка была маленького роста, с приятным личиком и таким тихим голосом, что ее едва было слышно.

Наконец я подошел к средней кассе, словно к эшафоту.

— Джоанна, — вздохнул я. — Кристал сказала, вы поможете мне с кассой на первых порах.

— Конечно, Майк.

Джоанна была полной миловидной женщиной, по возрасту старше большинства партнеров. По сравнению с остальными двигалась она медленно. Стоя рядом, я слышал, как тяжело Джоанна дышит.

— Вам нехорошо?

— Нет, ничего, — ответила она. — Просто одышка. Наберите свой номер кнопками — он появится на дисплее, затем выньте из кассы денежный ящик. У нас в подсобке

* Фрапуччино — кофе со льдом и разнообразными добавками.

есть машинка, которая взвешивает наличные. В кассе должно быть сто пятьдесят долларов. Идите взвесьте и возвращайтесь.

Машина будет взвешивать и считать наличные! Сердце затрепетало от радости. Никогда прежде не слышал о таких чудесах техники, я чуть не прослезился от счастья. Самому мне сто лет ковыряться с подсчетом долларов и пенни, причем я обязательно ошибусь в итоге. У меня, видите ли, плохо с математикой.

Я схватил ящик и пошел в подсобку. Кристал была поглощена подготовкой презентации, но при моем появлении сразу подняла глаза и улыбнулась.

— Это автоматические весы, — сказала она, указав на маленький настольный прибор. — Кладите на них мелочь и купюры и убедитесь, что у вас ровно сто пятьдесят долларов. За недостачу или излишки будете отвечать. Кстати, за одну рабочую смену нельзя ошибаться в ту или другую сторону больше чем на пять долларов.

— Хорошо, — выразил я свою готовностью, еще не зная, что когда через твои руки за смену проходит больше тысячи зеленых, легко недодать или передать несколько баксов.

Я начал выкладывать деньги на весы размером с большую книгу: в специальный «карман» наверху — купюры, монеты — в маленькие ячейки. Оставалось только выставить коробочки, и волшебные весы все посчитают. Например, если положить на весы стопку долларовых бумажек, на маленьком дисплее внизу появится надпись: «Восемьдесят пять долларов». А если забрать пенни из ячейки кассы, аппарат выдаст: «Пятьдесят центов». Уникальная машинка умела запоминать промежу-

точные суммы и подсчитывать общий итог — по окончании взвешивания кассир видел, сколько у него денег. Мне не нужно складывать или вычитать! Взвешивая купюры и монеты, весы выполняли трудоемкую и сложную задачу за минуту или две. В первый день работы за кассой маленькие весы-компьютер стали для меня главным чудом. Подсчет показал, что в кассе ровно сто пятьдесят долларов, и я направился обратно к прилавку, немного приободрившись.

— Майк! — окликнула меня Кристал.

Я остановился и обернулся к ней.

— Презентация, похоже, получилась. А что придумать в заключение?

В первый раз Кристал обратилась ко мне за советом. Я был польщен.

Возвращаясь к компьютеру, ящик с деньгами, взятый из кассы, я пристроил на стол.

— Возьмите за правило никогда не выпускать деньги из рук, — сказала Кристал самым официальным тоном.

Я поспешно схватил ящик и предложил:

— Лучше всего — подвести итог сказанному, Кристал. Кратко пробежаться по пунктам. Я бы просто вставил три «П»...

— Четыре, Майк. Партнеры, помещение, продукция и прибыль.

— Ладно, — сказал я, пряча улыбку. — Значит, вставьте слайд с четырьмя «П», затем знак равенства и фразу: «Успех “Старбакса”».

— Это звучит слишком холодно, — уверенно возразила Кристал. К этому я привык: почти все клиенты рекламного агентства уже на десятой минуте встречи смеле-

ли и начинали настаивать на своем. Но на этот раз в душе я согласился с Кристал. «Старбакс» — не «Ай-би-эм». Мы продаем кофе, да еще с любовью и позитивным настроем, а не машины с узкоспециальной начинкой.

— Тогда чему равняются наши четыре «П»? — спросил я с некоторым вызовом, снова почувствовав себя талантливым профессионалом корпоративного мира. Оказывается, мне по-прежнему нравилось распускать хвост!

Подумав секунду, Кристал спросила:

— Может быть, написать четыре «П», затем поставить знак «равно» и в конце: «Отличное настроение для наших гостей»?

— О'кей. — Я повернулся, чтобы уйти.

— Но вам же не нравится!

— Понимаете, лично для меня уникальность «Старбакса» заключается в том, что здесь заботятся в первую очередь о сотрудниках. Каждая компания из списка «Форчун-500»* заявляет, что клиент для них важнее всего. А в «Старбаксе» на первом месте персонал, в смысле партнеры.

Кристал смотрела на меня сдвинув брови и напряженно о чем-то размышляя. Вскоре ее лицо разгладилось.

— Ладно, тогда так: знак «равно», а потом «Отличное настроение для гостей и партнеров».

— Хорошо, — сказал я и сделал шаг по направлению к кассе. Уходить нужно на мажорной ноте. Кристал уловила основную идею и подготовила сносную презентацию. Я вспомнил взятый на вооружение девиз: «Меньше прошлого, больше будущего». Любое лишнее слово означало бы цеп-

* «Форчун» — журнал, ежегодно публикующий список пятисот крупнейших компаний США.

ляние за прежнюю жизнь. Меня ждут касса и великодушная Джоанна, которая поможет во всем разобраться.

Но тут же я буквально споткнулся о пришедшую в голову мысль, замерев на месте.

— А может быть, лучше, — не удержался я, — «"Старбакс" всегда рад и гостям, и партнерам»? Так эвфоничнее.

— Как это — эфо... — нахмурилась Кристал.

— Ладно, это я так... — Я рванул к кассе.

— Нет, Майк, так не пойдет. — В голосе Кристал зазвучал металл. — Не забывайте об уважении к коллегам. Если у вас есть что сказать — говорите!

Я понял, что вляпался. Ну что за напыщенный дурак! Я медленно повернулся к Кристал.

— Благозвучнее, — извиняющимся тоном сказал я. — Ритмически фраза напоминает стихотворный размер — значит, лучше запомнится. Люди сразу подхватывают слоганы. Среди других презентаций они невольно выделят и запомнят именно вашу.

— О'кей. — Кристал повернулась к монитору. — «"Старбакс" всегда рад и гостям, и партнерам».

— Кроме того, в подобных фразах обычно используют определенный артикль...

К счастью, Кристал меня уже не слушала.

— Возвращайтесь за кассу, Майк, — подбодрила она меня. — И не забывайте смотреть клиентам в глаза и общаться с ними во время обслуживания.

Я уже слышал эти слова в обучающей видеопрограмме, но сейчас я больше всего переживал, как бы не обсчитаться с наличными и не прослыть героем известного балета на музыку Хольста*.

* Балет «Круглый дурак» (1922), соч. Г.-Т. Хольста.

К моему ужасу, в зале уже толпились школьники.

Джоанна подошла ко мне и помогла вставить ящик в кассу.

— Компьютер покажет правильную сдачу. Каждый гость тоже видит причитающуюся ему сумму и сможет поймать вас за руку, если что. Все будет нормально, Майк!

— Но я совершенно не умею считать деньги!

— В точности как два моих первых мужа, — улыбнулась она. — Тогда пусть за вас считает касса!

Я усмехнулся, по достоинству оценив новый девиз.

К моей кассе подошел малыш. К счастью, он не догадывался, что продавец-кассир стоит за прилавком впервые в жизни.

— Я хочу высокий мокко.

Я повторил Таване, привлекательной, но агрессивной бариста, стоявшей за эспрессо-баром:

— Высокий мокко.

— Высокий мокко, — громко повторила Тавана в знак того, что правильно расслышала заказ.

Я посмотрел на кассу. На экране были написаны слова «высокий» и «мокко», в точности как в учебной видеопрограмме. Я нажал на них пальцем. Естественно, это сработало, и на экране появилась цена.

Мальчик протянул мне пять долларов.

На дисплее появилось схематическое изображение кассового ящика с надписью «Пять долларов».

Я нажал на появившуюся картинку.

Касса открылась, и на дисплее появилась точная сумма сдачи: «Два доллара семьдесят три цента». Я набрал из кассы причитающуюся сдачу и протянул клиенту. Пацан

взглянул на монеты, сунул их в карман и потопал к эспрессо-бару забирать свой кофе.

На дисплее размером с мини-телевизор возникла надпись: «Закройте кассу».

Я послушно задвинул ящик.

«Эй, — сказал я себе, — а это не так уж и сложно!»

Мальчишку сменила молодая темнокожая женщина с большим животом.

— Высокий кофе без кофеина.

Я нажал кнопку с надписью «Высокий», взял деньги, отдал сдачу, закрыл кассу и повернулся взять для нее кофе. Стаканы со свежеприготовленным кофе стояли позади кассиров, и я протянул клиентке заказ.

Она широко улыбнулась мне, как старому другу.

— Меня зовут Рейчел. Вот, жду второго и пока пью кофе без кофеина. Не дождусь, когда можно будет вернуться к настоящему, крепкому...

Я вдруг понял, что люди воспринимают меня как обычного баристу, охотно вступая в разговор с тем, кто подает им вкусные напитки.

День прошел неожиданно хорошо, несмотря на нескончаемый поток покупателей.

Вечером стало еще более людно, но Джоанна пару раз подходила и помогала мне. Очередь шла гладко: чаще всего заказывали мокко с сиропом или высокий латте. От меня требовалось громко повторять объем и название напитка, включая прихоть клиента — например, высокий мокко с сиропом. Часто я неправильно повторял заказ и говорил: «Мокко с сиропом», не уточняя объем порции, или «высокий латте», забыв упомянуть, что клиент хочет латте с обезжиренным молоком. Порой посетители гово-

рили просто: «С сиропом» — или перечисляли особенности заказа с конца, высказав сначала пожелания насчет молока, сиропа и объема. Я повторял эту галиматью Таване, которая бранчливо поправляла меня, перечисляя заказ в правильном порядке. Это было унизительно, но я быстро постигал хозяйскую науку.

Оглушительный командирский рык Таваны оказался для меня сущим подарком небес. С моей мозговой опухолью, влиявшей на слух, я мог не расслышать заказы, зато Тавану слышал прекрасно. Еще я сделал открытие: если перегнуться через кассу поближе к клиентам, все можно разобрать.

— Спрашивайте, если что непонятно, — посоветовала Джоанна. — Не стесняйтесь переспрашивать.

Я так и делал. И вскоре убедился, что клиенты охотно растолковывают мне свои заказы.

Часам к семи вечера народу стало еще больше. Я-то считал, что кофе пьют только по дороге на работу, однако сейчас явно наступал вечерний кофейный час пик. В конец длинной очереди встал человек в деловом костюме. Когда-то мне приходилось немало попотеть, чтобы добиться ответного звонка и заказа от таких хорошо и дорого одетых клиентов, а теперь они сами выстраиваются ко мне в очередь. Забавно!

«Деловой костюм», подойдя к кассе, сказал:

— Двойной макиато.

Опять старбаксовский жаргон! Я не знал, как объяснить это моей умной кассе. Что нажимать? Мои щеки запылали, когда я несколько раз набрал неправильные комбинации.

— Вы новичок, да? — спросил клиент.

Я в ужасе поднял на него глаза. Сейчас он пожалуется Кристал, и меня уволят в первый же день работы за кассой.

Но посетитель лишь улыбнулся:

— Не волнуйтесь, научитесь.

Я перевел дух, вновь посмотрел на дисплей и сообразил, что сначала нужно нажать «высокий», потом «макиато». Все просто.

Бизнесмен был не единственным, кто всячески старался помочь мне освоиться.

— Добро пожаловать в наш район, — любезно сказала одна женщина.

А парень в расстегнутой рубашке, смахивавший на хиппи, одобрил:

— Хорошо, что тут берут на работу пожилых.

Не скажу, что комментарий меня порадовал, но я тем не менее оценил хорошее к себе отношение. Да, я далеко не молод, на одно-два поколения старше большинства партнеров, но всяческая предупредительность с их стороны была весьма приятна, пусть даже в связи с моим, по их меркам, мафусаиловым возрастом.

В восемь в кафе было уже не протолкнуться. Я и не подозревал, что столько жителей Нью-Йорка заворачивают в «Старбакс» вечером по пути домой. К нам рекой текла молодежь, видимо, желая всласть пообщаться за чашкой латте.

«Сосредоточься, — напомнил я себе. — Нажимай нужные кнопки, повторяй заказ, правильно отдавай сдачу, улыбайся». К моей кассе подошла молодая красивая блондинка.

— Высокий латте с обезжиренным молоком, — сказала она.

Я нажал «высокий латте» на кассе, громко и в правильном порядке повторил заказ Таване, взял пятидолларовую купюру, отсчитал сдачу, поднял глаза на посетительницу, заранее расплывшись в улыбке, и только тут узнал собственную дочь. Энни! Я так боялся ошибиться, что даже не заметил, кого обслуживаю.

— Здравствуй, папа, — сказала она со смехом. Ее забавляло, что я ее не узнал. Или насмешил мой вид — зеленый фартук, черная кепка. Или показалась комичной ситуация, в которой я был явно беспомощен.

— Энни! — воскликнул я. — Рад тебя видеть!

Я чувствовал, что краснею. Докатился — еще бы в дворники подался (я по-прежнему мыслил стереотипами)... Хотя нет, я даже думать толком не мог в ту минуту. Но я помнил слова Кристал об уважении к окружающим и держался с собственной дочерью подчеркнуто вежливо. Энни, видимо, поняла, что я стараюсь соблюдать кодекс заведения, вспомнила, что за ней длинная очередь жаждущих кофе, и взяла инициативу в свои руки:

— Я подожду. Когда ты заканчиваешь?

— Освобожусь в девять.

— Все, я жду, — сказала она, направляясь к кофе-машине за своим заказом. В отличие от меня Энни чувствовала себя в «Старбаксе» как рыба в воде.

— Двойной высокий мокко с обезжиренным молоком, не взбивать, — попросила следующая юная покупательница. Я сосредоточенно нажал соответствующие кнопки и передал Таване пожелания клиентки. Бариста повторила заказ в том же порядке, и я вздохнул с облегчением — посетительница просто умница!

Знаете, иногда так увлекаешься каким-нибудь занятием, что забываешь обо всем на свете. В старших классах, играя в футбол, я точно так же не знал, куда бежать и что делать на поле, но азарт, грязь, перехваты мяча, толкотня и оттирание противников захватывали меня целиком. Сидя тогда на зрительской трибуне, вы увидели бы во мне не очень умелого, но настырного игрока. Так было и сегодня. Остаток вечера пролетел в мгновение ока.

Смена закончилась. Джоанна ушла домой, ее ждал ребенок, а я пришел в себя, лишь когда за моей спиной появилась Кристал.

— Все, Майк, — сказала она. — Забирайте свой ящик из кассы.

Я не расслышал и переспросил:

— Ящик из массы?

Кристал захохотала и повернулась к Бьянке:

— Слышала, он сказал: «Ящик из массы?»!

Я стал было отнекиваться, но, признаться, обрадовался, что надо мной так запросто смеются. По крайней мере меня не воспринимали как чужака.

Кристал показала, как подсчитать выручку.

— Взвешиваете все, что у вас там есть, и вычитаете сто пятьдесят долларов, которые были до начала смены. Не волнуйтесь, машинка сама подведет итог.

Машинка так и сделала, показав на экране, что у меня не хватает четырех с половиной долларов.

— Для первого раза неплохо, — похвалила Кристал. — Я же говорила, у нас разрешается ошибаться на плюс-минус пять долларов. Правда, большинство партнеров укладываются в несколько центов... Ну ничего, научитесь.

Бедная девушка, она даже не догадывалась, с каким финансовым идиотом имеет дело... Однако я получил боевое крещение, и с души прямо камень свалился. Сама по себе касса меня ужасно напрягала, но я удивился, насколько приятно оказалось общаться с клиентами, которые с таким энтузиазмом покупали кофе.

— Вы справились, Майк, — заключила Кристал, глядя, как я взвешиваю дневную выручку. — Постарайтесь только называть напитки правильно. Я за вами наблюдала. Вы смотрите гостям в глаза, но практически не поддерживаете беседу. Я понимаю — очередь ждет, но если есть минутка, все же постарайтесь сказать гостю пару слов. Многие заходят в «Старбакс» за настроением. Ободрить человека — часть нашей работы.

— Конечно, — кивнул я, ликуя в душе, что не обсчитался на сотню долларов.

Кристал озабоченно посмотрела на часы.

— Мне пора, — сказала она, надевая модный кожаный плащ. — Отметьте время своего ухода, Майк, — бросила она уже на ходу, направляясь в торговый зал.

Я заметил черный «корвет», стоявший у входа, и догадался, что машина ожидает Кристал, которая без преувеличения была красавицей. По дороге к выходу начальница несколько раз останавливалась — поговорить с посетителями. Хотя ее ждали, работа для Кристал была на первом месте.

Я отметил время своего ухода, сверившись с часами на ее компьютере, — девять ноль пять. Значит, я проработал семь часов. Ноги ныли, голова кружилась.

Только тут я вспомнил, что меня ждет Энни. Я быстро снял фартук и вышел в зал.

Дочь сидела в углу за маленьким столиком и читала какую-то книгу.

— Привет, Энни.

— Папа! — Дочь вскочила с места и крепко обняла меня.

У меня сразу улучшилось самочувствие.

— Хочешь еще латте? — спросил я.

— Нет, — засмеялась она. — Пойдем. Для тебя уже поздно.

Энни знала, что я рано ложусь, — я скорее жаворонок, чем сова. В детстве мы с Энни часто проводили вместе ранние утренние часы. Когда дочке было два-три года, в Коннектикуте ранним утром летом мы шли к маленькому озеру, плескались и брызгались на мелководье, а потом смотрели, как солнце поднимается над соснами. Затем возвращались домой и ели кашу, ожидая, пока проснутся остальные.

Когда мы шли к выходу, Энни взяла меня под руку. Самочувствие и настроение теперь были на высоте.

Краем глаза я заметил, что Кристал до сих пор не ушла, занятая разговором с посетителями. Такое рабочее рвение впечатляло.

— Сперва на метро до Таймс-сквер, — постановила моя дочь. — Затем на рейсовом — до Большого Центрального. Оттуда я на метро до Бруклина, а ты — на поезде до Бронксвилла.

Как всегда, у дочери все было продумано. Энни с детства отличалась трудолюбием, прекрасно училась и окончила колледж одной из лучших, но решила стать актрисой и привнесла в это ремесло все свои организаторские способности.

В грохочущем поезде метро нам пришлось громко перекрикиваться, чтобы расслышать друг друга.

— Я хотела своими глазами убедиться, что ты работаешь в «Старбаксе», — призналась дочь.

Я сообщил бывшей жене и наговорил на автоответчик Энни, что работаю в кафе на Бродвее, но просил подождать с визитами, пока я не освоюсь на новом месте. Как видите, ждать дочь не стала.

Энни родилась с генетическим отсутствием способности ждать. Помню, в три года она заявила:

— Хочу научиться ездить на лошадке!

— Молодец, — похвалил я. — Когда-нибудь научишься.

— Сейчас!

— Ты еще маленькая.

Энни росла крепенькой, но нельзя же сажать трехлетнюю на такое опасное животное, как лошадь!

— Ну пожалуйста, — просила она и повторяла просьбу так часто, что в конце концов я решил ей доказать, что девочек ее возраста на лошадь не сажают.

Я повез Энни в школу верховой езды и попросил владельца конюшни с ней поговорить. Сидя за большим столом, он выглядел очень внушительно — для меня. Энни было все равно.

— Я хочу кататься верхом, — сказала она, слезая с моих коленей и вставая перед хозяином лошадок в полный рост. Энни сызмальства отличалась королевской осанкой.

— Извините, юная леди, — ответил тот. — Мы не принимаем детей до пяти лет.

Секунду Энни смотрела на него, затем повторила свою просьбу — погромче. Помимо огромного упорства — или упрямства, не знаю, — у Энни был тот еще характер. Она

родилась с личиком, очень напоминавшим поздние фото королевы Виктории: довольно пухленькая, но с ротиком подковкой и презрительной миной «мне не смешно». Несмотря на все наши усилия, только к году Энни заулыбалась. Улыбка у нее была прелестная, но чаще лицо оставалось пресерьезно-целеустремленным.

Владелец конюшни подался вперед, слегка навалившись на скрипнувший стол.

— Я восхищен вашей настойчивостью, — сказал он, — но, боюсь, вы еще слишком молоды.

— Пожалуйста! — повысила голос Энни.

Я чувствовал, что надвигается грандиозная истерика. Собеседник Энни, видимо, тоже что-то почуял. Вообще в умении скандалить Энни не знала себе равных. В минуты гнева малышка казалась неконтролируемой, но стоило ей добиться своего, как она моментально успокаивалась. Должен заметить, дочка с момента своего появления на свет вертела мною как хотела. Владелец конюшни наконец понял, что столкнулся с на редкость упрямой трехлетней особой, и сказал:

— Давайте сделаем вот как.

Он встал, обошел стол и взял Энни за руку. Миловидность моей белокурой малышки была способна растопить сердце любого взрослого.

Вместе они вышли в манеж.

Владелец конюшни окликнул девушку, гонявшую лошадь по кругу:

— Аманда, подведи нам Триггера. Я хочу кое-что показать одной юной леди.

Возможно, он надеялся, что, увидев «лошадку» вблизи, Энни испугается. Я, во всяком случае, немного струх-

нул — никогда не питал особой любви к лошадям, а этот Триггер, по-моему, был слишком высок даже для взрослого наездника.

— Ну как, прокатимся на лошадке, деточка? — снисходительно спросил хозяин.

Энни ничего не сказала. Она вырвала руку, со всех ног кинулась к Триггеру и попыталась сама на него забраться.

Аманда, смеясь, помогла ей сесть в седло. Девушка явно была на стороне бойкой малышки.

— Осторожнее, Аманда, — сказал владелец конюшни. — Ей всего три года.

— А по-моему, она прекрасная наездница, — улыбнулась Аманда, очень медленно ведя лошадь по кругу. Она вложила поводья в ручонки Энни, продолжая крепко держать Триггера под уздцы.

— Ч-черт, — с сердцем прошептал владелец конюшни.

Я посмотрел на него.

— Очень смелая девочка, — сказал он. — О'кей, раз так, будем учить. Аманда справится.

Он повернулся и пошел к себе в кабинет, а я все стоял и смотрел, как Энни с Амандой медленно движутся по кругу.

Энни добилась своего, не пожелав покорно дожидаться, когда ей разрешат ездить верхом. Поэтому я не удивился, когда дочь пришла в кафе, несмотря на мой вежливый запрет.

— Мне нужно было убедиться, что это правда, — засмеялась Энни.

— А что? — с вызовом сказал я. — Работа как работа.

— Нет-нет, не пойми меня превратно, — спохватилась Энни. — Мне нравится. Тебе очень идет черная кепочка.

Несмотря на поддразнивание, Энни не шутила. Видимо, ее ничуть не смущало, что я занялся таким неквалифицированным трудом, наоборот, она явно оценила то, что я не сдался и продолжаю бороться.

— Знаешь, я еще не вполне освоился.

— Заметно. Ты выглядел как... — Она прыснула. Я тоже рассмеялся — наверняка я несколько смешон со стороны. Меня переполняли любовь к этой замечательной особе и запоздалое раскаяние.

— Энни, — сказал я с чувством. — Мне очень жаль, что я так запутал свою жизнь и твою тоже...

Я словно бы напомнил дочери о чем-то давнем и неприятном, и ее веселость сразу куда-то подевалась.

— Никогда больше не буду слушать твоих дурацких советов, — слишком уж резко ответила она.

До Таймс-сквер мы ехали молча. Когда мы вышли из метро, рейсовый уже был подан под посадку.

Войдя в вагон, мы уселись и принялись ждать отправления поезда. Наконец я нарушил молчание:

— Прости меня.

— Извинения ничего не изменят, — отрезала моя вспыльчивая дочь.

Вагон постепенно заполнялся. Я уступил свое место пожилой даме с пятью сумками. Энни тоже встала. Вскоре нас стиснули со всех сторон.

Энни была в элегантном пальто и стояла очень прямо, несмотря на обступившую нас толпу и раскачивающийся вагон. Даже в резком свете флуоресцентных ламп она выглядела очень красивой. Энни была такой удиви-

тельно цельной и целеустремленной... Я уставился в пол, упав духом при мысли, что потерял уважение своей умной, трудолюбивой дочери из-за своего нелепого, эгоистичного поведения.

Поезд остановился на Большом Центральном терминале. Проходя мимо гостеприимно освещенных окон «Устричного бара», я почти поддался искушению пригласить Энни поужинать, но вовремя вспомнил, как пару недель назад встречался с моим аудитором по поводу налогов.

Лоренс Бест помогал распоряжаться финансами многим преуспевающим деятелям рекламы, и когда в прошлом году я объявил, что не могу больше оплачивать его услуги, он сказал, что все равно будет мне помогать. В последний раз, зайдя к нему с налоговыми декларациями, я положил на стол две подарочные карты «Старбакса». Лоренс был настолько любезен, что принял это мизерное вознаграждение.

— Мои будут в восторге, — улыбнулся он. — Понятия не имеют о папиной профессии, но обожают «Старбакс». Они учатся в колледже, поэтому карточки придутся им как нельзя кстати. Так, — сказал он, изучая записи расходов по моей «Американ экспресс». — Я вижу, вы ужинали в «Устричном баре»?

— Да, по дороге с работы.

— Но, Майк, — Ларри подался вперед, — дело в том, что вы уже не большая шишка в индустрии рекламы, чтобы сорить деньгами. Вы работаете в «Старбаксе» за сколько, за десять долларов в час? Одна устрица стоит дороже!

Откинувшись на спинку стула, Ларри указал на маленький бумажный пакет, пристроенный с краю заваленного бумагами стола:

— Вот мой ленч.

Я внял его совету.

Поэтому я отказался от мысли угостить Энни поздним ужином в «Устричном баре». Однако мне хотелось как-то извиниться перед ней. Для Кристал уважение и корректность — священные понятия, а я никогда не относился с уважением ни к Энни, ни к остальным детям, думал только о себе как о великом рекламщике и поучал всех вокруг, в то время как моя жизнь трещала по швам.

Я остановился и сказал, глядя прямо в чистые голубые глаза Энни:

— Прости меня за то, что я был таким напыщенным идиотом!

Дочь крепко обняла меня:

— Да, ты наделал много глупостей, но это здорово, что ты работаешь в «Старбаксе».

Я ощутил огромное облегчение. Энни вспыльчива, но отходчива. Она быстро оставляет ссоры в прошлом и живет настоящим. Однажды я сказал ей:

— Ты похожа на летнюю грозу.

— В каком смысле? — не поняла дочь.

— Твой гнев обрушивается неожиданно, но быстро проходит.

— Но ведь после летней грозы природа просто восхитительна! Все такое свежее, обновленное... — не растерялась Энни. Победа, как всегда, осталась за ней.

Сейчас она изучала огромное расписание поездов.

— Я спущусь вниз и доеду до Бруклина на метро. А у тебя электричка до Бронксвилла через четыре минуты. Смотри не опоздай!

Мы крепко обнялись и расцеловались на прощание, и я побежал на поезд с легким сердцем.

Глава 5

Открой глаза и рот и улыбайся – ты на Бродвее!

У меня все меньше непоколебимых убеждений.

Слова певца и автора песен Эмиля Ларье, выведенные на чашке двойного латте

Июль — август

Я проснулся мокрый от пота. Кондиционера у меня не было, и я плавился от жары в своей мансарде. Часы показывали три — еще целый час до подъема, но заснуть уже не удастся: я был слишком измучен духотой и взволнован предстоящим участием в открытии кафе.

Сердце учащенно билось — я даже испугался. Но мне было от чего оробеть. Я уговаривал себя, как маленького, но подслушанные ранее обрывки разговоров не давали мне покоя. В кафе говорили: «Открывать — самая зараза, гаже некуда». Эти и другие комментарии зародили в душе сомнения, по плечу ли мне это дело.

Я напомнил себе, что в прошлой жизни любил трудные задачи и не раз энергично брался за освоение но-

вой сферы деятельности или уламывал самого несговорчивого клиента. Но открытие кафе требовало скорее физической ловкости, а это никогда не было моей сильной стороной.

Хватая ртом спертый воздух, я вспоминал поездку в Испанию в пятьдесят девятом году. Мне было девятнадцать, и я решил провести лето в Европе. До сих пор помню твердую, хорошо утоптанную землю палаточного лагеря в окрестностях Памплоны, обожженную безжалостным южным солнцем.

Как многие молодые люди в то время, я ехал в Испанию увидеть Хемингуэя, и я его нашел. Эрнест Хемингуэй сидел в центре залитой солнцем городской площади в окружении его почитателей, съехавшихся со всего мира. Приятное мужественное лицо, широкие плечи. Белоснежные волосы аккуратно зачесаны на шрам, упомянув который я так опозорился.

Я выступил вперед.

— Майкл Гилл, — представился я и пожал протянутую мне руку. Пожатие оказалось крепким — мои пальцы склеились. Хемингуэй смерил меня оценивающим взглядом и не пригласил присесть среди окружавших его поклонников. — Дженет Фланнер передает вам привет и наилучшие пожелания, — поспешно добавил я. Дженет Фланнер, коллега моего отца по «Ньюйоркеру», была парижским корреспондентом журнала и старой собутыльницей и подругой Хемингуэя. Я виделся с ней за несколько недель до отъезда в Испанию. Узнав, что я большой поклонник писателя, она разрешила использовать свое имя в качестве пропуска и велела обязательно спросить его, откуда у него шрам на лбу. Никто

не знал, что это — шрам от шальной шрапнели на войне или отметина после схватки со взбесившимся носорогом в Африке. Дженет Фланнер намекнула, что со шрамом связана какая-то небезынтересная история, «если Эрнест, конечно, тебе расскажет...».

Услышав имя Дженет Фланнер, Хемингуэй взглянул на меня совсем по-другому.

— Она дружит с моим отцом, — пояснил я. — Бренданом Гиллом.

— Да, я знаком с ним, — медленно сказал Хемингуэй, словно взвешивая каждое слово. — А Дженет — моя старая подруга, — добавил он неожиданно высоким тенором, уже уверенно и громко. — Вернее, Дженет — моя очень хорошая подруга, одна из великих репортеров своего поколения.

Я обратил внимание, что Хемингуэй не сказал «писателей», чтобы не поставить Фланнер в один ряд с собой, дав понять, что репортер писателю не конкурент. Это объясняло, каким образом их дружба продержалась столько лет. За показной вежливостью Эрнеста угадывалась агрессия.

— Мигуэль, — с ходу перекрестил меня Хемингуэй, — сын моего приятеля, Брендана Гилла, коллеги Дженет Фланнер по «Ньюйоркеру».

Собравшиеся одобрительно закивали. Они слышали о моем отце.

Сейчас, сорок пять лет спустя, ворочаясь в своей влажной от пота постели перед утренней сменой в «Старбаксе», я подумал, что ездил тогда к Хемингуэю скорее всего проверить себя, узнать себе цену. Я привык пользоваться

единственным доступным мне средством — именем и связями отца. Но если эти связи открывали мне двери, автоматического доступа внутрь они не обеспечивали. Тогда в Памплоне мне, представив подобным образом, словно предложили доказать, что я и сам чего-то стою. Я разозлился.

Глядя Хемингуэю в глаза и помня совет Дженет Фланнер, инстинктивно чувствуя, что все, связанное со шрамом, раздражает Эрнеста и неприятно ему, я спросил:

— Откуда у вас этот шрам?

Глаза Хемингуэя на секунду стали мертвыми, и я увидел перед собой ветерана множества баталий — настоящих и словесных.

Он ответил вопросом на вопрос:

— Ты когда-нибудь бегал перед быками?

— Нет, — ответил я и глупо добавил: — Пока нет.

Меня никогда не тянуло рисковать жизнью в идиотских балаганах.

— Ну что ж, — медленно сказал Хемингуэй, тщательно рассчитывая силу словесного удара. — Пробегись по улице перед быками, Мигуэль, потом возвращайся и поговорим.

Он обращался со мной как с мальчишкой, а не как с мужчиной.

Всю ночь я сидел в баре и пил, игнорируя охватившее Памплон фестивальное безумие, и к утру решил, что обязательно пробегусь перед быками. Кораль открывали каждое утро в семь, и те, у кого с рождения не хватало мозгов, бежали перед разъяренными животными до самой арены — примерно милю по узким мощеным улочкам. Меня бросало в дрожь при одной только мысли об участии в этой затее.

Уже начало светать, когда я подошел к коралю, где держали быков для корриды. Было слышно, как они кружат по загону, то и дело бодая дощатые стены кораля. По шершавым доскам я вскарабкался наверх, чтобы посмотреть на быков. Они меня просто ужаснули.

Вскоре у кораля собралась толпа — в основном молодые мужчины, желавшие проверить свою храбрость.

Рядом со мной встал старик. Я кивнул ему в знак приветствия. Он, будучи коренным жителем Памплоны, сразу догадался, что я приезжий. Хотя я знал по-испански всего несколько фраз, а старик не говорил ни слова по-английски, я все же понял, что он советует мне выбрать другое место — дальше по улице, которая шла в гору.

Компания юнцов у входа в кораль загалдела. Они явно заранее готовились к этому испытанию и были, по-моему, порядком пьяны.

Старик снова, теперь куда более энергично, указал, куда мне идти ждать быков.

Я посмотрел в ту сторону.

Вдоль узкой улицы были устроены массивные деревянные ограждения. Я решил последовать совету старика. В конце концов, Хемингуэй предложил мне пробежаться перед быками, не уточнив, откуда начинать забег.

Пройдя несколько сотен ярдов в гору, я прислонился к дощатому щиту перевести дух и неожиданно для себя сполз на землю, внезапно ощутив навалившуюся многодневную усталость — мне давно не удавалось толком выспаться. Пригревшись под ласковым утренним солнцем, я задремал.

Меня разбудил все нарастающий гул толпы. В ожидании скорого открытия кораля собралось море людей. Вот-

вот кораль откроют... Мне очень захотелось перепрыгнуть ограждение и оказаться с безопасной стороны, среди зрителей — Хемингуэй все равно ничего не узнает. Я был очень зол на Эрнеста за то, что он подначил меня так глупо рисковать жизнью.

Орущая толпа понеслась вверх по улице. Деваться было некуда. Я понял, что волей-неволей придется присоединиться к авангарду.

Тут кто-то громко вскрикнул, и все побежали куда быстрее, чем я предполагал.

Я старался держаться в первых рядах, но постепенно отстал и оказался в середине.

Завернув за угол, я споткнулся о выступающий камень булыжной мостовой и с размаху врезался в деревянный щит. Сразу несколько рук подхватили меня. Спина, казалось, была сломана, а когда я попытался ощупать поясницу, увидел, что руки ободраны в кровь.

Меня ободряюще похлопали по спине и плечам и втолкнули обратно в поток бегущих людей. Казалось, мы бежим уже сто лет. Впервые в жизни — от неподдельного животного страха — у меня открылось второе дыхание.

Я боялся закончить свою жизнь на той узкой улице, окруженный незнакомыми людьми, поднятый на рога быком, которого я в принципе не интересую, но которому моя рубашка покажется подходящей мишенью. И все это из-за чертова Хемингуэя?!

Я побежал, как на стадионе, высоко поднимая ноги, вырвался вперед и терпел боль, пока не ощутил мощнейший приток адреналина. Опомнился я, уже оказавшись впереди всех, рядом с двумя-тремя мужчинами. Впереди

показалась арена, это придало мне сил. В голове стучала только одна-единственная мысль — попасть туда.

Я еще поднажал, выложившись до отказа, и ворвался на арену между открывавшимися створками ворот, за считанные секунды до того, как туда повалила вся толпа бегущих.

Быки, сбившись в стадо, выбежали на арену. Оказавшийся на их пути мужчина упал. Некоторые быки переступали через упавшего, другие бежали прямо по нему. Один смельчак выхватил плащ и принялся изображать тореро, выполняя всевозможные финты и повороты. Толпа одобрительно взревела.

Когда на арену выбежал последний бык, я бочком прокрался вдоль деревянного щита и выскользнул через коридор на улицу.

В коридоре стоял запах бычьей мочи и человеческого пота.

Позади раздавались страдальческие стоны и приветственные крики. Азарт испарился. Я был весь в поту и слегка дрожал. Я, конечно, не пробежал в опасной близости от острых бычьих рогов, как того требовала традиция, но счел, что и так уже сделал достаточно. Хемингуэй не уточнял, как именно мне бежать. Я рассудил, что испытание пройдено. Выйдя на маленькую, темную улочку, куда почти не проникали лучи утреннего солнца, я лег прямо на мостовую, прослезился (спина ужасно болела после удара о деревянный щит) и неожиданно для себя заснул.

Меня разбудили солнечные лучи, осторожно спустившиеся по стене. Я пошел на центральную площадь городка. Так рано Хемингуэй в кафе обычно не появ-

лялся, поэтому я выбрал место рядом с его любимым большим круглым столом и заказал пиво.

Потом еще.

Я тупо смотрел в пространство, зная, что точка в этом деле будет поставлена только тогда, когда я расскажу об этом Хемингуэю. Около часа дня он вышел из отеля. Всякий раз при виде писателя я чувствовал невольное уважение к этому крупному, широкоплечему, крепкому мужчине. Его вечно окружала целая стая рыб-прилипал — иначе он по Памплоне и не передвигался. Хемингуэй казался мне похожим на кита или акулу — он словно плыл, окруженный восторженными льстивыми фанатами.

Усевшись, Хемингуэй поднял руку, подзывая официанта, и только тут заметил меня.

— Мигуэль? — Это не было приказом подойти. Возможно, он в самом деле меня не узнал.

Я встал, кое-как распрямился (страшно болело все тело) и подошел к Хемингуэю.

— Я пробежал перед быками, — сообщил я, стоя перед ним, словно ребенок, докладывающий отцу о выполненном поручении.

— Хорошо, — кивнул Хэм. — Хорошо.

Он указал на свободный стул рядом с собой — большая честь.

Я буквально рухнул на этот стул.

Хемингуэй жестом велел официанту принести мне выпить.

Рассевшиеся вокруг фанаты смотрели на нас с жадным вниманием, изо всех сил стараясь расслышать, что он мне скажет, но Эрнест лишь звякнул своим бокалом о мой, пока я пил.

Потом он наклонился ко мне и сказал, понизив голос:

— Теперь я расскажу тебе о своем шраме.

Не вставая, Хемингуэй со скрежетом придвинулся ко мне на стуле, чтобы никто, кроме меня, не мог его слышать.

— Все считали, что я получил шрам на войне или в Африке...

Эрнест говорил медленно, как бы выбирая слова. Он только что вышел на площадь и выпил лишь пару бокалов, но процесс, должно быть, начался еще в номере отеля — его речь приобрела тот особый оттенок, с ударением на каждом слове, какой характерен только для пьяных. Он говорил очень серьезно, но глаза его хитро блестели.

— Много чего обо мне болтают, — начал Хемингуэй, и его губы тронула легкая лукавая улыбка. — Но лишь немногие знают правду, например об этом шраме, Мигуэль. Дело было в Париже. Целый день мы выпивали большой компанией и под вечер завалились к кому-то домой. Я пошел в туалет, сделал свои дела и дернул за цепочку, чтобы спустить воду. В то время я был силен и рванул что было силы, от души... Чтобы удержаться на ногах, схватился за ручку форточки, и она, проклятая, обрушилась мне прямо на башку. Стекло вдребезги. Море крови. Началась паника, меня отправили в больницу. Во французскую больницу, да еще посреди ночи! Лоб мне зашили, но прескверно — остался шрам.

Я никогда никому об этом не рассказывал, вот люди и сочиняют небылицы про войну и африканское сафари, где якобы лев едва меня не оскальпировал, когда я собирался его прикончить. Но сегодня ты услышал правду, Мигуэль. А теперь давай выпьем с друзьями!

Он повернулся к заметно увеличившейся толпе и помахал официанту своей огромной ручищей.

Лежа в жаркой мансарде, я размышлял над этой историей о шраме и туалете, затем встал и потащился в ванную и встал под душ. Когда-то я во всю прыть драпал от быков, а теперь с трудом справляюсь с обязанностями продавца в кофейне, мрачно подумал я.

С тех пор как я начал работать в «Старбаксе», ноги болели постоянно. Сперва я грешил на неудачную обувь, модельные черные полуботинки, и переобулся в черные кроссовки (баристам позволялось носить любую обувь, главное — черную). Но легче не стало. Один из барист, верзила по имени Энтони, сказал, что лучше всего работается в летных ботинках.

— В них крепкие парни прыгают с парашюта и приземляются на твердую землю.

Именно такая обувь с высокой шнуровкой пользовалась у нашего персонала особой популярностью.

Я потратил немалую часть тяжким трудом заработанных денег на обнову, но стало только хуже. Моя сестра Холли, которая на два года младше меня, спросила меня по телефону, как мне работается в «Старбаксе».

— Отлично, только вот ноги болят. Целыми днями стою за прилавком.

— Это старость, — вздохнула сестра. — В твоем возрасте подушечки на подошвах становятся тоньше, и при нагрузках ноги болят сильнее.

Я положил трубку в самом прескверном настроении и опять влез в черные кроссовки.

Самое интересно, что во время работы ноги не болели — как на футболе в старших классах, когда на поле я забывал о ломоте и боли. Много лет назад я приезжал в Бронксвилл потренироваться с нашей школьной командой, хотя футболист из меня был еще тот, и мы играли до полного изнеможения, несмотря на августовскую жару. Даже после изнуряющих тренировок я не поднялся выше третьего дублирующего состава, зато в те дни у меня решительно ничего не болело. А теперь я ничего не мог поделать со своими саднящими, ноющими ступнями.

Отчего-то вспомнилось, как прошлым летом мой сын Чарлз спрыгнул с крыши нашего дома у озера. Ему едва исполнилось семнадцать, однако он уже перерос меня на несколько дюймов и был гораздо красивее, чем я в его годы, а уж как спортсмен был выше меня на целую голову. Сын отличался врожденной ловкостью и спортивными способностями, о которых я мог только мечтать. Он легко и уверенно прыгнул в свежий летний воздух и мягко приземлился на ноги.

Ковыляя в ванную, я улыбнулся, вспомнив грациозный прыжок сына. Натянув черную рубашку и брюки, я кое-как влез в черные кроссовки и поехал на работу.

Выйдя из метро, я увидел на неоновом уличном табло, что уже 32 градуса по Цельсию. От плавящихся тротуаров поднимались вонючие испарения.

Летом город почти не спит. Ожидая Кристал на углу Девяносто третьей и Бродвея, я заметил двух пьяных, шатавшихся поблизости в поисках приключений, поэтому благоразумно вжался в дверную нишу и отвел от них взгляд, стараясь не привлекать к себе внимания.

Меня в очередной раз поразила абсурдность моего нынешнего образа жизни. Десять лет назад, будучи крупным руководителем, в это время я мог бы возвращаться ранним рейсом откуда-нибудь из Лос-Анджелеса. Выйдя на пенсию, летом в пять утра я безмятежно спал бы в нашем большом старом деревенском доме в Новой Англии, а днем плавал и играл в гольф с моими ровесниками, тоже пенсионерами. Сейчас я стоял один в душной нью-йоркской темноте, таящей множество опасностей, ожидая свою двадцативосьмилетнюю начальницу и мучаясь тайным страхом не оправдать доверия при открытии кафе. Заносчивый сноб, которым я был раньше, пришел бы в ужас.

Кристал вышла из метро так хорошо замаскированная, что я ее не узнал: в черном капюшоне она смахивала на опасного типа, которого стоит избегать в предутренних сумерках.

Я страшно обрадовался, но у Кристал не было времени на обмен любезностями. Быстро подойдя к двери, она вставила ключ в замочную скважину и энергично повернула его несколько раз. Когда мы оказались внутри, Кристал приказала быстро запереть дверь изнутри.

Я понял, что гонка началась и на счету каждая секунда. Кафе открывалось в шесть, то есть уже через час.

— Помогите мне, — сказала Кристал, и я помог ей отодвинуть решетчатые ящики со свежей выпечкой, которая каждое утро доставлялась в старбаксовские кафе.

— Вот чистые тарелки — разложите все это. В витрине есть схема — разберетесь, что куда. А я займусь кофе.

Я начал открывать контейнеры с булками, но замер, оглушенный воплем: «Стоп!» Мне еще не доводилось слышать, чтобы Кристал кричала и вообще повышала голос.

— Наденьте перчатки. — Она протянула мне полиэтиленовые перчатки. — Вы обязаны соблюдать гигиену. Никогда не прикасайтесь к выпечке без перчаток. Так, а теперь — за дело.

Я завязал свой зеленый фартук и посмотрел на график, вывешенный на доске объявлений. Бьянка должна была прийти в полседьмого, Джоанна — в девять. Последняя никогда не работала с самого утра и не задерживалась допоздна: у нее ребенок, и Кристал всегда составляла для нее удобный график как для старательной и умелой работницы. У меня немного отлегло от сердца при мысли, что Бьянка и Джоанна скоро подойдут и помогут нам справиться с утренним наплывом посетителей.

Вскоре кафе наполнилось восхитительным ароматом кофе. Кристал комментировала каждый новый этап ритуала утреннего открытия кафе:

— Сначала я варю кофе «Верона». Теперь очередь менее крепкого — «Колумбия». Последним делается кофе без кофеина. Как раз сейчас я варю суматру без кофеина.

Я кивал, вполуха слушая нескончаемый поток профессиональных тонкостей. Неужели Кристал думает, что я хоть что-нибудь запоминаю? Я быстро раскладывал выпечку, торопясь управиться до открытия. Булок было очень много, а времени — в обрез.

Я надорвал пластиковую упаковку, где было четыре разных вида булок: с черникой, малиной, корицей и кленовым сиропом. За ними настала очередь блинчиков — из муки с отрубями, с шоколадом, кукурузных с чеддером, с черникой — простых и диетических. Пончики были с глазурью, шоколадом и корицей, зато разнообразие сдобы в «Старбаксе» впечатляло — диетические булки

с черникой, диетические «улитки» с корицей, бисквитный торт, классический кофейный торт, лимонный бисквит с сахарной глазурью, бисквиты с черникой, с бананами и орехами. Я открыл одну упаковку с круассанами с шоколадом и одну — с круассанами с маслом. Затем пришла очередь шоколадного и овсяного печенья, хрустящих квадратиков с алтеем, тортиков эспрессо и множества всякой всячины, которую надо было распаковать и приготовить для продажи.

Я лишь пару раз заглянул в схему расположения выпечки, наклеенную на витрине со стороны прилавка. Это вам не касса и возня со сдачей: я был уверен, что разложу все куда положено — схемы я запоминаю мгновенно. В Йеле, выбрав специальностью историю искусств, я развил неплохую зрительную память, запоминая перед сном множество картин, и сейчас улыбнулся при мысли, что университетское образование пригодилось мне сорок лет спустя.

Все шло гладко вплоть до бубликов, которые оказалось невозможно извлечь из пластика. Упаковка явно задумывалась как сохраняющая сдобу свежей как можно дольше, но мне от этого было ничуть не легче. Я даже подумал, что американцы могли бы войти в историю как изобретатели самых труднооткрываемых пластиковых упаковок в мире. Все для сохранения свежести и соблюдения антисептики... Но на абстрактные рефлексии времени мне не оставила Кристал, подоспевшая со спасительными ножницами, — похоже, не у меня первого возникли трудности с открыванием бубликов.

Раскладывая бублики — простые, с изюмом, корицей и с кунжутом, я слушал Кристал:

— Теперь я делаю чай со льдом — «Пэшен», черный и зеленый.

Я усердно кивал.

— Расставляйте ценники. — Кристал вручила мне маленькую коробку с белыми табличками для каждого вида выпечки.

И снова задание оказалось мне по плечу. Я быстро расставил все ценники правильно.

Однако оставалось еще много дел, а время работало уже не на нас.

— Я включу кофе-машину, а вы займитесь сандвичами, — распорядилась Кристал.

Сандвичи раскладывались перед витриной с выпечкой. Я обежал прилавок и выложил сандвичи с салатом и яйцом, тунцом и индейкой на специально обозначенные места. Математика никогда не была моей сильной стороной, но заполнять витрину в соответствии с подробной схемой оказалось легче легкого.

Закончив, я постоял, с удовольствием оглядывая готовую витрину, словно произведение искусства.

Кристал улыбнулась:

— Хорошая работа, Майк.

И я раздулся от гордости, как индюк Дерби.

Наша гонка подошла к финишу одновременно со временем. До открытия осталось пять минут.

— Становитесь за среднюю кассу, — сказала Кристал.

Я вытянул ящик средней кассы, взвесил наличность на наших замечательных весах, убедился, что там сто пятьдесят долларов, и вставил ящик обратно в кассовый аппарат. Через стекло входной двери я разглядел первого посетителя, маявшегося в ожидании открытия.

— Открывайте дверь, Майк, — сказала занятая кофемашиной Кристал, колдуя над струйками пара и наливая пробную порцию эспрессо — проверить, все ли работает.

Я повернул ключ и распахнул двери. Рабочий день начался.

— Доброе утро, — сказал первый посетитель.

— Доброе, — отозвался я, бегом огибая прилавок и подрысив к кассе, чтобы пробить ему чек.

— Высокий капуччино с обезжиренным молоком. И простой бублик с джемом.

— Высокий капуччино с обезжиренным молоком, — громко сказал я Кристал.

Она эхом повторила:

— Высокий капуччино с обезжиренным молоком.

Выпечку клиентам подавали продавцы-кассиры. Я вручил гостю бублик.

Посетитель протянул мне пятидолларовую купюру, и я сдал сдачу.

Припомнив слова Кристал о необходимости смотреть в лицо посетителю и поддерживать разговор, я решил, что сейчас трудно обсчитаться и поэтому самое время пообщаться с посетителем. В конце концов, все двадцать пять лет на посту вице-президента «ДУТ» мне очень хорошо платили именно за умение общаться, так что завязать беседу мне было нетрудно.

— Вы фанат «Ред Сокс»? — поинтересовался я, кивнув на кепку посетителя с эмблемой. — Большая редкость в Нью-Йорке.

— Честно говоря, нет, — улыбнулся гость. У него были белые волосы, голубые глаза и приятная улыбка. — Мой сосед по комнате в Гарварде — я медицинский оканчи-

вал — отчаянный фанат «Ред Сокс». Несколько десятилетий я болел за «Янкс», а он — за «Ред Сокс», и «Янкс» побеждали каждый год. Но в этом году на шестидесятилетие приятель подарил мне эту кепку, и я обещал, что через раз буду болеть за «Ред Сокс».

— Полуфанат? — сострил я.

Гость засмеялся:

— Достаточно и того, что ношу эту кепку.

Он прошел за маленький столик в углу.

Следующим был молодой парень с малышкой в прогулочной коляске. Сноб из моего прошлого пригвоздил бы его к позорному столбу как слишком молодого и безответственного папашу, но теперь я понимал, что дело обстоит как раз наоборот.

— Доброе утро, — кивнул я.

— Мне — «Венти латте» и простой бублик для Эллы.

— И бублик для Эллы.

— Мы назвали дочку в честь Эллы Фицджеральд.

— «Венти латте», — громко сказал я Кристал.

— «Венти латте», — отозвалась она.

— Вы хороший отец, — похвалил я, отдавая сдачу.

— А что делать, — пожал он плечами. — Мы уходим с Эллой пораньше, чтобы жена могла подольше поспать. Такой у нас уговор.

— Молодцы, — одобрил я.

Молодой папаша покатил коляску к столику у дверей. Хорошо, что этому парню есть где провести время с ребенком в такую рань.

Следующей подошла женщина в очень красивой накидке и шляпе. У нее были очаровательные темные глаза и белозубая улыбка.

— Один «Венти»... У вас сегодня какой сорт?

Я оглянулся. Сорт кофе менялся каждый день и всегда указывался на настенном табло.

— «Верона», — ответил я. — Очень хороший кофе.

— Ну тогда один «Венти». И оставьте место для молока.

Я вручил ей кофе в неполном стакане — у продавцов-кассиров под рукой всегда стояли стаканы с готовыми напитками — и отдал сдачу.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Отличное начало дня!

— Вы имеете отношение к искусству? — предположил я, по достоинству оценив хороший вкус и артистизм посетительницы.

— Угадали, — улыбнулась она. — Меня зовут Дениза. Еще увидимся, я всегда прихожу сюда по утрам.

Она направилась к дверям. Дениза работала в сфере искусства, но, кроме изящества, в ней сразу чувствовались трудолюбие и дисциплинированность.

Следующая гостья, молодая мать с ребенком на руках, бодро заказала:

— Высокий двойной мокко с обезжиренным молоком, не взбитый, без кофеина.

Я повторил заказ Кристал:

— Высокий двойной мокко с обезжиренным молоком, не взбитый, без кофеина.

Она повторила заказ в ином порядке:

— Высокий мокко без кофеина с обезжиренным молоком, не взбитый, с двойной порцией мокко.

Заказ полагалось произносить в порядке значимости ингредиентов, о чем вежливо напоминали надписи на ста-

канах. Конечно, указание «без кофеина» важнее количества порций мокко.

Молодая женщина отнеслась к поправке Кристал с благодарностью.

— Приходится обходиться без кофеина, — объяснила она. — Я снова беременна.

Это произвело на меня впечатление.

— Но это просто прекрасно, что вы так рано поднимаетесь, одеваете малышку и...

— У меня мальчик. Макс. А меня зовут Рейчел.

Тут я вспомнил, что Рейчел уже объясняла мне, почему берет декаф. Ну что за дурак, всю жизнь гордился своей памятью на имена, а за кассой от напряжения все позабыл!

— Прекрасно, что вы одеваете Макса и выводите его на прогулку так рано... — неловко забормотал я.

Рейчел улыбнулась.

— Так ведь жизнь заставляет, — объяснила она мне. — Пока не выпью мокко с утра пораньше, ни на что не гожусь, и в матери тоже! — Она засмеялась и направилась в зал, балансируя своим Максом и чашкой кофе с ловкостью, которая приходит лишь при длительной тренировке.

Жизнь заставляет, подумал я. Хороший все-таки у нас бизнес. Люди даже не задумываются, идти им в «Старбакс» или нет, — кофейня стала частью их повседневного существования. А ведь некоторые бывают у нас по нескольку раз в день!

Настроение у меня заметно улучшилось с тех пор, как я начал работать в «Старбаксе», и я догадывался почему: прежняя работа предполагала посещение кафе при невоз-

можности найти себе клиентов, а сейчас клиенты приходили сами, радуясь возможности со мной поговорить, и никого не приходилось обзванивать, преодолевая их упорное нежелание брать трубку. Мне очень нравилось приветствовать и обслуживать ранних посетителей, выстроившихся ко мне в очередь.

— Майк, — окликнула меня Кристал от эспрессо-бара самым дружелюбным тоном. — А ведь у вас талант!

— Какой? — насторожился я.

— Сегодня вы просто в ударе!

— В каком смысле?

— Отлично общаетесь с гостями! Многие партнеры просто отсчитывают сдачу, а вы еще и беседуете. И вы такой прикольный, просто умора!

Я знаю, Кристал хотела сделать мне комплимент. Видимо, я держался уверенно и компетентно, чего она от меня никак не ожидала. Я ощутил себя школьником, которого похвалил учитель.

Отвернувшись к кофе-машине, Кристал продолжала смеяться.

Интересно, над чем это она так?

Прикольный — это хорошо или плохо? За много лет работы я научился распознавать подоплеку самых тонких намеков, но с Кристал весь мой опыт никуда не годился.

Видимо, она имела в виду, что, общаясь с гостями, я отпускал довольно удачные шутки и немало веселил покупателей.

Когда поток посетителей немного спал, Кристал как бы случайно спросила меня:

— Кто эта молодая женщина, с которой я вас видела несколько дней назад?

— Моя дочь.

Кристал удивленно взглянула на меня и улыбнулась.

— А вы молодец, — сказала она с теплотой в голосе, которой я не слышал раньше.

Мне некогда было раздумывать над этим.

— «Венти американо» со льдом, льда поменьше, — попросил следующий посетитель, одетый в деловой костюм в тонкую полоску.

Для Верхнего Уэст-Сайда вообще была характерна вавилонская мешанина профессий и костюмов. В «Старбаксе» мне нравилась этническая неоднородность не только сотрудников, но и гостей.

Я мельком взглянул на очередь, протянувшуюся уже до дверей. Чем больше гостей ожидают обслуживания, тем меньше времени на разговоры с каждым. Тем не менее я буквально купался в море доброжелательности и позитивной энергии. Вместо раздражения при виде нового кассира, нарушавшего привычный порядок вещей, люди вели себя очень любезно.

Спеша обслужить следующего клиента, я сдал шесть долларов вместо шестнадцати молодой женщине делового вида с ноутбуком в чехле на ремне.

— Извините, — спохватился я. — Я понимаю, вы торопитесь на работу...

— Ничего-ничего. — Несмотря на спешку, гостья остановилась успокоить меня. — У вас уже хорошо получается.

Уважение, о котором говорила Кристал, я чувствовал не только со стороны сотрудников — гости-клиенты были настроены не менее позитивно.

Я не мог в который раз не поразиться разительному контрасту обстановки «Старбакса» и мира конкуриру-

ющих мачо, в котором я вращался, работая в «ДУТ». Клиенты и там были не прочь посмеяться, правда, надо мной. Представители корпорации «Форд», для которой мы делали рекламу, находили особое удовольствие в обсуждении чужих промахов и случайных ошибок. Свою первую презентацию я делал для большой группы дилеров «Форда» в Новой Англии. Вставая из-за стола, я случайно опрокинул кофейник, содержимое которого вылилось прямо на колени мультимиллионеру Джерри Мантони из Род-Айленда. Тот вскочил, отряхивая свои дорогущие синие брюки с отливом. Я решил — все, уволят за причинение клиенту тяжких телесных повреждений, но другие автомобильные дилеры, обычно отнюдь не эмоциональные и несговорчивые, хохотали до слез и купили нашу рекламу, выразив руководству пожелание всегда присылать именно меня на презентации.

Или другой случай, когда, представив две сотни вариантов рекламы для «Ли Йококка» — на разработку каждого ушло много часов напряженных усилий, — я услышал в ответ лаконичное: «Не цепляет ваша реклама, а ведь должна — как пружиной за задницу!» И снова стены дрогнули от хохота присутствующих. В «Форде» все жили в постоянном страхе и просто обожали смотреть на чьелибо публичное унижение.

Мой первый босс в «ДУТ» говорил: «Страх — самый мощный стимул».

Либо твоя реклама шедевр, либо дерьмо. Не выиграл — значит, проиграл. Последнее относилось не только к рекламе, но и к ее разработчику, проводившему презентацию. Либо ты гениальный копирайтер, либо кретин от рекламы. Если ты привлек в агентство новых клиентов, ты —

герой. Не способен это сделать — значит, балласт. Или — или. Естественно, ни о каком уважении и корректности речи не шло, даже слов таких не произносилось.

В «Старбаксе» и партнеры, и гости словно договорились относиться друг к другу с уважением. Я никогда прежде не видел подобной рабочей обстановки. Пятьсот лучших компаний из списка «Форчун», с которыми мне доводилось работать, тратили массу времени и денег на написание высокопарно-трескучих миссий компании, но никогда не соблюдали свои бюрократические заповеди.

Миниатюрная Бьянка появилась ровно в шесть тридцать, секунда в секунду. Приветливо улыбнувшись мне, она встала за кассу. Девушке было не больше девятнадцати, однако она гораздо проворнее меня отсчитывала сдачу и повторяла заказы. Я радовался возможности работать на пару с таким бойким партнером.

Когда в девять пришла Джоанна, кафе от наплыва посетителей едва не трещало по швам.

За эспрессо-баром Кристал как заведенная наливала кофе, невозмутимая, несмотря на нескончаемую очередь и заказы, наперебой выкрикиваемые уже тремя кассирами. Казалось, мы исполняем кофейную оперу с тремя оригинальными партиями:

— Ледяной «Венти латте» с обезжиренным молоком, двойной мокко без кофеина с молоком, латте «Гранд брева с ванилью», двойной капуччино...

— Отдохните десять минут, — сказала мне Кристал спустя какое-то время. Через каждые два часа сотрудникам полагался перерыв. Я не заставил себя упрашивать и пошел в подсобку, радуясь возможности выбраться с передовой и перевести дух.

— Майк, — окликнула меня Джоанна, — среди выпечки была некондиция?

— Не знаю, — растерянно ответил я. Поглощенный правильным раскладыванием булок и бубликов, я не придал значения их целостности.

— Иди помоги ему проверить, — сказала ей Кристал.

И мы с Джоанной вдвоем пошли в подсобку.

— Когда выкладываете выпечку, всегда проверяйте, нет ли измятых или поломанных. В этом случае их можно изъять в пользу сотрудников и заслужить всеобщую благодарность.

Джоанна говорила мягким, спокойным голосом. Было очень приятно выслушивать такие любезные инструкции.

Вынув очки, она водрузила их на нос.

— Новые очки? — спросил я.

— Да. Теперь я все вижу! — засмеялась она.

— А раньше притворялись? — пошутил я.

— Ну... — замялась Джоанна. — Я всегда плохо видела, но не обращалась к врачам. А теперь, — она с улыбкой посмотрела на меня, — «Старбакс» оплатил мне услуги окулиста и новые очки.

— Здорово! — восхитился я. Бесплатные услуги офтальмолога не входили в мою страховку даже в бытность большой шишкой. Медицинское обслуживание для работников «Старбакса», особенно если учесть, что Джоанна работала на полставки, действительно было чем-то из ряда вон. Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Вы Иветту знаете? — спросила Джоанна. Иветту, студентку какого-то колледжа, недавно приняли на работу. Я видел ее всего несколько раз и еще не попадал с ней в одну смену. Высокая темнокожая девушка, которая

постоянно куда-то спешила. — Так вот, Иветты сегодня не будет — пошла удалять себе зубы мудрости. Девочка прежде никогда не была у стоматолога.

Я онемел. Студентка впервые идет к стоматологу?! «Старбакс» не только обеспечивал людям уникальную медицинскую страховку, но и поощрял их желание заботиться о своем здоровье!

— Ну что, — начала Джоанна, — где перечень выпечки, которую вы распаковывали?

— Я не заметил никакого перечня.

— Должно быть, здорово спешили, — кивнула Джоанна. Оглядев комнату, она подошла к мусорной корзине, куда я бросал оберточную бумагу, и отыскала в ней длинный список.

Поправив новые очки, она взяла ручку и сказала:

— Итак, приступим.

И мы стали осматривать булки и бублики. Вскоре обнаружился помятый бисквит с малиной.

— Ну что, пополам? — улыбнулась Джоанна.

У каждого были свои любимые лакомства. Джоанна обожала бисквиты с малиной и черникой, Бьянка предпочитала кофейный торт, Кристал больше всего любила миндальные ириски, а я не мог устоять перед печеньем с шоколадной крошкой.

— Майк, возвращайтесь, пожалуйста, за кассу, — позвала из зала Кристал.

Я кинулся за прилавок.

Около десяти подуставшую Кристал сменил Кестер. Он широко улыбнулся мне в качестве приветствия и занял место у кофе-машины, работая с той же фантастической ловкостью и точностью, что и Кристал. Он иг-

раючи исполнял любые комбинации из восемнадцати ингредиентов, спокойно, без напряжения повторяя: «Экстрасухой капуччино «Венти», двойной высокий латте, большой латте без сахара с ароматом ванили и обезжиренным молоком, высокий макиато без кофеина с карамелью, высокий мокко с молоком, не взбивать» и прочие всевозможные латте, капуччино, доппио* и макиато. Позже, когда в кафе появились юные посетители, настал черед для карамельных, кофейных, мокко и прочих ледяных фрапуччино, очень популярных в жару.

Мой получасовой перерыв на еду пролетел незаметно, я вновь вернулся к работе. Наконец смена закончилась. Было еще совсем рано. Сняв зеленый фартук, я спустился в подвал и бросил его на ворох грязной спецодежды, предназначенной для отправки в стирку. Вот я и пережил первое открытие кафе, по сравнению с которым даже пробежка перед памплонскими быками казалась лишь детской забавой.

Подвал служил не только местом, откуда поздним вечером забирали в стирку спецодежду и вывозили мусор, но и приватным пространством, где можно было несколько минут побыть одному.

Спустившись по ступенькам, в углу я увидел Кристал, говорившую по сотовому.

Закончив разговор, она сокрушенно покачала головой и провела рукой по волосам. Я заметил, что она плачет.

Не хотелось быть назойливым, но нельзя же было оставаться безучастным при виде ее слез.

— Что случилось?

Кристал вздохнула:

---

* Эспрессо двойной крепости.

— Уинстон. Мой двоюродный брат... Его увезла «скорая». Опасаются, что у него сердечный приступ.

— Это плохо, — сглупил я. От моего замечания Кристал совсем поникла. Но я хотел помочь и кое-что придумал. Доктор Коэн, будучи помешан на превентивных мерах, постоянно изводил меня нотациями о необходимости физических упражнений — дескать, болезнь легче предупредить, чем лечить, однако в данном случае его принципиальная позиция могла оказаться полезной. Коэн сможет выяснить правду у врачей со «скорой». Он сообразит, как это сделать. — Хотите, я позвоню моему доктору? Редкостный зануда, но знает свое дело и ему можно доверять.

— Уинстон с детства очень полный, у него высокое давление... Не беспокойте своего доктора, в больнице полно врачей.

— Но он очень компетентный и против запугивания пациентов, — настаивал я. — Он быстро выяснит, есть ли реальная опасность, и примет необходимые меры.

— Ну ладно, — неохотно согласилась Кристал.

Я набрал рабочий телефон доктора Коэна. Трубку сняла его помощница.

— Мойра, это Майкл Гилл. Доктор Коэн у себя?

— Он в отпуске.

— То есть как в отпуске?!

— Мистер Гилл, но ведь сейчас август!

— А, ну да... И где же он?

— У себя дома.

— То есть где?

— В городской квартире. Вы же знаете, он терпеть не может уезжать из Нью-Йорка.

— Мойра, вы окажете мне огромную услугу, если дадите его домашний телефон.

— А вы позвоните в справочную, на Парк-авеню.

Там мне дали номер доктора.

Коэн снял трубку сразу же.

— Алло!

— Алло, доктор Коэн, извините за беспокойство...

— Кто это?

— Майкл Гилл.

— Вы не забываете делать зарядку? Выполняете по утрам упражнения на растяжку, которые я вам прописал? Или вы сломали себе что-нибудь?

— Нет, я звоню вам по просьбе моей хорошей знакомой. Ее двоюродного брата увезла «скорая». Не будете ли вы столь любезны позвонить в больницу и узнать, что с ним?

— Август — худшее время, чтобы попадать в нью-йоркские больницы. Как его зовут?

— Уинстон...

Я вопросительно взглянул на Кристал.

— Уинстон Гроув, — подсказала она. — Больница «Маунт-Синай».

Я повторил это Коэну.

— Дозвонишься туда, как же, — пробурчал доктор Коэн. — Ладно, «Маунт-Синай» недалеко от моего дома. Прогуляюсь пешком. Диктуйте телефон вашей знакомой.

Я назвал номер сотового Кристал. У всех сотрудников «Старбакса» имелся номер телефона менеджера кафе — на всякий случай.

— Не забывайте делать зарядку, — проворчал Коэн на прощание и повесил трубку.

Я ощутил прилив огромной благодарности своему доктору.

Кристал смотрела на меня, вытирая слезы, ни на что не надеясь. Доктор Коэн скоро перезвонил. Оказалось, что у Уинстона лишь повышенное давление и учащенное сердцебиение. Коэн сказал Кристал, что если ее брат сядет на диету и станет выполнять несложные физические упражнения, он в два счета поправится.

— Спасибо, Майк. — Кристал нажала «отбой». — Я, пожалуй, поеду сама посмотрю, как там Уинстон.

Уже почти поднявшись наверх, она остановилась и перегнулась через перила.

Я обернулся с немым вопросом.

— Утром вы отлично справились, — сказала Кристал и ушла.

6-8870

Глава 6

Тычок стоимостью миллион долларов

Попробуй проявить немного нежности...

Строка из песни Отиса Реддинга, звучавшей при закрытии «Старбакса»

Сентябрь — октябрь

Прошло больше месяца. Я чувствовал себя намного увереннее, вполне освоившись с новыми обязанностями. Открытие кафе вместе с Кристал стало для меня настоящим прорывом, и я скоро привык громко повторять заказы, одновременно поддерживая разговор с клиентами, хотя по-прежнему делал немало ошибок. Однажды, составляя график на следующую неделю, Кристал сказала:

— Ваша очередь закрывать кафе, Майк.

По выражению моего лица она поняла, что я заволновался. Я по-прежнему страшился всего нового, неизвестного.

— Не беспокойтесь, — сказала она. — Закрывать вы будете вместе с Кестером. Он у нас лучший закрывающий.

Осень в этом году выдалась ранняя, дни стали заметно короче. Я зябко вздрагивал, ожидая поезда, — не толь-

ко от холода, но и от предстоящего визита к Лалуани. На работу мне было только к половине девятого вечера, и я решил провести день с пользой — сделать томографию. Прошло уже больше шести месяцев с тех пор, как я услышал шокирующую новость о «маленькой опухоли» в основании мозга, и ассистентка доктора Лалуани уже несколько раз звонила мне и настоятельно просила записаться на томографию.

Я рассказал детям об опухоли, подчеркнув, что это не смертельно и операция не срочная, но они, естественно, встревожились.

Однако Кристал и другим партнерам я ничего не говорил, не желая, чтобы меня жалели. Моя окрепшая уверенность в себе и удовольствие, получаемое от работы, в какой-то степени основывались на том, что мне не давали поблажек и скидок, хотя я был намного старше остальных. Всю свою сознательную жизнь я пользовался привилегиями, но теперь особый статус мне претил. Однажды в «ДУТ» провели интервью с моими подчиненными, и я с удивлением узнал, что они меня боятся. Я считал себя «добрым диктатором». Очевидно, сотрудники целиком соглашались со второй частью, полностью отвергая первую.

Не то чтобы партнеры не считались с моей биографией, возрастом, образованием или способностью генерировать «беспроигрышные коммерческие идеи», но в разгар смены в «Старбаксе» царила полнейшая демократия, когда времени не оставалось ни на что иное, кроме как быстро и правильно выполнять заказы. Нужно было ежеминутно хватать какой-нибудь высокий кофе с местом, оставленным для молока, и слаженно и четко

работать с остальными партнерами, иначе все пойдет насмарку и настроение гостей будет испорчено. Мне нравилось быть частью дружного коллектива, таким же, как все.

Скажи я сотрудникам, что у меня опухоль или что я плохо слышу на левое ухо, они немедленно примутся выражать свое сочувствие и всячески помогать. Или еще того хуже — я до сих пор каждый день доказываю себе, что способен выполнять эту работу, а партнеры начнут сомневаться во мне, хотя, конечно, прямо никто ничего не скажет. Именно так реагировал бы я, узнав о чужих болячках. Хороший слух — важнейшее качество для продавца, и я гордился тем, что, несмотря на тугоухость, принимаю и повторяю заказы не хуже остальных и легко поддерживаю разговор с покупателями. С другой стороны, я все же не разбираю некоторые слова, когда громко играет музыка или в машине для фрапуччино крошится лед. В такие моменты приходилось напрягаться до предела, чтобы расслышать заказ.

Последней причиной, почему я не желал говорить партнерам о своей болезни, было мое собственное нежелание о ней думать. По вечерам, засыпая под тонкий противный звон в левом ухе, я злился, что меня одного из многих миллионов людей поразил этот редкий и трудноизлечимый недуг. Оставалось утешаться лишь тем, что бывает и хуже. Главное — я не умер и пока не собираюсь. Моя дочь принесла мне радиоприемник «Боуз», и на сон грядущий я включал классическую музыку, заглушавшую неприятный звон, чтобы заснуть.

Вот и сегодня я надеялся, что до операции дело не дойдет.

Ассистентка Лалуани записала меня на томографию и на прием к доктору с таким расчетом, чтобы на все это ушло два часа. Томография сама по себе процедура безболезненная, но это с лихвой компенсировалось мучительным ожиданием у кабинета врача. Лалуани, проходя по коридору, увидел, с каким я сижу несчастным видом, нервно постукивая кроссовкой об пол. Сжалившись, он сказал:

— Сходите пока к отоларингологу, проверьте слух.

Я послушно пошел в регистратуру.

Говорят, врачи, как боги, держат в своих руках наши судьбы, поэтому я решил следовать советам доктора буквально.

— Доктор Лалуани прислал меня проверить слух, — доложил я женщине за стойкой.

Меня немедленно проводили к отоларингологу — имя Лалуани в больнице было чем-то вроде волшебного ключа. Вспомнилась старая шутка: «Я умираю от рака, но зато у меня лучший врач в Америке...»

Я изо всех сил пытался перехитрить женщину, проводившую проверку слуха, выкрикивая уверенное «да», хотя ничего не слышал, но в результате врач заявила, что левым ухом я слышу лишь на двадцать процентов от нормы.

— Зато правое в отличном состоянии! — гордо заявил я, твердо решив смотреть на ситуацию оптимистически. Выработка позитивного отношения к разнообразным новинкам долгое время была моей профессией, да и родители приучали всегда в первую очередь думать о хорошем. У меня неплохо получалось: я умел их поддержать в трудную минуту, словно это они были детьми, а

я — их родителем, вдохновляющим своих чад на новые свершения.

— Не в отличном, — поправила меня молодая доктор-ша, записывая что-то в карте. — Но для вашего возраста это нормально.

Нормально для моего возраста. Ненавижу эти слова. В «Старбаксе» я привык считать, что почти ничем не уступаю тем, кто моложе меня на поколение, а то и два, а врач подчеркнула пренеприятный факт, что мне уже шесть с половиной десятков.

Оглушенный приговором отоларинголога, еле волоча ноги, я потащился назад к Лалуани с картой, где красовались результаты проверки слуха.

Он мгновенно меня принял.

Лалуани улыбался. Но я не расслаблялся — знал, что этот тип всегда улыбается. С такой же вот улыбкой он сообщил мне о редком виде опухоли, обнаруженном у меня в основании мозга. Интересно, это у него от внутренней гармонии или от нервного тика? Или, как я возмечтал в безумной надежде, на этот раз улыбка доктора означает обнадеживающие результаты томографии?

— Хорошая новость, — сказал он, прикрепив томографический снимок на специальный экран на стене кабинета. — Опухоль практически не растет.

— Что это значит?

— Чем меньше опухоль, тем элегантнее операция.

— Элегантнее?!

— Ну, в смысле, маленькую опухоль проще оперировать.

— Вы же будете сверлить мне череп?

— Да.

— Операция серьезная?

— Любое хирургическое вмешательство на головном мозге является серьезной операцией, — сообщил Лалуани с лучезарной улыбкой.

Я перестал сомневаться в том, что доктор Лалуани — один из людей, живущих в состоянии перманентного счастья. Работа была для него огромной радостью, просто по какой-то нелепой случайности ему приходилось еще и сверлить людям черепа.

— Но если это... — я не мог произнести «опухоль», — почти не увеличилось, стало быть, нет необходимости торопиться с операцией?

Доктор Лалуани снова внимательно посмотрел на снимок.

— Да, — помолчав, согласился он. — При пристальном наблюдении можно еще несколько месяцев подождать.

Мне доводилось слышать о «пристальном наблюдении». Раньше это выражение казалось мне символом неутешительных новостей. Теперь же я чуть не запрыгал от радости, ухватившись за избитую фразу, как утопающий за соломинку.

— Хорошо, — с готовностью согласился я.

Мне хотелось воскликнуть: «Прекрасно!» — но я постарался скрыть свой восторг, чтобы доктор Лалуани не догадался — пациент готов на что угодно, лишь бы не ложиться под нож.

— И слух не особенно ухудшился, — сказал он больше для себя, чем для меня, просматривая результаты аудиотеста.

— Нет-нет, — поспешно сказал я. — Совсем не ухудшился. В «Старбаксе» я вполне справляюсь даже со сложными заказами.

— Где?!

Я совсем забыл, что не говорил доктору о своей новой должности. Он так мало обо мне знал! Для Лалуани я явно был всего лишь очередным кандидатом на успешную операцию.

— Что вы делаете в «Старбаксе»? — поинтересовался он, складывая мои снимки в стопку, — видимо, готовясь к приему следующего пациента. — Управляете кофейней?

— Нет, стою за кассой.

Доктор как-то странно поглядел на меня, видимо, не находя смысла в подобном занятии, но у него не было времени углубляться в проблему.

— О'кей, — сказал Лалуани, вновь сосредоточившись на мне как на пациенте. — Через несколько месяцев Лиза позвонит вам и назначит новую томографию.

Вскочив с места, я пожал ему руку.

Разве не удивительно, что человека, буквально раздавленного плохими новостями, уже через несколько мгновений охватывает отчаянное желание выжить любой ценой и он начинает действовать? Узнав, что серьезную операцию можно отложить, я испытал огромное облегчение и даже счастье.

Я попрощался и торопливо вышел, почти выбежал из кабинета Лалуани, опасаясь, что доктор передумает. Боюсь больниц и операций. Кроме того, если лечь к Лалуани сейчас, я еще и подведу своих коллег. Я только-только научился быть полезным.

Я даже еще ни разу не закрывал кафе!

Уже стемнело, когда я пришел на работу. Шел уже девятый час. Моя смена начиналась в полдевятого и заканчивалась в полпервого.

Кестер уже пришел и, как обычно, приветствовал меня широкой улыбкой. Кристал была у себя в кабинетике и собиралась уходить. По пути к выходу она отвела меня в сторону.

— Иногда при закрытии кафе возникают проблемы, — сказала она самым деловым тоном. — Что бы ни случилось, не трогайте посетителей!

— Что значит «не трогайте»?! — изумился и немного встревожился я.

— Иногда посетителей слишком энергично «просят» уйти, пытаются вывести насильно. Здесь у нас продавец однажды ударил гостя, не желавшего уходить, так суд присудил нам выплатить пострадавшему миллион баксов, а сотрудника мне пришлось уволить. Поэтому, Майк, повторяю — никаких тычков стоимостью в миллион долларов.

Я едва сдержал смех. Неужели Кристал не видит, что разговаривает с патологическим трусом? Но ответил серьезно:

— Обещаю, никаких тычков.

И тут же улыбнулся невольному воспоминанию о единственной драке в моей жизни.

— Что тут смешного? — нахмурилась Кристал.

— Да так... — ответил я. — Вспомнил свою встречу с Мохаммедом Али.

— Вы видели Али?! — К нам подошел Кестер.

— Да, я видел его первый профессиональный бой в Нью-Йорке против Дуга Джонса.

— Круто, — вырвалось у Кестера.

— Встреча с Дугом Джонсом стала его первым боем после золотой олимпийской медали. Он дрался здесь, в Нью-Йорке, в «Мэдисон-Сквер-Гарден»*.

— Короче, Майк, — перебила Кристал, явно не интересовавшаяся драками, пусть даже и прославленных боксеров. — Просто будьте внимательны, о'кей?

Она вновь перешла на официальный тон: ей нужно было заострить внимание подчиненного на важном вопросе, а я обязан был неукоснительно выполнять ее указания.

Я принял самый серьезный вид:

— Понял.

— До скорого! — Кристал решительно направилась к дверям. Сегодня у кафе ее поджидала уже другая дорогая черная машина.

— Кто это? — спросил я у Кестера.

— Ухажер. Кристал ведь у нас невеста первый сорт, — улыбнулся он и позвал товарища: — Эй, Чарли, иди сюда! Майк рассказывает о Мохаммеде Али.

Чарли стащил с головы наушники и подключился к разговору. К счастью, очереди в тот момент не было.

— Я видел первый профессиональный бой Али, — повторил я. — Буквально в нескольких кварталах отсюда, в зале «Мэдисон-Сквер-Гарден». Али провел десять раундов и выиграл.

---

* Неточность автора: бой Мохаммеда Али (Кассиуса Клея) с Дугласом Джонсом в зале «Мэдисон-Сквер-Гарден» в 1963 г. стал пятнадцатым в череде победных встреч на ринге после завоевания Али олимпийского золота в 1960 г. в Риме.

По заинтересованным выражениям лиц собеседников я видел, что молодые люди ожидают продолжения. Когда Али Мохаммед выходил на ринг, их, наверное, еще и на свете не было.

— Али говорил о себе, что он умеет порхать как бабочка и жалить как пчела.

— Классно, — оценил Чарли. — Почти как рэп.

Чарли был страстным меломаном. Для него все звучало как рэп.

— Вроде того, — подтвердил я. — Али был прирожденный поэт.

— Да ну? — не поверил Чарли.

Кестер тоже посмотрел на меня удивленно и недоверчиво.

— Он сочинял стихи о своих боях. Одно сочинил для меня — я тогда работал в журнале и попросил его написать стихотворение. Прямо в раздевалке Али его и написал.

— Да, парень был не промах, — подытожил Чарли, и Кестер кивнул. — Перескажи нам коротко, о чем тот стих, а?

Судя по всему, сообщение о литературных талантах Али произвело на Чарли сильное впечатление.

Я не стал рассказывать моим молодым коллегам, что пробрался в раздевалку Али, назвавшись представителем прессы, и выклянчил у него стихотворение для Йельского литературного журнала, где в студенческие годы подвизался редактором. Парней не интересовало, каким образом я встретился с Али, — они хотели услышать о нем побольше. Я поделился с ними строками, вышедшими из-под пера великого боксера:

— «Толстяк Дуг Джонс на ринг пришел — как курица, стоял...»

Кестер и Чарли захохотали.

— «Но десять раундов — как штык, а я-то раскатал...»

— А что, нормально, — похвалил Чарли. — Особенно если экспромтом. — Для убедительности он постучал себе по маковке.

— Он был самым напористым и умным боксером в истории спорта, — сказал я, чтобы до них дошло, как все-таки здорово, что в мире был такой классный парень. Мало того что выдающийся спортсмен, так еще и литературно талантливый, раз мог присесть на скамью в раздевалке, обернувшись полотенцем, только что выдержав самый длинный бой в своей жизни, и выдать стишок для юнца, которого видел первый раз в жизни.

Парни охотно послушали бы о Али еще, но времени на болтовню у партнеров «Старбакса» практически нет — всегда ждет масса работы.

Чарли снова надел наушники, где звучали композиции с его собственного кустарно записанного компакт-диска, и начал мыть кофе-машину. Кестер спросил:

— Майк, приберете в зале?

— Конечно, — ответил я.

— Тогда давайте покажу, с чего начинать. В этом деле главное — инструмент. Пошли, подготовим швабру и воду.

Мы прошли в подсобку. Кестер вручил мне швабру и показал, как наполнять ведро горячей водой и специальным моющим средством, которое эффективно удаляет грязь и быстро сохнет.

— Вот теперь все готово, — сказал он, помогая мне вывезти ведро в зал. Ведро имело маленькие колесики, его было легко катить — я и сам бы справился.

— Сперва нужно подмести. — Мы остановились у прилавка. — Лучше подметать периодически в течение смены, тогда легче будет перед закрытием. Следи, чтобы в этом шкафу всегда были салфетки, сахар и все остальное — полный комплект. И еще — витрина с кофе в зернах. Вечером люди покупают кофе фунтами, так что досыпайте, где мало. При открытии — ну вы знаете, как это бывает, — на это нет времени. Утром нет ни секунды лишней, поэтому все нужно готовить с вечера, чтобы первая смена могла нормально начать работать.

Кестер сделал паузу. Это и так была самая длинная речь, которую я слышал от него за все время нашего знакомства. Похоже, он досконально изучил все тонкости закрытия кафе на ночь. Кестер считался лучшим «закрывающим». Я был рад поучиться у мастера.

— Мы не можем сварить кофе для утренней смены, — продолжал Кестер, показывая на кофе-машину и титан. — Но в наших силах запасти для них кофе в зернах. А сейчас надо вынести мусор. Забирайте мешки из подвала, выносите на улицу и оставляйте у обочины. Их позже заберут.

И Кестер дружески хлопнул меня по спине — давай, мол, действуй. Казалось, он нисколько не сомневается, что я в состоянии выполнить его поручение. В душе мне льстило, что Кестер относится ко мне почти как к ровеснику.

Однако возня с мусором оказалась отнюдь не легким делом: вынести требовалось штук двадцать мусорных па-

кетов с кофейной гущей и всякой дрянью, очень тяжелых. С гулко бьющимся в груди сердцем я, обливаясь потом, потащил сразу несколько мешков вверх по крутой железной лестнице. Пусть это будет вместо аэробики, а она очень полезна для здоровья. Я попытался улыбнуться — правда, улыбка скорее напоминала гримасу, какая получается при стиснутых от напряжения зубах.

На середине лестницы на меня чуть было не налетел Чарли. Парень был, как всегда, в наушниках и пребывал в мире музыки, но вовремя заметил меня и проворно попятился вверх по ступенькам с небрежной атлетической грацией, которой я жутко позавидовал. Я никогда не был спортивным, но сейчас молодые коллеги, не желая того, постоянно напоминали мне о сорокалетней разнице в возрасте. Я с трудом выполнял работу, которую они делали играючи. Однажды на моих глазах Кестер почти бегом вынес из подвала две тяжеленные емкости с ванильным сиропом весом не меньше двадцати фунтов каждая. Теперь вот Чарли, не моргнув глазом, почти протанцевал вверх по железной лестнице, даже просто подняться по которой мне было ох как нелегко.

Наверху, пропуская меня, Чарли сдвинул назад наушники, что я воспринял как проявление вежливости.

— Мне забрать остальные пакеты? — спросил он.

— Только попробуй! — с вызовом сказал я, хотя понимал, что это искренний, от сердца, добрый жест. Мысль о том, что меня будут считать слишком старым для работы, приводила в ужас. Если закрывать кафе означает подниматься с тяжелыми мусорными пакетами по крутым ступенькам, я докажу, что в состоянии обойтись и без посторонней помощи.

Чарли сделал вид, что ничего такого не заметил, и что-то подкрутил в наушниках, собираясь надеть их снова.

— Майк, вы сегодня закрываете?

— Да.

— Классно, — восхитился он. — Сделаем это на высшем уровне.

Чарли вечно переполняла бурлящая энергия. Я уже несколько раз работал с этим парнем. Он приходил рано и выпивал «Красный глаз» — напиток, где в обычный кофе добавляется порция эспрессо. Всю рабочую смену наш меломан буквально летал как на крыльях, чему, наверное, немало способствовал кофеин.

Несколько недель назад Чарли сказал, что занят созданием собственной «музыкальной компании». Чуть ли не всякий раз, как мы с ним пересекались, он показывал мне очередной кустарный компакт-диск. На последнем красовалась большая фотография самого Чарли — молодого красавца с маленькими усиками. На фото он был в расстегнутой рубашке, открывавшей взгляду большой золотой крест на груди.

— Бабушкин, — объяснил Чарли. — Всегда ношу, когда занимаюсь всей этой музыкой.

Он засмеялся, но я знал, что Чарли говорит серьезно.

При всей своей внешней беззаботности Чарли был серьезным человеком и мечтал о большой музыкальной карьере.

Сейчас он снова надел наушники, поправил их и побежал вниз по ступенькам. Побежал! Я потащился наверх, уныло отметив, что в «Старбаксе» я отнюдь не в лиге чемпионов.

Пронося пакеты с мусором через кафе к выходу, я ускорил шаг, чтобы хоть немного наверстать время, затраченное на подъем по лестнице.

Когда я подошел к выходу, кренясь на бок под тяжестью своей ноши, дверь мне галантно открыл один из гостей. Я уже замечал, что многие посетители относились к старбаксовскому персоналу с особой вежливостью, словно боясь, что мы перетрудимся. Интересно, так же в других предприятиях розничной торговли и быстрого питания? Лично я никогда не придерживал дверь для работника кафе или магазина. Почему же люди так поступают? Извиняются за баловство собственной особы чашкой дорогого кофе? Должно быть, наши гости ощущают некоторую вину за получаемое удовольствие и стараются искупить грех чревоугодия избытком человеколюбия.

Несколько раз, когда я убирал со столов, гости обращались ко мне:

— Как вам тут работается?

— Прекрасно, — искренне отвечал я. — Отличные люди, первоклассный кофе. И сказочные льготы.

Слыша это, гости всякий раз улыбались. Возможно, им подсознательно хотелось, чтобы в «Старбаксе» было хорошо всем — и работникам, и посетителям. Определенно могу сказать одно: за все двадцать пять лет работы в сфере рекламы никто из заказчиков не относился ко мне с такой искренней заботой. Даже когда я открыл собственную мини-компанию, клиенты ограничивались кратким и небрежным: «Как дела?» — и никогда не удосуживались дождаться ответа, торопясь вернуться к своим делам. Им было на это наплевать. Напротив, посетители «Старбакса» проявляли искреннюю заинтересованность и нерав-

нодушие. Мне кажется, если бы я или кто-то из наших партнеров посетовал на плохое обращение, гости дружно встали бы на защиту наших интересов.

Так что я был признателен незнакомцу, открывшему для меня дверь, в которую и протиснулся с тремя тяжелыми мусорными пакетами.

— Спасибо, — поблагодарил я, взглянув, как полагалось, гостю в глаза.

Он тоже посмотрел на меня.

— Майкл Гейтс?!

Так меня называли только близкие родственники и старые друзья. Мама рассказывала, когда ей случалось окликнуть меня в Центральном парке, к ней подбегали чуть не десять Майклов, поэтому она начала звать меня уменьшительным Гейтси. Старые приятели обращались ко мне Майкл, или Гейтс, или даже Майкл Гейтс Гилл. Партнеры и гости «Старбакса» называли меня Майком — стало быть, этот визитер знавал меня в прошлой жизни. Я был в замешательстве. За последние недели я старался запоминать не только излюбленные напитки, но и имена завсегдатаев нашего кафе и сейчас пристально вглядывался в полузабытое лицо, остановившись в дверях с тяжелыми пакетами в руках.

— Бенджамин? — вспомнил я наконец.

— Так это все-таки ты! — с удовольствием заключил он.

Передо мной стоял Бенджамин Зукер, приятель, с которым мы не виделись после окончания Йеля. Мы познакомились и сдружились на первом курсе, когда вместе посещали скучнейший обязательный курс. Каждому студенту полагалось выбрать так называемый научный предмет. Мы с Бенджамином выбрали, как нам казалось, самый про-

стой — курс геологии, который читал профессор с подходящей фамилией — Флинт* (разумеется, мы окрестили его Роки Флинтом). Курс геологии оказался настоящей китайской пыткой — пришлось сдавать зачет и писать длинный доклад по геологической структуре окрестностей Нью-Хейвена. Уэст-Рок, Ист-Рок... Камни, камни. Мы с Бенджамином ночи напролет пытались сымпровизировать докладец, марая бумагу длинными сентенциями об отложениях и уровнях гранита или кварцевых пород (опять кремни!), не будучи уверены, что не пишем полную чушь, всячески подражая научному стилю и выражаясь как можно туманнее. Мы надеялись, если сделать слог доклада невнятным до непостижимости, профессор поставит зачет, решив, что мы знаем больше, чем можем выразить.

Во время наших попыток высосать из пальца доклад по геологии Бенджамин хохотал до слез. Его смех помог мне выдержать весь этот геологический кошмар.

Бенджамин к учебе относился легко, и к геологии в том числе. Он вообще учился в Йеле без напряжения, чего нельзя было сказать обо мне. Я словно тащил на спине невидимое бремя — несколько поколений Гиллов, отлично закончивших Йель, — и не мог позволить себе роскошь плохо учиться. В отличие от меня Бенджамин не забивал себе голову подобной ерундой.

Он первый в своем роду поступил в Йель, да и вообще в американский университет, и воспринимал учебу как большое приключение.

И вот теперь, сорок лет спустя, старые друзья встретились вновь, и у одного в руках мусорные мешки.

---

* «Флинт» по-английски «кремень». Роки Флинт дословно переводится как «твердый кремень».

— Поверить не могу, что ты здесь работаешь, — сказал Бенджамин и закончил совершенно неожиданно: — Это же мой ближайший «Старбакс»!

Я-то ждал окончания фразы вроде: «Докатился, мусор в кафе выносишь!» — но Бенджамин, казалось, искренне обрадовался, что я работаю так близко от его дома.

— Я живу буквально в двух минутах ходьбы отсюда, — продолжал он.

— Прекрасно, — кивнул я. — Подожди, я сейчас.

Мусор наконец-то был выдворен на обочину дороги.

Краем глаза я видел, что Кестер наблюдает за мной, словно контролируя, правильно ли я себя веду. Я решил представить ему вновь обретенного старого друга.

— Кестер, это мой приятель Бенджамин.

Кестер, по-моему, удивился. Наверное, ему трудно было представить, что живущий неподалеку прекрасно одетый посетитель — мой давний друг. Для Кестера я, видимо, был стариком, от которого на склоне лет отвернулась удача, а Бенджамин казался представительным, довольным жизнью — ничего общего со мной.

К тому же Бенджамин выглядел на десять лет моложе меня — может, это и сбило Кестера с толку.

— Круто, — нашелся он наконец.

— Я, видишь ли, немного занят, — объяснил я Бенджамину, готовый идти в подвал за новой порцией мусора. — Боюсь, сейчас поболтать не получится.

— А когда освободишься? — Бенджамин был не из тех, кто легко сдается.

— Не раньше полуночи.

— Ладно, тогда посидим в следующий раз. Я часто сюда захожу.

— Не хочешь кофе? — спохватился я. Почему я обращаюсь с Бенджамином хуже, чем с остальными гостями?

Оттого, что мне неловко, вот почему...

— «Венти латте», — согласился Бенджамин, абсолютно не смущаясь ситуацией.

Мне стало совсем не по себе. Кестер уже наливал заказанный «Венти».

— Вот мой телефон, — сказал Бенджамин, протянув мне большую визитку. — Позвони. Посидим, выпьем латте...

Я повернулся, чтобы уйти.

— Подумать только, как здорово! — услышал я за спиной. — Я живу буквально через пару кварталов отсюда.

Я оценил то, как Бенджамин отнесся к тому, что я работаю в «Старбаксе», и его позитивный настрой. У бывших друзей возникали в основном две реакции на мою новость: неловкая пауза, словно они услышали, что у меня рак, или, что еще хуже, пренеприятное снисходительное подбадривание:

— Ну что ж, отлично, «Старбакс» — известная компания. Ты у них заведуешь кафе или занимаешься исследованиями рынка?

— Нет, — отвечал я. — Работаю баристой, стою за прилавком, чищу уни...

— Отлично, отлично, — торопливо перебивали меня собеседники, не желая слышать душераздирающие подробности.

Для них работа за прилавком означала, что я пролетел сквозь ячейки страховочной сетки, призванной поддерживать белых представителей богатого среднего класса. Меня сторонились как зачумленного, словно боясь подхватить

заразу: большинство друзей под разными предлогами торопились ретироваться и побыстрее закончить разговор.

Я спустился в подвал, оставив Бенджамина общаться с Кестером. Не хуже, чем писать пространные доклады на абсолютно не известную тему, Зукер умел непринужденно болтать с кем угодно и о чем угодно. Он родился в Ницце, кишевшей нацистами, его семья чудом выбралась из Европы, но и ужасы своего прошлого Бенджамин, по-моему, рассматривал как одно большое приключение. Просто дар небес, хмуро думал я, спускаясь по железной лестнице, — легко и безмятежно принимать любые превратности жизни, не без остроумия посмеиваясь над этим безумным, безумным миром. В Йеле Бенджамину и в голову не приходило, что в жизни можно «провалиться»: он всегда считал, что жизнь есть жизнь, со всеми ее непредсказуемыми поворотами и сюрпризами.

В отличие от него я с самого детства только и делал, что старался оправдать и не «провалиться». Лез из кожи вон, чтобы соответствовать высоким ожиданиям родителей. Содрогался от ужаса при мысли подвести собственную семью. Это, как я теперь начинал понимать, было для меня тяжелейшим бременем. Каким же глупцом я был...

Подхватив пакеты с мусором, я тяжело затопал по ступенькам. Выйдя в торговый зал, с облегчением увидел, что Бенджамин уже ушел. Я ничуть не стеснялся своей работы — напротив, мне казалось, что я недостаточно хорошо справляюсь со своими обязанностями. Я даже своих детей не приглашал, боясь перед ними опозориться. Мне до сих пор было небезразлично, как я выгляжу со стороны.

Покончив с мусором, я залюбовался внушительной грудой мешков, которую собственноручно сложил на углу Де-

вяносто третьей и Бродвея, удивляясь охватившему меня специфическому чувству удовлетворения делом рук своих.

Буду чаще смеяться, пообещал я себе, заторопившись назад в кафе, где оставался едва початый край работы. Из динамиков лилась песня Отиса Реддинга «Попробуй проявить немного нежности».

Я поклялся проявлять больше нежности и начал с Майкла Гейтса Гилла. Хватит спрашивать с себя по гамбургскому счету! Подумаешь, большое дело! У меня есть работа, которую я старательно выполняю, и я постепенно совершенствуюсь, как и большинство людей в мире.

Я не святой Михаил и не эгоистичный Майкл, я просто Майк — человек, которому надо выжить, и я благодарен фортуне за свою работу.

Я подмел пол четыре раза. Каждый раз, подметая, я находил на полу что-нибудь новое, вроде крошек от сдобы или травинок. Посетителей, в смысле гостей, по-прежнему было много, и подметать приходилось часто.

Я был просто одержим чистотой, потому что время неумолимо шло к закрытию. После закрытия кафе Кестер хотел поручить мне уборку и мытье пола, причем сделать это нужно будет быстро. Чем чище пол перед мытьем, тем быстрее я справлюсь с остальным.

Ближе к полуночи Кестер положил мне руку на плечо:

— Майк, окажете мне услугу?

Я снова с удовольствием услышал принятую в «Старбаксе» формулу — не приказ, а вежливую просьбу. В свою бытность начальником отдела в «Джей Уолтер Томпсон» я нередко заходил к подчиненным под вечер в пятницу и безапелляционно сообщал: «Вы будете работать в выходные».

Я никогда не обращался к подчиненным с просьбой и не давал понять, что они оказывают агентству важную услугу,

работая сверхурочно. Это было частью кодекса корпоративного мачо — никогда не объяснять своих приказов и требовать немедленного беспрекословного подчинения.

В «Старбаксе» все было иначе.

— Конечно, — ответил я Кестеру, радуясь возможности оказаться полезным.

Я подметал и переподметал, а Отис Реддинг пел и пел. Песня вполне отвечала духу заведения: «Старбакс», казалось, создал свой особый мир, где сотрудниками руководили с некоторой долей нежности. На редкость мягкий стиль для такого энергичного и интенсивно развивающегося бизнеса, как розничная торговля. Даже Кестер усвоил этот мягкий подход, попросив меня об услуге и обойдясь без прямого приказа.

— Во время закрытия мы с Чарли берем на себя кассы и кофе-машину, — продолжал Кестер. — А вот не могли бы вы вымыть туалет? Кристал говорит, ей в жизни не доводилось видеть такого белоснежного толчка, как после вашей уборки, — добавил он с широкой улыбкой.

Я засмеялся.

— Нет проблем, — ответил я с неожиданным для себя энтузиазмом.

Я, Майкл Гейтс Гилл, лучше всех мою туалет! Я еще не умею варить эспрессо, с трудом выношу пакеты с мусором, но зато туалет после моей уборки сверкает чистотой.

Я стал собирать свои войска — ведро и швабру, щетку и два разных чистящих средства: дезинфицирующий спрей для зеркала и урны в туалете и убойной мощности детергент для собственно унитаза. Полностью вооружившись, подошел к двери туалета. Судя по положению замка, там было «занято».

Я с досадой подумал, что уже полдвенадцатого и скорее всего придется попотеть, ведь люди весь вечер то и дело заходили в туалет. Да, конечно, гостеприимное отношение к посетителям — это хорошо, но мне необходимо попасть внутрь. Немедленно. Время как-никак шло к закрытию. Если я сейчас сделаю там уборку, значит, одной заботой у меня будет меньше. Я уже чуть с ног не валился — встал-то ведь сегодня очень рано. Одна из проблем поздней смены заключается в том, что ты успеваешь порядком устать еще до начала работы, провернув с утра массу дел.

Я ждал. Прошло десять минут. Я добавил в витрину кофе в зернах, пополнил запас сахара, сливок и всякой всячины и еще раз подмел пол, тщательно выметая крошки из углов. Я ежеминутно поглядывал то на часы, то на дверь, но всякий раз видел надпись: «Занято». Наконец я не выдержал и постучал.

— Расслабься! — заорал изнутри мужской голос. Чем бы он там ни занимался, стало ясно, что туалет от этого чище не станет.

Только через двадцать минут дверь наконец открылась. Из туалета вышел, как мне показалось с первого взгляда, подросток с ноутбуком под мышкой и огромным рюкзаком на спине. Что он делал в туалете битый час?!

Присмотревшись, я понял, что передо мной взрослый мужчина, одетый как тинейджер. Небритый, с длинными светлыми волосами, он смахивал на хиппи. Лицо ссохшееся, морщинистое, а ярко-голубые глаза глядели со злобой. Вроде бы молодой и в то же время совсем старик. От гостя разило табаком и чем-то еще. Я понял, что он кололся или принимал наркоту как-то иначе, с комфортом расположившись в туалете.

На меня он посмотрел как на насекомое.

— Валяй, приступай, — бросил он с издевательской улыбкой и прошел к столику в углу, задев меня плечом.

В кафе осталось всего несколько посетителей.

Я почти что вбежал в туалет. Там царил неописуемый бардак. Повсюду была набросана туалетная бумага — разумеется, постарался молодой старичок. Я принялся за дело. Протер зеркало и вычистил раковину и унитаз. Вытряс мусор из урны в мешок, вымыл пол и стены по бокам унитаза. Протер дверь и продезинфицировал дверные ручки. Надел на держатель новый рулон туалетной бумаги. На все у меня ушло минут двадцать, и я уже чувствовал, что задерживаю остальных. Оставалось пополнить запасы сахара для утренней смены. В «Старбаксе» на выбор посетителям предлагалось пять видов сахара, который постоянно требовалось пополнять, то есть тратить время еще и на поход в подвал. Наверняка понадобится добавить бумажные пакетики для кофе в зернах и чистые салфетки, а еще предстояло протереть окна, дверь и стекло витрины с выпечкой. Загаженный туалет стоил мне драгоценного времени, которого оставалось все меньше.

Покончив с туалетом, я вышел в зал и попросил у Кестера ключи.

— Что случилось? — спросил он. — Нам еще полчаса работать!

— Знаю, но лучше закрыть туалет прямо сейчас. Я его только что вымыл.

— Нельзя, пока кафе работает. Майк, ты отлично справляешься со всяким... — Кестер хотел сказать «дерьмом», но вовремя спохватился, — уборочным делом, но не переходи границы. Успеешь до закрытия.

Почувствовав мое раздражение, Кестер, как хороший наставник, постарался меня успокоить:

— Не горячись. Вот уйдет последний гость, тогда и закроешь.

Минутная стрелка на моих часах ползла медленнее черепахи, но через целую вечность наконец-то настало официальное время закрытия — двенадцать тридцать.

Я в последний раз подмел пол. Все гости разошлись, кроме одного.

Моего врага.

Я подошел к его столику. Этот парень оттолкнул меня плечом, издевался надо мной и моим рвением поддерживать в туалете чистоту.

Занятый своим компьютером, он ни на что не обращал внимания.

Его рюкзак был расстегнут, вокруг валялись скомканные бумажки.

— Мы закрываемся, — сообщил я, злорадствуя: нахалу придется-таки выйти вон.

Даже не взглянув на меня, он продолжал что-то печатать.

— Сэр, — сказал я, еле сдерживаясь, чтобы не заорать. — Уже половина первого. Мы закрываемся. — И даже добавил чуть слышно: — Извините.

Посетитель поднял глаза.

— Засунь свои извинения в задницу, козел. Оставьте меня все в покое! Пошел вон!

Я молча уставился на него.

Ярко-голубые глаза смотрели вроде бы на меня, но одновременно и куда-то вдаль: он явно пребывал в каких-то своих грезах.

Такого можно было испугаться.

Как я уже говорил Кристал, я всегда был трусом и ни разу в жизни ни с кем не дрался.

— Извините, сэр, но вам придется уйти! — Несмотря на испуг, от столь откровенного хамства кровь буквально закипела в моих жилах.

— Отвали! — бросил он, снова уткнувшись в монитор.

Я подошел ближе, памятуя о том, что гостей «Старбакса» нельзя выводить силой. Я не дотронулся даже до его рюкзака. Но мое движение, робкое и боязливое, вывело его из себя.

Резко захлопнув ноутбук, гость вскочил со стула и неуловимо быстрым движением выхватил что-то из заднего кармана джинсов. У меня мелькнула мысль, что он достал бумажник и собирается от меня откупиться.

Как бы не так — в руке посетителя блеснул нож, открытый с необычайной ловкостью. Я как завороженный пялился на острое лезвие.

Я ни о чем не думал в тот момент, просто стоял истуканом, судорожно прижав к себе щетку, словно в бессознательной попытке защититься.

— Еще один шаг, — предупредил он визгливым от бешенства тенорком, — и ты — вонючий старый труп!

Вот тут меня просто затрясло. Ненавижу, когда мне напоминают о моем возрасте! Особенно на работе. Особенно сейчас, когда я прилагаю максимум усилий, чтобы ни в чем не уступать молодым коллегам, и втайне горжусь, что у меня практически все получается!

Шагнув к негодяю, я угрожающе занес над ним швабру. Интересно, что я собирался делать — прибить его насмерть, что ли?

В этот момент рядом непонятно откуда материализовался Кестер.

— Майк, — спокойно сказал он, — там Чарли нужна помощь...

Кестер, казалось, не обращал внимания ни на нож, ни на его дурного обладателя, но зато свихнувшийся тип пристально смотрел на Кестера, чьи габариты и явное физическое превосходство внушали невольное уважение. В низком голосе Кестера прозвучал металл. Раньше он никогда не разговаривал со мной таким тоном. Не то чтобы он говорил грубо, но все же довольно холодно и очень уж решительно. Я повернулся, чтобы уйти, радуясь, что ситуация разрешилась. Сердце сильно колотилось.

Не успел я сделать и несколько шагов, как посетитель убрал нож в карман и принялся застегивать рюкзак.

Кестер молча тяжелым взглядом смотрел на него.

Я подошел к Чарли, который в темпе отмывал эспрессо-бар, пританцовывая под какую-то музыку, которую, видимо, как раз сочинял. Не успел я ввести Чарли в курс последних событий, как все закончилось самым мирным образом.

Гость как миленький направился к выходу. За ним огромной тенью следовал Кестер. Едва за последним посетителем закрылась дверь, как Кестер сразу же запер ее.

Во время этой «пантомимы» ни гость, ни Кестер не произнесли ни слова.

Я был потрясен.

Я спросил Кестера, почему он решил вмешаться.

— Я всегда чувствую, когда плохое на подходе, — ответил он. — Ладно, пора мыть пол. Ваш выход, Майк.

Голос Кестера вновь звучал как обычно, и он широко улыбнулся мне в знак поддержки.

Я взял ведро и швабру и энергично принялся наводить чистоту. Физическая работа принесла мне облегчение, не оставив времени на обдумывание случившегося. Признаюсь, не самое легкое занятие отодвигать столы и стулья, мыть пол, перемывать его заново — чтобы было идеально чисто, снова расставляя столы и стулья по местам, и еще раз протирать столы. Напоследок я проверил запас кофе в зернах и наличие всех видов сахара. Я закончил, обливаясь пóтом, когда меня окликнул Кестер:

— О'кей, Майк, пора двигать. Нужно успеть на метро.

Я снял фартук и спустился в подвал.

Кестер и Чарли переодевались: мешковатые штаны, тяжелые ботинки, банданы, кепки, наушники. Они совершенно преобразились и ничем не напоминали любезных работников «Старбакса» в зеленых фартуках. Наверх я поднялся в сопровождении парней, которых можно было принять за исполнителей хип-хопа, или гангстеров, или за тех и других сразу. Однако я постепенно отвыкал от стереотипов и теперь знал, что подобные им парни не обязательно плохие. Их личная жизнь, включая разнообразные привязанности, была ничуть не менее, а то и более полной, чем моя. Вокруг Чарли, которого Иветта называла «мальчиком-конфеткой», всегда вился целый рой подружек, частенько забегавших к нам в «Старбакс». У молодых посетительниц заметно поднималось настроение при виде харизматичного красавца продавца.

Не далее как сегодня, пока я подметал, меня остановила девушка, незаметно показала на Чарли и спросила:

— Вы не дадите мне его телефон?

Еще в первые дни в «Старбаксе» Кестер предупредил, что я ни при каких обстоятельствах не должен никому сообщать телефоны коллег.

— И не вздумай говорить, кто в какую смену, — добавил он. — Неизвестно ведь, для чего это кому-то понадобилось.

Естественно, я отказал посетительнице в просьбе.

Через пару минут я подошел к Чарли и рассказал о маленьком инциденте. Он как раз разбирал на части кофемашину, промывал, прополаскивал и укладывал в санитайзер — устройство вроде посудомоечной машины, только вдвое мощнее и в десять раз быстрее. Чарли двигался с ловкостью и проворством, которым я невольно позавидовал, и почти не замедлил темп, когда я заговорил с ним.

— Тут одна девушка просила твой телефон... Я отказал.

Не прерывая работы, Чарли с изумлением взглянул на меня.

— Кестер запретил давать номера сотрудников, — пояснил я.

— Ну ладно, — усмехнулся Чарли и с досадой захлопнул дверцу санитайзера. — Девушка-то хоть симпатичная была?

Я вернулся к своему занятию с испорченным настроением. Чарли явно огорчился, и виноват в этом я. Правда, этот парень и так не страдает от недостатка внимания со стороны женского пола.

В последнее время я несколько раз становился свидетелем серьезных разговоров Кестера с Чарли в подвале перед началом или после смены. По-моему, Кестер пытался учить подчиненного уму-разуму. Первому было двадцать три, второму девятнадцать, но Кестер казался гораздо более взрослым и умудренным жизнью. Большинство мо-

лодых партнеров относились к Кестеру чуть ли не как к отцу или строгому, но заботливому дядюшке.

Безусловно, Кестер жил не только работой — я встречал его с подругой, прелестной тихой девушкой. Он умел смеяться — в его смену всегда было весело, увлекался игрой в соккер, а по выходным гонял в тачбол с приятелями в Центральном парке. Однажды Кестер пришел на работу прихрамывая.

— «Подковали»? — спросила Кристал.

— Да нет, все нормально.

— Ты давай прекращай играть так жестко.

Кестер засмеялся:

— Хорошо, мама.

Кристал тоже засмеялась. Она действительно держалась с Кестером, да и с остальными нами как строгая, но любящая мать.

— Майк, отмечай время ухода. — Голос Кестера вернул меня к действительности.

Они с Чарли летали по кафе вдвое быстрее меня. Мало того что я уступал им в профессионализме, так еще скрепя сердце приходилось признать — я действительно стар.

Кестер быстро обежал кафе, заглянув в туалет, — убедиться, что все в порядке.

В секунду очутившись у двери, он ловко отпер ее и выпустил нас на улицу. Мы побежали к метро.

— Экспресс отходит через пять минут. Если опоздаю, следующего полчаса ждать придется! — крикнул на бегу Кестер.

Вместе с коллегами я помчался вниз по ступенькам, еле успевая за ними — для страховки я придерживался за перила.

Мне нужно было на Таймс-сквер, а оттуда рейсовым до Большого Центрального терминала. Кестер с Чарли ехали до Сто двадцать пятой улицы, но наши поезда подходили к одной платформе. Я тяжело дышал.

— Майк, — сказал Кестер, положив мне руку на плечо. — Вы отлично справились с закрытием.

И я немедленно раздулся от гордости.

Поезд из центра с ревом ворвался на станцию.

Кестер и Чарли, оба уже в наушниках, попрощавшись с мной, вошли в вагон.

Мой поезд подошел через десять минут.

К тому времени я успел прокрутить в голове все, что произошло. Я едва не нарвался на серьезные неприятности, позабыв предупреждение Кристал избегать конфронтации с клиентами. Да, мое трудовое рвение никак не должно влиять на отношение к посетителям. С чего было так заводиться из-за того типа с рюкзаком? Потому что мне хотелось побыстрее закончить с уборкой. Ну, не исключено, что меня задело его неуважение.

К тому времени когда мой поезд с оглушительным свистом и скрежетом затормозил у платформы и я вошел в вагон с ярчайшими, просто-таки ослепительными лампами, мне окончательно стало ясно — я еще только на пути к профессионализму остальных работников «Старбакса». Тем не менее я, как и они, достоин уважения.

Я по-прежнему был слишком горд, спесив и вспыхивал как порох. Посетитель с рюкзаком был не прав, но и мне не следовало провоцировать ссору. Вон как он сразу остыл при появлении Кестера.

Я сделал две ошибки: во-первых, решил, что действительно способен кого-то приструнить. Несмотря на то что

я работаю с Кестером и Чарли, это не делает меня настолько крутым, что я мог бы защитить себя на улице.

Но еще большей ошибкой стало атавистическое проявление старой привычки отдавать приказы и ожидать беспрекословного подчинения. Угроза, исходившая от парня с рюкзаком, была адресована в первую очередь моей воображаемой роли руководителя и отличному качеству моей работы.

«Оставь это, — велел я себе. — Ты всего лишь наводишь чистоту в «Старбаксе», а не укрепляешь мировую демократию и не лечишь рак».

Я улыбнулся.

Кое-кто из старых друзей и родственников боялся, что, лишившись привилегированной, обеспеченной жизни, я с горя как минимум заработаю онкологию. Однако встреча с Бенджамином показала, что благодаря своему падению я, как Алиса, провалившись в кроличью нору, очутился в прекрасном мире, который и представить себе не мог, где люди оказались добрее, а условия работы лучше, чем я мог мечтать.

Или, может быть, думал я, когда поезд подъезжал к Большому Центральному терминалу, я вошел в волшебную дверь, как в «Хрониках Нарнии», и ощутил давно забытые интерес и удивление.

Порядком устав, я клевал носом, мечтая о возвращении в свою мансарду, когда наконец тронулся последний поезд в Бронксвилл. Маленькая квартирка нравилась мне больше, чем особняк с тридцатью пятью комнатами, где я вырос.

Может, я взбираюсь по собственной лестнице Иакова, думал я, поднимаясь по крутым ступенькам к себе на чердак.

«Осади, приятель, — одернул я себя, — ты же не в каких-нибудь возвышенно-духовных поисках. Ты просто человек, наделавший много глупостей вроде сегодняшней и по собственной вине лишившийся беззаботного существования. Признай же, Майк, — уговаривал я себя, — ты не принял какую-то новую религию, ты попросту обанкротился!»

Но ведь я никогда не узнал бы нового прекрасного мира, который успел полюбить, если бы не жизненная необходимость...

И я не искал идеально подходящей работы или лучшей жизни: я боролся за выживание — обычное дело для большинства людей в этом мире, но довольно непривычное занятие для такого избалованного принца, которым был я. Кристал заметила меня, как мы замечаем иногда плохого пловца, неумело барахтающегося в воде, и протянула руку помощи.

Как в знаменитом стихотворении Стиви Смит «Несчастный случай»: «Я вам кричал, а вы не понимали — я не махал рукой, я уходил на дно!»

Уже лежа в постели, я все никак не мог успокоиться. Вина за пренеприятный инцидент с ножом целиком лежит на мне. Пора перестать воспринимать себя чересчур серьезно. Нет, в самом деле, кто здесь псих? Старикан шестидесяти четырех лет от роду, не способный отказаться от руководящих замашек даже когда моет туалеты, или озлобленный юнец, которого хлебом не корми — дай поиграть на нервах раскомандовавшегося старикана?

Кристал и старбаксовские партнеры вроде Кестера и Чарли дали мне шанс увидеть жизнь под другим углом зрения. Самое меньшее, что я мог для них сделать, — не позволять прежнему спесивому, чванному боссу напоми-

нать о себе. Вынужден признать, давалось мне это нелегко. Когда-то я обожал приказывать подчиненным поработать сверхурочно, или изменить заголовок, или даже принести мне кофе... Да, я действительно был невыносимым, паршивым боссом.

Теперь самое время стать достойным партнером «Старбакса».

Я обещал себе, что не позволю собственному самолюбию или снобизму испортить мою новую жизнь.

Я представил, как отпускаю свое прошлое, словно выбрасываю старые грязные трусы.

Я сменил деловой костюм на зеленый фартук, имидж хозяина мира — на форменную одежду, которая свидетельствует о том, что я служу, а не управляю.

Нельзя служить, если рвешься командовать теми, кому служишь.

Я не авторитарный нетерпимый всезнайка, не восседающий на пляже пафосный спасатель, указывающий, кому куда плыть.

Я лишь один из пловцов, оседлавший волну, о существовании которой прежде и не догадывался. «Старбакс» оказал мне огромную услугу, вытащив меня на поверхность.

Мысли потихоньку начали путаться, и я закрыл глаза.

«Попробуй проявить немного нежности», — пел в кафе Отис.

Перед моим мысленным взором возникла картина — я плыву вольным стилем к солнечному берегу. Сон, как волна, накрыл меня с головой.

Глава 7

Из неудачников – в победители

Ирония обязанностей заключается в их уникальной способности освобождать — и в работе, и в игре, и в любви. Выполнение обязанностей освобождает от тирании самокритики, от постоянного страха, который нередко рядится в одежды благоразумных колебаний. Выполнять обязанности означает убрать барьер в виде собственной головы, мешающий вам жить.

Слова Энн Моррис, гостьи нью-йоркского «Старбакса», выведенные на чашке высокого макиато с карамелью

Ноябрь — декабрь

«Старость — штука не для сосунков», как метко заметила однажды Брук Астор*.

Несколько лет назад, в моей прежней жизни, полной светских раутов, я часто встречал Брук Астор на вечерин-

---

* Брук Астор (1902—2007) — известная благотворительница, пожертвовавшая огромные деньги на строительство нескольких медицинских центров, «Карнеги-холла», Музея современного искусства и другое.

ках. В ту пору ей было девяносто семь, и однажды я не удержался от комплимента, как великолепно она выглядит для своего возраста (Брук обожает комплименты своей по-прежнему ослепительной красоте, но терпеть не может, когда упоминают о ее возрасте). «Старение требует постоянного совершенствования чувства юмора», — говорила Брук. Я запомнил ее слова и сейчас, холодным серым днем, улыбался, спеша в приятное тепло своего «Старбакса»: по сравнению с Брук я просто мальчишка, у которого полжизни впереди. С другой стороны, нелепо равняться на легендарное долголетие светской львицы: Майк Гилл, полностью выкладывающийся на работе (все тело ноет после каждой смены), — это вам не аристократка Брук Астор...

Еще на входе ко мне обратилась Кристал:

— Майк, у меня для вас новое предложение.

В кафе было много посетителей. Кристал отвела меня в сторонку, к витрине.

— Взгляните сюда, — начала она. — Только поглядите, сколько здесь фунтов кофейных зерен!

Я медленно кивнул. В осенние месяцы, когда слегка похолодало, а потом и вовсе стало холодно, я воспрял духом и обрел некоторую уверенность, напрактиковавшись в уборке, открытии и закрытии кафе. Новое, неизвестное еще поручение Кристал испугало меня и не вызвало ни малейшего энтузиазма.

А ведь в прежней жизни, когда был моложе и не сомневался в том, что способен заработать на приличную жизнь, я с удовольствием брался за новые дела.

— Вы едете в Лондон проводить индивидуальную презентацию для клиента, — сообщил мне как-то мой началь-

ник Дон Робертсон. — И не вздумайте возвращаться, пока не продадите нашу идею рекламной кампании «Марксу и Спенсеру»!

Сердце у меня радостно забилось. С самонадеянностью юности я не допускал мысли, что могу провалить проект.

Отчасти благодаря той наивной вере мне обычно и сопутствовал успех. Но из-за развившейся с годами неуверенности после многочисленных неудач в личной жизни и карьере я уже с глухой неприязнью воспринимал любые новшества.

Кристал и «Старбакс» стали для меня спасательным кругом в перипетиях беспокойной жизни, но до сих пор всякий раз новое задание выводило меня из равновесия.

Работа в «Старбаксе» была слишком важной для меня, чтобы рисковать ею, вступая на «новую землю». Я давно отвык от новизны в работе и невзлюбил изменения привычного порядка вещей, даже если предложение исходило от Кристал.

Заметив тень беспокойства на моем лице, начальница поспешила меня успокоить:

— Не волнуйтесь, Майк, это дело словно создано для вас. Или вы не любите кофе?

— Люблю.

— Мы познакомились, когда вы зашли выпить латте, верно?

— Да-а, — осторожно согласился я.

— Вот вам и предоставляется шанс разделить свою любовь с другими. Помните, как в первый день я предлагала вам образцы кофе и выпечки?

— Я никогда этого не забуду, — искренне улыбнулся я. — Именно с того дня мне по-настоящему захотелось работать в «Старбаксе».

— Да. Но, верите или нет, Майк, многие наши партнеры равнодушны к кофе!

Я оглянулся. За кассой стояла прелестная миниатюрная Бьянка, за эспрессо-баром работал высокий элегантный Энтони. Обоим было лет по девятнадцать, и оба никогда не пили кофе. Перед началом смены всем партнерам полагался бесплатный кофе, но подавляющее большинство молодых сотрудников предпочитали фрапуччино и сладкие напитки. Они редко брали простой черный кофе и воротили нос даже от латте и капуччино. В отличие от молодежи я всегда пил перед работой крепкий кофе — настоящая роскошь, одна из замечательных привилегий сотрудника «Старбакса».

Кристал была права.

Может, есть способ разделить мою любовь к кофе с другими? Но какой?

Словно прочитав мои мысли, Кристал сказала:

— В «Старбаксе» есть должность кофе-мастера.

Она сделала паузу, давая мне время осмыслить услышанное, но вот незадача — слово «мастер» всякий раз воскрешало в памяти историю моего знакомства с Фрэнком Ллойдом Райтом*. Отец тогда с большим пиететом сообщил мне, что сотрудники великого архитектора обращаются к нему исключительно как к Мастеру. В папином голосе так и слышались благоговей-

---

* Фрэнк Ллойд Райт (1867—1959) — американский архитектор-новатор, оказавший огромное влияние на развитие западной архитектуры первой половины XX в.

ный трепет и восхищение. А теперь я и сам попал в мастера — правда, кофейные. Эта мысль вызвала у меня невольную улыбку.

Но Кристал осталась серьезна.

— Стать кофе-мастером не так-то легко. Вам предстоит усвоить огромный объем информации о разных сортах кофе и проводить дегустации для партнеров и гостей «Старбакса»...

— Мне эта идея нравится! — вырвалось у меня.

— Конечно! — обрадовалась Кристал. — Майк, вы же классный. Неужели вы сами этого не видите? Именно поэтому я считаю, что вы идеально подходите на эту роль. Обратите внимание на нашу витрину!

Кристал указала на упаковки кофе за нашими спинами. Сегодня на ней была белая шелковая блузка, выгодно оттененная зеленым фартуком, а волосы были убраны назад, открывая лицо. Когда я искал красивую женщину для телерекламного ролика, сотрудник из отдела исследований сказал мне: «Выбирайте с высокими скулами и симметричными, соразмерными чертами лица. Тысячи лет, со времен Древней Греции до Джессики Симпсон, это служит эталоном женской красоты». Кристал обладала именно такой красотой.

— Какой смысл выставлять кофе на витрину, если люди ничего о нем не знают?

Я наконец-то уразумел, в чем дело: благосостояние кофеен зиждется на кофе, и от количества людей, которые могут понять и оценить качество сырья, зависит наше процветание.

— Наденьте черный фартук, — прищурилась Кристал. — Я так и вижу, как в зале вы приветствуете гос-

тей, приглашаете их попробовать кофе и рассказываете его историю.

— Здорово, — кивнул я.

— И я так думаю. — Кристал указала пальцем мне на грудь. — Следуйте зову своего сердца — я говорю это всем партнерам. А вы точно неравнодушны к кофе.

Предложение мне действительно понравилось — я понял, что справлюсь. Дело оказалось и по силам, и по душе.

— К тому же, — добавила Кристал, — вы прекрасно общаетесь с посетителями.

Под руководством Кристал я проштудировал несколько компьютерных учебных курсов, почувствовав под конец, будто окончил кофейный колледж. Предметы оказались самые разнообразные: история, география, условия выращивания и тонкости приготовления хорошего кофе. Я узнал, где впервые был открыт кофе, как его собирают, сушат или промывают, перевозят, а затем жарят. Обжаривание зерен тоже имеет огромное значение для формирования вкуса готового напитка. Выяснилось, что «Старбакс» предъявляет очень высокие требования к отбору кофейных зерен для своих предприятий и всячески стимулирует фермеров выращивать лучшие сорта и соблюдать все необходимые условия для охраны окружающей среды, а значит, и здоровья населения. Покупая лишь крошечный процент кофе, производимого в мире, «Старбакс» мог позволить себе выбирать лучшее. Я подробно изучил патентованный старбаксовский способ сохранения кофе свежим при перевозке зерен и выяснил, почему свежесть является одним из ключевых условий для приготовления хорошего кофе.

Еще я заполнил «кофейный паспорт» — маленькую книжицу с чистыми полями для записи вкусовых реак-

ций на разные виды кофе, дав оценку разнообразным смешанным и «чистым» сортам по мере дегустации и изложив там свое мнение о вкусе, консистенции, кислинке, всех аспектах аромата и ощущений во рту.

Через пару недель Кристал сказала:

— Майк, праздники на носу. Не провести ли вам семинар с дегустацией для партнеров и гостей?

Мы вместе придумали объявление.

В качестве темы первого семинара я выбрал «Юкон» — кофе с интереснейшей историей.

Семинар мы назначили на начало декабря. Заранее было сообщено о предстоящей дегустации кофе с бесплатным печеньем — шоколадным и овсяным с изюмом. Я рассудил, что изюм и овсянка отлично подходят к «Юкону», а шоколад с кофе — превосходное вкусовое сочетание (к тому же это мое любимое печенье). Моя новая роль кофе-мастера позволяла выбирать для семинаров выпечку и кофе на свой вкус.

Когда я не без внутренней тревоги суетливо раскладывал печенье на тарелки, в памяти вдруг всплыла давняя история — чаепитие с английской королевой, где я допустил непростительный промах. Случилось это на игре в поло. Я ненароком подтолкнул под руку королеву Елизавету, чересчур поспешно потянувшись за сандвичами с огурцом, стоявшими перед ее величеством. Я всегда питал слабость к элегантной комбинации тонюсенького, как вафля, огурца, спрятанного между двух ломтиков мягкого хлеба. Торопясь взять сандвич, я сделал слишком резкое движение и нечаянно нарушил деликатный социальный баланс. Королева лишь слегка нахмурилась, зато ее муж, герцог Эдинбургский, стоявший рядом со мной в

костюме для игры в поло, всем своим видом выразил явное неудовольствие и резко оттолкнул вашего покорного слугу, словно бесцеремонного варвара. Я не посмел второй раз потянуться за сандвичем, и запланированный прелестный отдых обернулся позором и унижением.

Почему я вспомнил о том неприятном инциденте? Потому что хотел, чтобы каждому понравился кофе, который я предложу, и очень надеялся, что все пройдет гладко? Потому что чувствовал себя хозяином, который не имеет права на промах, способный вызвать недовольство вместо улыбок?

Я твердо сказал себе — и кофе, и печенье будут приняты на ура. Кристал сообщила, что несколько посетителей, прочитав объявления, уже подходили к ней уточнить время. Я приказал себе держаться уверенно. Разве может кто-то остаться недовольным после кофе с печеньем? Я смолол свежего «Юкона» для френчпресса, залил горячей водой, выждал четыре минуты и разлил в маленькие дегустационные чашки, возле каждой из которых лежало печенье. Послушать лекцию о кофе и получить бесплатное угощение собрались примерно дюжина гостей.

Среди них я увидел мужа Рейчел, Джастина. Он часто сопровождал в кафе супругу и сынишку, но в этот раз пришел один.

— А где же Рейчел и Макс?

— Дома. Рейчел по-прежнему пьет кофе без кофеина, а я на час взял тайм-аут! — засмеялся он.

Пришел и доктор Пол, на этот раз без своей кепочки «Ред Сокс».

— Где же ваша бейсболка?

— А «Ред Сокс» больше во мне не нуждаются. Стоило мне надеть ту кепку, как они сразу выиграли ежегодный чемпионат США по бейсболу. Вот и помогай друзьям после этого...

Была здесь и миниатюрная седая женщина, каждый день покупавшая самую большую, двадцатиунциевую порцию «Венти», — явно страстная любительница кофе.

Влюбленную парочку — они держались за руки и беспрестанно смеялись, глядя в глаза друг другу, — я принял сперва за случайных посетителей и счел за благо уточнить:

— Вы желаете принять участие в дегустации?

— Специально для этого пришли, — ответил парень. — Мы и познакомились за чашкой кофе!

— Мы без ума от кофе, — добавила девушка, и они снова весело рассмеялись, словно невесть какой удачной остроте.

Но мне понравился этот смех. Кристал говорила, что идея создания «Старбаксов» возникла на основе итальянских кофеен. Представьте, как много смеха звучало в тех заведениях!

Я обошел всех с небольшим серебряным подносом, и каждый гость взял себе маленькую чашечку и печенье.

— Сегодня дегустируем кофе «Юкон», — объявил я. — Сперва прочувствуйте запах, затем попробуйте, а потом обсудим.

Снова раздался смех — на этот раз смеялись и молодая пара, и все собравшиеся, и даже я, ведущий семинар, посвященный делу, которое я искренне полюбил.

— Пока вы наслаждаетесь кофе, — начал я, — послушайте его историю. Все знают, что на Юконе кофе не растет. Откуда же взялось такое название?

Слушатели подняли на меня счастливые глаза — отменный кофе и печенье делали свое дело, да и история обещала быть интересной.

Незаметно подошли Кристал и Кестер, которым я тоже подал угощение. Не очень жаловавший кофе Кестер подмигнул мне и широко улыбнулся: я понял, что он тут в качестве моральной поддержки.

Кристал, ярая сторонница всего, связанного с кофе, с серьезным видом отпила из своей чашки — и улыбнулась. Я с облегчением выдохнул: мне удалось правильно приготовить «Юкон».

— Вот как появилось название, — продолжал я. — Однажды в кофейню в Сиэтле зашел капитан рыболовецкой шхуны, водивший свою посудину на Юкон, и потребовал кофе покрепче — более крепкого, чем популярный тогда «домашний бленд». Специально для него баристы смешали зерна крепчайшего индонезийского кофе с зернами, собранными в Латинской Америке.

— Отлично, — похвалил доктор Пол.

— Превосходно, — согласился муж Рейчел.

Пожилая леди с энтузиазмом кивнула.

Одобрительные реплики послышались со всех сторон. Воодушевившись, я принялся описывать различные сорта кофе и рассказал, как вулканическая почва Индонезии влияет на особые вкусовые качества выращенных там кофейных зерен. Я говорил о суматре, своей первой любви, и о суланеси, другом сорте индонезийского кофе с более тонким, элегантным вкусом, пообещав, что мы продегустируем его на следующем семинаре.

Кристал и Кестер незаметно ушли, вернувшись к своей работе, что я воспринял как вотум доверия: Кристал

не позволила бы продолжать семинар, если бы сочла, что я делаю что-то не то. Мне доверяли!

— А кто открыл кофе?

Я повернулся похвалить задавшего вопрос. Этого гостя, обладателя белой бороды и ярко-зеленых глаз, я называл профессором: он преподавал что-то в Колумбийском университете. Профессор всегда заказывал: «Соло эспрессо здесь». Это означало, что он хочет получить кофе в фаянсовой чашке. Он подолгу просиживал в нашем кафе, смакуя эспрессо под хорошую книгу.

— Хороший вопрос, профессор. Впервые кофе открыли в Эфиопии. У нас есть отличный кофе «Эфиопия Сидамо». Существует интересная история об открытии кофе, хотя она может показаться несколько метафорической... Это скорее аллегория.

— Обожаю таинственные мифы, — с улыбкой сказал профессор.

— Однажды сотни лет назад, — начал я, — в горах Эфиопии юный пастух шел за своим стадом, поднимаясь все выше и выше по горным склонам. Козы бежали так резво, что в какой-то момент мальчишка отстал. Он был поэтом, не расставался с флейтой и, должно быть, присел, чтобы сочинить песню. Когда он нагнал свое стадо, козы вовсю жевали какие-то ягоды и энергично взбрыкивали. Мальчика заворожило необычайное зрелище. Он тоже попробовал эти ягоды и вскоре сам почувствовал прилив бодрости и начал скакать, как его подопечные. Когда он, напевая и пританцовывая, вернулся домой, его семья, в свою очередь, подумала-подумала и отправилась в горы за волшебными ягодами. Шло время, и постепенно эфиопы научились жарить кофейные зерна, а чужестранцы,

посетившие Эфиопию, увозили с собой саженцы кофейных деревьев. В восемнадцатом веке некий француз привез кофе в Латинскую Америку, а несколько раньше датчане завезли его в Индонезию.

— Мне нравится эта история, — сказал профессор. — Не могу дождаться, когда мы будем пробовать кофе из Эфиопии.

— Может быть, устроим дегустацию на следующей неделе? — предложил я. Я еще не обсуждал это с Кристал, но почему бы и нет?

— Отлично, — поддержал доктор Пол.

— Ну вот, свидание назначено.

Юные влюбленные снова засмеялись.

Мало-помалу слушатели разделились: одни остались расспросить о всяких тонкостях хранения и обработки зерен, другие направились к кассам покупать домой фунтовые пачки «Юкона» в зернах.

После семинара я убирал посуду под песню Фрэнка Синатры.

«Такова жизнь», — пел Фрэнк.

Я вспомнил, как встретил Синатру однажды вечером в баре «Тутс шорс» в Нью-Йорке, любимой забегаловке вчерашних студентов, только-только начинавших работать в «Большом Яблоке»*. Помещение не отличалось изысканностью, но в баре всегда было шумно и весело, и больше всего нам нравился Тутс. Гостеприимный хозяин бара, он пил вместе с посетителями, к тому же у него было ценнейшее для нас, юнцов, качество: он обналичивал наши чеки. Дело происходило задолго до появления банковских автоматов, тогда даже кредитные карточки были редкостью. Перед-

«Большое Яблоко» — прозвище Нью-Йорка.

ко поздним вечером нам требовались наличные, и Тутс в два счета решал эту проблему. Просто удивительно, как нас воодушевляло получение наличных взамен простой бумажки: это означало возможность заказать всем еще по пиву!

Фрэнк вошел в бар поздним вечером, когда мы сидели там дружной компанией. Порой, увидев примелькавшееся по телевизору или кинофильмам лицо, вы считаете его обладателя старым знакомым. Я, можно сказать, вырос с Фрэнком Синатрой, а тут он входит в бар! Ну я и окликнул его как приятеля:

— Здорово, Фрэнк!

Спохватившись, что это не мой закадычный друг, а сам Синатра, я смутился, но Фрэнк был великодушен — он замедлил шаг и поздоровался. Затем сразу прошел к барной стойке, где получил свою порцию оскорблений от Тутса, известного своей привычкой сквернословить. Но его кратковременный визит поднял нам настроение на целый вечер.

Я очень любил слушать песни Синатры, а сейчас даже стал подпевать и сразу поймал на себе удивленный взгляд Энтони. Этот бариста выглядел намного старше своих девятнадцати. Он всегда приезжал на работу в начищенных до зеркального блеска ботинках и прекрасно отглаженных брюках. С его губ не сходила приятная улыбка, даже когда к прилавку выстраивалась длинная очередь, — ни при каких обстоятельствах Энтони не терял хладнокровия.

— Великий все-таки человек Фрэнк Синатра, — с чувством сказал я, пребывая в отличном настроении после кофейного семинара.

Энтони выглядел озадаченным — парень явно никогда не слышал о певце, бывшем кумиром своей эпохи. Звучавшую в кафе музыку выбирали не молодые сотрудники, а руководители «Старбакса» в Сиэтле, по-видимому, питавшие слабость к ретро-шлягерам, на которых я вырос. Гостям эта музыка нравилась: компакт-диски с Рэем Чарлзом и Фрэнком Синатрой были настоящими бестселлерами наших продаж.

— Фрэнк был похож на тебя, — сказал я Энтони, силясь объяснить, что значил Синатра для моего поколения. — Такой же стильный джентльмен. Говорят, иногда он бывал грубым, но когда однажды я встретил его, он был учтив и держался приветливо, хотя и торопился по своим делам. Я тогда был так же молод, как ты сейчас.

— Классная музыка, — согласился Энтони, усмехнувшись: песня Синатры по-прежнему лилась из динамиков. Похоже, парень из вежливости делал вид, что ему интересно. До меня вдруг дошло, что Фрэнк умер раньше, чем Энтони родился.

— Конечно, для тебя он — давняя история.

— А вы сами как учебник истории.

Наверное, Энтони заметил, как я изменился в лице — терпеть не могу, когда мне напоминают о моем возрасте.

— Но я как раз очень люблю историю, — поспешно добавил Энтони.

— Я тоже, — постарался я сгладить возникшую неловкость и заодно превратить лимон в лимонад. — Я изучал историю в университете.

Как истинный джентльмен, Энтони поспешил найти что-нибудь общее между нами:

— Я планирую поступить в колледж и прослушать курс истории. «Старбакс» оплачивает обучение своих работников, — сообщил он, словно доверяя мне секрет. — И я собираюсь изучить все, что смогу.

Конечно, Энтони всего лишь проявил уважение к моим сединам, но я остался благодарен ему за обходительность. Не сомневаюсь, у него достаточно самодисциплины, чтобы окончить вуз, в отличие от Иветты — вот уж кто любит демонстрировать свои учебники, громко сетуя при этом на нехватку времени. В душе я сочувствовал ей: могу себе представить, что такое совмещать учебу и работу в кафе. В «Старбаксе» помогали с образованием всем, даже почасовым работникам, но человеку и самому в любом случае требовались воля и самодисциплина, чтобы воспользоваться предоставленной возможностью. Энтони, казалось, без усилий успешно работал и учился, явно намереваясь использовать «Старбакс» по максимуму как средство достижения собственных целей.

Направляясь в подсобку, я улыбался, размышляя об Энтони, его стильном шике и здоровых амбициях.

Кристал все еще сидела в своем крошечном кабинетике.

Она подняла голову.

— Вот и еще один счастливый человек, — сказала она, отметив мое прекрасное настроение. — Майк, все-таки вы прикольный!

— Что вы имеете в виду? — спросил я с некоторым вызовом, все еще не до конца разобравшись, как воспринимать такое определение.

— Ну как вам сказать... — Кристал повернулась на стуле, оказавшись ко мне лицом. — Например, вы рассмешили слушателей на кофейном семинаре.

— Но история о пастухе в самом деле смешная!

— Дело не в этом, Майк. Гостям нравится, что вы счастливы работать в нашем кафе.

— Да, — согласился я и, пройдя мимо Кристал к лестнице, спустился в подвал, снял фартук и бросил его на кучу одежды, приготовленной для сдачи в прачечную. Я не желал думать о том, насколько я здесь счастлив, суеверно боясь сглазить удачу. А ведь прежде я не верил ни во что подобное...

Поднявшись наверх, я отметил в журнале время ухода и направился к дверям.

— Отличная работа, Майк, — окликнула меня Кристал. — Будем продолжать в том же духе. Праздники — отличная возможность поднять продажи кофе.

На следующий семинар я запланировал сравнение сулавеси и суматры. Последний казался резковатым и обладал выраженным «земляным» вкусом, тогда как в сулавеси ценители находили более элегантный и сложный букет.

Поднабравшись опыта, я расхрабрился и пригласил на семинар Энни. Она пришла со своим бойфрендом.

Дегустация получилась на редкость удачной. На этот раз набралось около двадцати слушателей всех возрастов, и они искренне увлеклись описанием своих ощущений и различий между двумя сортами. К сулавеси я подал кофейные бисквиты, а к суматре — жареные зерна кофе в арахисовом масле. Услада гурмана, да и только.

Энни со своим молодым человеком скромно сидели где-то в задних рядах, но после дегустации дочь подошла ко мне.

— Я смотрю, на Бродвее загорелась новая звезда, — улыбнулась она, крепко обнимая и целуя меня. Энни обо-

жала театр и всевозможные представления. Я понял, что она имеет в виду: действительно, «Старбакс» отчасти напоминал театр своей уютной атмосферой и возможностью хорошо провести время. Кофейня — уникальное место, где можно отдохнуть от работы и домашних хлопот, расслабиться, на время забыть о делах или просто сменить обстановку. Партнеры «Старбакса» в известной степени актеры, поднимающие посетителям настроение своим искренним радушием. И конечно, предлагаемый кофе и выпечка весьма способствуют смягчению сердец.

Некоторые говорят, что от эры промышленного развития наше общество потребления перешло к эпохе развлечений. Многие партнеры «Старбакса», безусловно, заслуживали самого пристального внимания крупных шоу-программ.

Я как-то обмолвился в присутствии Чарли, что моя дочь Биз снимает в Ирландии фильм с участием Фифти Сента, о котором я никогда не слышал, но Биз заявила, что мои коллеги сразу поймут, о ком речь.

Чарли уж точно понял. И без того всегда фонтанирующий энергией, услышав новость, он подпрыгнул чуть ли не до потолка.

— Фифти Сент! — завопил он. — Эй, Кестер, Майк знаком с Фифти Сентом!

— Нет-нет, — поспешно перебил я. — Я его совсем не знаю!

Это было правдой: я не слышал ни одной песни этого исполнителя и не представлял даже, как он выглядит. Биз говорила, что он «просто душка», но вряд ли эта непроверенная информация прозвучала бы уместно в нашем с Чарли разговоре.

Подошел Кестер. Бьянка тоже присоединилась к собравшейся вокруг меня группе. Несмотря на очередь, никто не хотел упустить шанс услышать о Фифти Сенте.

— А какой он? — спросила Бьянка. — Правда, что он такой гадкий?

— Дочь говорила, он прекрасный парень...

— Вернемся-ка к работе, — решительно сказал Кестер.

Партнеры стряхнули с себя наваждение и принялись энергично обслуживать посетителей. Позже, в конце смены, Чарли снова подошел ко мне:

— Ну расскажите мне о Фифти Сенте!

— С ним знакома моя дочь, — признался я. — Сам я ни разу его не видел. Биз снимает о нем фильм.

Чарли, казалось, ничуть не смутил тот факт, что я не фанат и не приятель Фифти Сента. Восхищение коллег вызвало мое даже самое косвенное отношение к популярному исполнителю. Видимо, Чарли, да и остальные в глубине души надеялись вырасти от работника «Старбакса» до рэп-идола. Фифти Сенту это удалось, стало быть, в жизни нет ничего невозможного.

Их восторженное отношение к индустрии развлечений бросалось в глаза, поэтому работа на Бродвее и «игра» для увеселения и на благо наших гостей были занятиями, не столь уж далекими от природных склонностей и стремлений партнеров. В известном смысле «Старбакс» уже жил в эпоху развлечений — напитки, музыка и теплый прием, устраивая который, партнеры не жалели сил.

Мне все больше нравилась новая обязанность — подавать любимый кофе людям, общение с которыми доставляет огромное удовольствие.

Я зашел в служебное помещение прибраться.

Кристал читала какие-то отчеты.

Она была в отличном настроении. Я догадался, что Кристал рада за меня.

— Взгляните, Майк, — указала она на монитор. — Продажи кофе в зернах выросли на порядок! А ведь исследования показывают — чем больше кофе в зернах продает кафе, тем больше у него постоянных клиентов.

— Отлично, — восхитился я, тупо глядя на цифры на экране. В «Старбаксе» по-прежнему оставались отдельные области, в которых я оставался невеждой. Где-то каким-то образом подсчитывались объемы продаж. Я всегда сторонился статистики вообще и конкретных цифр в частности.

Кристал обернулась. Равнодушное выражение лица наглядно демонстрировало мою неспособность к математическому анализу, но Кристал непременно хотела добиться от меня понимания торжественности момента.

— Вы помогаете нашему кафе, Майк! — Она сделала паузу. — Вы помогаете мне!

Я был безмерно благодарен Кристал за руку помощи, протянутую в тот момент, когда я стремительно катился вниз, и страшно радовался возможности хоть немного отплатить добром за добро.

— На следующей неделе состоится открытый форум. Там соберутся все партнеры нашего округа. От нас будут Кестер, Иветта и Энтони, но вообще приглашены все сотрудники нашего кафе и других кофеен района. Я хочу, чтобы вы были там с нами.

Мероприятие состоялось в здании старой церкви в Нижнем Ист-Сайде. Здесь собрались несколько сотен работников «Старбакса». Одни, подобно мне, пришли в уни-

форме — черные или коричневые брюки и черные или белые рубашки, другие были одеты в свою повседневную одежду. В честь открытия нового сезона на входе выдавали футболки с эмблемой «Старбакса». Внутри стояли столы, уставленные популярными напитками вроде тыквенного латте с пряностями или мятного мокко, — бесплатное угощение для участников.

На входе меня остановил мужчина, назвавшийся Томом из службы по персоналу, и спросил, как мне работается и не может ли он что-либо для меня сделать. Я ответил, что все прекрасно, и, в свою очередь, поинтересовался, чем еще могу быть полезен «Старбаксу».

— О, просто найдите еще людей с таким же позитивным отношением к работе! — сказал Том.

Настроение у меня сразу улучшилось.

Я поискал глазами Кристал — оказалось, она разговаривала с Кестером неподалеку от входа. Вдруг кто-то подхватил меня под руку. Это оказалась Иветта. Девушка и так была почти моего роста, а сегодня еще сделала и высокую прическу. Правила «Старбакса» предписывали сотрудникам работать только в фирменных кепках, поэтому большинство партнеров причесывались гладко, «под бейсболку». Сейчас передо мной стояла новая Иветта — в совсем не старбаксовских золотистом топе и красной мини-юбке. На плече Иветты красовалась татуировка в виде сердца. Согласно принятому в «Старбаксе» дресс-коду, сотрудник, обслуживающий посетителей, обязан был прятать под одеждой любые татуировки.

Словом, Иветта разительно переменилась.

— Пойдемте продегустируем что-нибудь, — предложила она, держа меня под руку.

Мы подошли к длинному столу, изобилующему крохотными чашечками с напитками.

— Не хотите ли попробовать латте со взбитыми желтками, сахаром и сливками? — предложила нам молодая женщина.

Мы с Иветтой охотно согласились.

Я выпил латте с удовольствием. Иветте новая разновидность латте понравилась меньше.

— А фрапуччино у вас есть? — спросила она.

— Новый двойной фрапуччино с шоколадной крошкой. Хотите попробовать?

Мы взяли по маленькой чашечке охлажденного фрапуччино и пили его маленькими глотками, пока нам рассказывали историю напитка.

— Фрапуччино изобрели партнеры «Старбакса» в Санта-Монике, это Калифорния. Тамошние посетители часто спрашивали фруктовые коктейли, очень популярные в жарком климате. Баристы стали смешивать кофе и лед, и получился...

— Улет, — перебила Иветта, как ребенок засмеявшись собственной остроте.

Несмотря на почти шокирующие манеры моей спутницы, я знал, что Иветта — особа серьезная и старается совмещать работу и учебу в колледже.

— Правильно, — кивнула женщина. — Помните, «Старбакс» всегда открыт новым идеям!

— Круто, — одобрила Иветта, снова взяв меня под руку, и, улыбнувшись на прощание молодой леди, повела меня дальше. — Посмотрите туда! — Она указала куда-то в другой конец помещения.

Иветта углядела павильон с целой горой симпатичных рождественских мишек. Каждый новый сезон «Старбакс» выпускал сувенирных медведей, которые пользовались большой популярностью как среди партнеров, так и среди гостей.

Там уже стояла Кристал, вертя в руках выбранного медвежонка.

— Какие симпатичные в этот раз! — восхитилась она. — У меня дома уже целая коллекция!

Я не удивился, зная страсть Кристал ко всему, связанному со «Старбаксом». Почему бы ей не окружать себя старбаксовскими мишками не только на работе, но и дома?

— Игрушку можно выиграть, — предложил молодой человек, стоявший за прилавком павильона, — если правильно ответить на несколько вопросов о «Старбаксе». Предупреждаю, вопросы непростые.

— Ну что ж, значит, выиграем, — уверенно сказала Кристал.

— Кто будет играть? — уточнил молодой человек.

— Команда «Старбакса» с Бродвея.

— Хорошо, — согласился парень. — Начинаем викторину. Нужно многое знать, чтобы выиграть.

— Давайте уже наконец начнем, — не выдержала привыкшая всегда спешить Иветта.

В последнее время имя Иветта ассоциировалось у меня исключительно с девушкой, несущейся на работу, а оттуда — на очередную архиважную встречу.

Молодой человек подчинился:

— Ладно, тогда первый вопрос. Какого цвета был самый первый логотип «Старбакса»?

— Коричневого, — не задумываясь, ответила Кристал.

— Ух ты! — удивился я.

— Я все это знаю, — засмеялась Кристал.

— Откуда взялось название «Старбакс»?

Наступило неловкое молчание. Кристал явно не знала ответа. Иветта, уверен, и вовсе понятия не имела о происхождении нашего названия. К счастью, начав работать в «Старбаксе», я стал много о нем читать. Я уже упоминал о своем интересе к истории, а история «Старбакса» оказалась весьма необычной.

— Кафе назвали в честь Старбека, первого помощника на корабле, — сказал я.

— На каком корабле? — уточнил парень, видимо, решив не отдавать медведя без борьбы.

— На шхуне капитана Ахава, преследователя Моби Дика.

Я где-то вычитал, что название для компании выбрал молодой основатель сети кофеен, который слабо разбирался в сюжетных перипетиях романа — как большинство представителей своего поколения, он всего лишь бегло пролистал книгу. «Моби Дик», как и «Улисс» Джойса, входил в школьную программу, поэтому его никто толком не читал.

— Что-нибудь еще можете добавить о названии? — нажимал парень.

— «Старбакс» назван очень удачно, — начал я, переведя дух после правильного ответа на первый вопрос.

Раскрасневшаяся Кристал выглядела очень довольной, а Иветта одобрительно стиснула мою руку повыше локтя.

— Название уникально, легко произносится и имплицирует основные преимущества «Старбакса», — сказал я.

Эти проверенные критерии я написал самолично в бытность креативным директором специально для заказчиков новых названий. Три основных критерия позиционировались как «тройной выигрыш в великой гонке за лучшее название».

Молодой человек уставился на меня, как на говорящую лошадь.

Кристал широко улыбалась — она успела хорошо изучить меня и знала мою привычку при малейшей возможности переходить на профессионально-рекламный сленг. Я поспешил исправиться:

— Я имел в виду, что каждому хочется стать звездой и иметь много баксов, поэтому «Старбакс» — отличное название...

Парень за прилавком оглушительно захохотал. Ему вторили Кристал с Иветтой. Даже пара стоявших неподалеку незнакомцев присоединились к веселью, когда им передали мою версию неотразимой привлекательности названия кофейни.

Мое объяснение всем пришлось по душе — видимо, раньше это не приходило в голову никому из партнеров.

— Вы честно заработали этого мишку, — сказал молодой человек, протягивая мне медвежонка в костюме Санта-Клауса.

Я торжественно вручил его Кристал.

Она с восторгом приняла подарок.

— Смотрите, — восхитилась она. — Бархат. Ручная работа. Прелесть какая!

Иветта ринулась навстречу кому-то из своих знакомых.

Мы с Кристал пошли занимать места.

— Здорово вы придумали насчет названия. Старбакс. Я это запомню! — крикнул нам вслед парень из павильона.

Мы с Кристал уселись на стулья, расставленные в середине зала. Мало-помалу места позади нас заполнялись. Кристал аккуратно пристраивала мишку в свою большую дорогую кожаную сумку.

— Какой вы все-таки прикольный, Майк! Столько всего знаете...

— Вы о смешном названии? — уточнил я.

— Когда я говорю «прикольный», я не имею в виду «смешной», хотя вы рассмешите кого угодно, — улыбнулась Кристал. — Я лишь говорю о вашей манере веселить гостей и разговаривать с партнерами. При нашей первой встрече вы казались таким холодным, серьезным, а сейчас стали намного легче в общении. Вот что такое прикольный, по-моему. Я вижу, теперь вам действительно хорошо в «Старбаксе».

И она так тепло взглянула на меня!

— В этом мы с вами похожи. В вас что-то есть, Майк. Но до чего же чудно! — засмеялась она. — Никак не ожидала. Пересмеивались, перешучивались, и вдруг вы выиграли мне медвежонка!

Рядом присел Кестер, затем и Энтони.

— Майк выиграл для меня медведя, — похвасталась Кристал, указывая на сумку.

Я и не догадывался, что моя работа за кассой, тщательная уборка и кофейные семинары померкнут перед этой маленькой победой. Может, сувенирный мишка стал для Кристал символом моего «обращения», приближения к ее мировоззрению? Я не стал препарировать ее восторг по поводу медведя. Мне просто тоже было хорошо.

— Круто, — изрек немногословный Кестер, дружески пихнув меня плечом. И я почувствовал себя равным среди равных.

Вскоре на сцену поднялась высокая стройная женщина лет тридцати восьми, судя по всему, привыкшая выступать перед большой аудиторией.

— Здравствуйте, — начала она. — Меня зовут Кэти. Надеюсь, вы не скучаете на нашем форуме?

Аудитория одобрительно зашумела.

— Моя должность называется «региональный директор», но практически я тот человек, к которому вы можете обратиться со своими вопросами. Итак, мы готовы ответить на любой вопрос партнеров «Старбакса»...

— Как мне начать продавать в кафе компакт-диск, который я записал с друзьями? — спросил кто-то.

Тут же вопросы посыпались как из рога изобилия.

— Хороший вопрос, — всякий раз хвалила Кэти и называла имя сотрудника, к которому спрашивающий должен был обратиться.

Часто нужный человек присутствовал в зале — представитель музыкального отдела, ответственный за выпечку или качество уборки. Спрашивающий получал ответы в режиме реального времени. На меня это произвело большое впечатление. В «ДУТ» мы никогда не проводили открытых форумов — нам это просто не приходило в голову. Если нас все устраивает, значит, и подчиненным не на что жаловаться — такова была философия руководства.

Примерно через час, когда поток вопросов иссяк, Кэти загадочно провозгласила:

— А теперь давайте повеселимся!

На сцену поднялись руководители, одетые как рок-звезды, и принялись «зажигать» под новый старбаксовский компакт-диск, который поступал в продажу. Аудитория пришла в восторг. Намек оказался более чем прозрачен: если руководство, не смущаясь, позволяет посмеяться над собой на публичном форуме, значит, партнерам действительно нечего стесняться или бояться. Для меня это стало лишним доказательством того, что «Старбакс» действительно в немалой степени имеет отношение к индустрии развлечений.

После «шоу» Кэти объявила:

— А сейчас подошло время раздачи призов. Начнем с самой высокой награды. Менеджером года назван... Мозес Торнтон!

Под дружные аплодисменты и приветственные крики молодой темнокожий парень прошел среди рядов и поднялся на сцену.

Кэти между тем зачитывала заслуги награжденного, расхвалив личные качества менеджера и работу его кафе. Снова грянули аплодисменты.

— Следующая награда, — продолжала Кэти, — присуждается за отличные результаты и стабильный прогресс. И я рада назвать менеджером текущего квартала... Кристал Томпсон!

Кристал издала странный звук, словно задохнувшись, и вскочила на ноги. Тут же начали вставать все присутствующие — Кристал явно пользовалась всеобщим расположением, и выбор лауреата всем понравился. Пока она шла к Кэти, люди аплодировали стоя.

То и дело оборачиваясь, Кристал помахала мне, Кестеру и всем своим друзьям в зале.

Я чувствовал себя настоящим патриархом, будучи гораздо старше всех присутствующих. Окружавшие меня молодые люди приветствовали награжденных с таким энтузиазмом и энергией, которые, по-моему, больше подошли бы для рок-концерта (где, правда, мне лично бывать не доводилось).

Какой разительный контраст с рекламной индустрией! В «ДУТ», когда я получал награду или поощрение, меня ощутимо обдавало волной ревнивой злобы, едва прикрытой вежливыми аплодисментами.

А здесь все искренне радовались за Кристал. Партнеры знали, как упорно она работала, все любили ее, и никто не сомневался, что и у него есть шансы заслужить поощрение в ближайшем будущем. В рекламной индустрии, с ее пирамидальной иерархией, награды доставались лишь избранным. В «Старбаксе» уважали каждого, и многие, если не большинство, получали заслуженное признание не только на торжественных мероприятиях, но каждый день и в каждом кафе.

Форум стал для меня лишним доказательством того, в какой замечательной команде я теперь работаю. А за Кристал я был просто счастлив, считая ее настоящей звездой («стар», помните?) Бродвея.

С началом праздников кофейные дегустации, пользовавшиеся у гостей неизменным успехом, и общее оживление активности в кафе оказались для меня жизненно необходимыми в моем одиноком, «подвешенном» состоянии. Раньше в это время года я с женой и детьми обычно уезжал в маленький городок в горах Коннектикута, а праздничные недели представляли собой непрерывную череду

дружеских визитов и ответных походов к друзьям и родственникам. Наш старый дом в Новой Англии, словно ожившая литография Курье и Айвза*, наполнялся звуками, картинками и запахами Рождества.

Жизнь в мансарде возле железной дороги ничем не напоминала прежние дни. Самым громким звуком, раздававшимся теперь у меня в квартире, был пронзительный свист поездов, проносящихся мимо станции без остановки всего в сотне шагов от дома. Я гадал, где-то теперь романтические свистки старых паровозов, в которых Томасу Вулфу** чудились обещания новых приключений, эхом отдававшиеся в Смоки-маунтенс и слышные в его любимом эшвиллском доме. Резкие сигналы поездов, нарушавшие тишину моего жилья, казались нечеловеческим, скулящим стенаньем бездушных роботов. Мне часто вспоминалось название одной из книг Вулфа: «Домой возврата нет». В эти праздники я до глубины души прочувствовал: возврата нет. В мой родной дом путь мне теперь заказан.

Мне совсем не хотелось сидеть в четырех стенах пустой мансарды, и я с удовольствием окунался в приподнятую, дружную и общительную атмосферу нашего кафе. Стоя за кассой или проводя дегустации, я ощущал себя частью сплоченной команды. Угрызения совести за прошлые ошибки и причиненную родным обиду, заметно уси-

* Компания «Курье и Айвз» (1834—1907) выпускала популярные литографии, где были запечатлены все заметные события жизни Америки XIX в., городские и сельские виды, жанровые сценки и т.д.

** Томас Клейтон Вулф (1900—1938) — американский писатель.

ливавшиеся в дни так называемых семейных праздников, несколько притупились и временами даже забывались в напряженной работе в «Старбаксе». Кафе ломилось от наплыва посетителей, дел существенно прибавилось, но я уже научился все успевать и чувствовал невольную гордость оттого, что могу помочь своим товарищам, а не стоять беспомощным неумехой.

С Джонатаном, моим младшим сыном, я виделся не реже двух раз в неделю. Я накупил ему маленьких деревянных поездов, и мы вдвоем увлеченно катали их по полу. Общение с Джонатаном стало для меня настоящей отдушиной. Он не задавал неприятных вопросов и обладал врожденным талантом во всем находить положительные стороны. Я учил его, а он учил меня. Время, проведенное с младшим сыном, вносило в мою душу мир и обновление — мне доставляло безмерное удовольствие видеть, как он азартно возит игрушечный поезд взад-вперед по комнате. Мы придумывали захватывающие приключения на нескольких квадратных футах пола: иногда маленькому голубому паровозику требовалась помощь, и Джонатан подвозил к нему тележку с углем, то и дело ловко вскакивая на ноги, чтобы отодвинуть стул или другое препятствие, загораживающее дорогу нашим поездам. Разделяя безграничную радость Джонатана, я забывал ощущение собственной заброшенности и страх, что у меня нет будущего, что все лучшее у меня в прошлом.

Элизабет встретила праздники в Ирландии, где работала над фильмом, но остальные дети собрались в дом в Коннектикуте, где я больше не был желанным гостем. Я позвонил им, мы поговорили, но беседа получилась неловкой и болезненной, несмотря на все их усилия и мои

попытки общаться в самом позитивном ключе. Единственной частью моей нынешней жизни, вроде бы вызывавшей у детей уважение, было упорное освоение нелегкого дела, где ничего не значили мой прежний статус и заслуги.

В праздники работа значила для меня неизмеримо больше, чем просто способ заработать себе на жизнь, ибо Кристал и партнеры заполняли пустоту моей жизни радостной молодой энергией. Прежние друзья уже не звали меня в гости, да и получи я приглашение, вряд ли решился бы явиться на рождественский ужин этаким призраком из прошлого.

В тот эмоционально трудный период кафе стало для меня всем. Бродвейский «Старбакс» оставался маленьким островком теплоты и доброжелательности на большом острове Манхэттен, где я выживал и учился заново общаться с людьми. В праздники кафе в самом прямом смысле было моим домом. Я безмерно привязался к Кристал и своим партнерам, искренне восхищаясь их безупречной работой, заставлявшей и меня держать планку, и мне нравилось сознание того, что я, пусть и в малой степени, способствую процветанию нашего кафе. То, что я, старик, порой буквально падающий с ног, вношу посильный вклад в благосостояние своих партнеров, позволяло думать, что и для остального мира я еще не совсем потерян.

Выйдя из кафе после очередной успешной дегустации, я на миг задохнулся от морозного декабрьского воздуха — в последние дни сильно похолодало. Поспешил натянуть на уши шерстяную шапку и надел теплые перчатки.

По пути к метро мне показалось, что уличные огни сияют ярче, — возможно, причиной такой иллюзии стало

резкое похолодание. В ледяном хрустальном воздухе фонари светили каким-то особым волшебным светом.

Я остановился как вкопанный, шокированный открывшейся мне истиной.

— Сейчас я счастливее, чем когда-либо в жизни, — произнес я вслух.

В Нью-Йорке можно часто встретить людей, которые говорят сами с собой. Привычные ко всему горожане не обращают на них внимания.

Я снял перчатки, которые только что надел, приложил руку к сердцу и... почувствовал нежное тепло мягкого, уютного счастья, не испытанного никогда прежде.

Что происходит?!

Я почти испугался. Меня страшила мысль, что я счастлив работать баристой в сетевой кофейне, — это разительно не соответствовало ожиданиям моих родителей, родных и друзей, привыкших видеть меня на руководящей должности с высоким окладом.

Неужели это значит, что моя предыдущая жизнь, все шестьдесят четыре года, была ошибкой, злой насмешкой?

Нет, покачал я головой, по-прежнему стоя на улице и споря сам с собой. Многое и в той своей жизни я любил. Я очень люблю моих детей, но вынужден признать — впервые и с беспощадной честностью, — что ненавижу большие отрезки своего прежнего существования с высоким статусом, полного ничего не значащей напряженной деятельности.

На углу я свернул и пошел по Бродвею, решив немного погулять. Мне требовалось подумать. Отчего-то я совсем не торопился спуститься в метро — уличные огни сияли слишком ярко.

О чем я думал?

Меня огорчало то, что моя прошлая жизнь оказалась сплошной ложью.

Но я признал, что нахожу огромное удовольствие в другом, нынешнем образе жизни — мне нравится моя крошечная мансарда, я горжусь тем, что сам себя обеспечиваю... Бессмыслица какая-то. На седьмом десятке я радуюсь, что достиг того, что большинство людей имеют уже к двадцати четырем годам. Отчего же я так счастлив?

Я снова прижал руку к груди, ощутив сильно бьющееся сердце и исходящие оттуда нежную любовь, мир и счастье, которых я никогда не испытывал ранее.

Может быть, совершенные мною ошибки, вызвавшие столь масштабные разрушительные перемены, помогли мне прорвать привычный кокон комфорта и выбраться в мир, полный жизни и света?

Не знаю. Ей-богу, не в моих силах это разгадать.

Но я точно знаю, что́ чувствую в душе.

Кристал говорила: «Следуй велению своего сердца».

Мое сердце переполняло никогда еще не изведанное счастье.

Рано или поздно жизнь обязательно меняется, я теперь это точно знаю.

Глава 8

Почти уволен

Каждый день как прыжок веры...

Строка из песни Лиз Райт, выведенная на чашке «маленького американо»

Январь

Морозным январским утром, когда я вошел в теплое кафе, Тавана встретила меня зловещим взглядом, от которого настроение сразу упало до нулевой отметки.

— Кристал хочет вас видеть, — с нотой злорадства сказала она. Сердце у меня упало, ее тон не предвещал ничего хорошего.

Как правило, остальные партнеры всегда выбирали момент поприветствовать меня улыбкой или добрым словом, как бы заняты они ни были, но Тавана всегда обдавала меня только арктическим холодом. Неприязнь коллеги часто выбивала меня из колеи.

В памяти всплыла сцена из далекого прошлого, когда мы с отцом сидели в огромном вестибюле отеля «Алгонкин» на Сорок четвертой улице. Мне было лет шестнадцать.

— Терпеть не могу этого типа, — заявил отец, показав на пожилого здоровяка в очках с толстыми стеклами, сидевшего в кресле у противоположной стены, который, казалось, пристально разглядывал интерьер. Отец потянулся к вазе с арахисом, стоявшей посреди стола, и бросил в рот горсть орехов. В юности папа был довольно тучным и всегда боялся вновь растолстеть, но арахис был его слабостью. Он «подзаряжался» им и в «Алгонкине», и на коктейльных вечеринках и практически никогда не садился поесть по-человечески — вообще взял за правило не ужинать дома. В тот вечер отец уминал орехи с особой жадностью. — Это Джеймс Тербер*. Я его не выношу. По-моему, он платит мне той же монетой.

Мне доводилось слышать о Джеймсе Тербере, чьи афоризмы и шаржи часто публиковались в «Ньюйоркере». Я прочел один из его коротких юмористических рассказов и буквально накануне проговорился об этом отцу.

— Недавно я рассказал в редакции скандально-комичную историю о Тербере, которую узнал от Трумэна Капоте, — продолжал отец, — и нажил заклятого врага. На себя Терберу чувства юмора не хватает.

С Трумэном Капоте я тоже был знаком, хотя книг о нем еще не читал.

— Когда Трумэн впервые появился в нашем журнале, мы не сговариваясь сочли его самым красивым созданием, какое нам доводилось видеть, — улыбнулся отец. Лицо его разгладилось, и настроение заметно улучшилось — папа сел на своего любимого конька. Глаза его засверкали, он выпрямился в кресле, словно выступал перед не-

* Джеймс Тербер (1894—1961) — американский юморист, карикатурист, автор афоризмов.

большой аудиторией восторженных слушателей. Я с облегчением перевел дух: рассказчик занимательных историй — любимое отцовское амплуа. — Тербер обращался с Трумэном как с мальчиком на побегушках, давая ему самые унизительные поручения. Тербер, видишь ли, слепой, как сова. Здесь, в отеле, он встречался с женщинами, а после звал Трумэна помочь ему одеться. Как-то раз Трумэн, подавая ему одежду, специально вывернул носки наизнанку, и жена Тербера догадалась, что ее благоверный где-то раздевался днем.

Я улыбнулся. История казалась смешной, и я, мальчишка, не обремененный подобными проблемами, легко представил замешательство старика, когда супруга, помогая муженьку раздеться на ночь, догадалась о его измене.

Я понял, отчего отец счел эту историю подходящей для рассказа на работе: он обожал сплетни, особенно на постельную тему и особенно о знаменитостях, и пересказывал их с такой страстью и таким смаком, что это граничило с манией.

Но меня удивило, что Тербер или кто-то другой в «Нью-йоркере» мог недолюбливать моего отца. Он с такой неподдельной радостью уходил в редакцию рано утром и возвращался домой так поздно, что я представлял его работу сплошным развлечением, вечным праздником, где он с коллегами прекрасно проводит время. Негативное отношение Тербера сильно удивило меня.

Направляясь к Кристал, я размышлял о взаимной нелюбви отца и Тербера. Мои отношения с Таваной развивались в совершенно иной обстановке, но неприязнь — где угодно и чья угодно — кому угодно испортит жизнь.

Неужели она пытается лишить меня последнего — всего хорошего, что случилось со мной здесь?

Я приказал себе успокоиться. Свою работу я выполняю старательно, стало быть, правда на моей стороне. Я вспомнил, что советовал собственным детям в сложных ситуациях. Например, когда у Биз в старших классах возникли трения с садистом-учителем или когда мой сын Чарлз участвовал в жестком соревновании по лакроссу, я говорил им: «Делай что должен, и будь что будет». Собственный опыт, однако, доказал, что давать умные советы легко, а следовать им — непросто. Несмотря на все старания успокоиться, я шел в служебное помещение кафе с тревожно бьющимся сердцем.

Когда я вошел, Кристал подняла голову и посмотрела на меня без улыбки.

С ней была Бьянка.

— Ты не оставишь нас на минуту? — попросила ее Кристал.

Бьянка приветливо улыбнулась мне и вышла.

Плохой знак. Неужели Кристал собирается сказать мне то, о чем нельзя говорить в присутствии других партнеров?

— Садитесь, Майк, — серьезно сказала Кристал. Очень плохой знак. В крошечном кабинете был маленький стул для сотрудников, но обычно разговор проходил оперативно, и присаживались тут разве что во время обеденного перерыва. — Тавана обратила мое внимание на один факт... — Кристал сделала паузу, видимо, тщательно подбирая слова. — За последний месяц вы несколько раз ошибались в ту или иную сторону больше чем на десять долларов.

Речь шла о дневной выручке, которую мы сдавали в конце смены. В «Старбаксе», если помните, допустимый лимит ошибки кассира составлял пять долларов.

Я поспешно начал:

— Я очень сожалею...

— Сожалеете — это хорошо, — перебила Кристал. — Однако Тавана настаивает на выговоре.

Выговоры в «Старбаксе» были чем-то ужасным. Я не слышал, чтобы отсюда кого-то уволили, но знал, что все начинается именно с выговора.

Словно прочитав мои мысли, Кристал сказала:

— Выговоры сотрудникам объявляют за различные недочеты, особенно финансовые, и если докладных накапливается достаточно, это может стать основанием для увольнения.

Меня охватила настоящая паника. Только не увольнение! Господи, опять?! Именно сейчас, с работы, где я чувствую себя уверенно и надежно, где меня любят!

Я уже представлял себя выброшенным на серый промерзлый тротуар холодного города. Я всем существом осознал, как далеко ушел от своего прежнего статуса опоры большой семьи с престижной должностью и дорогими костюмами — всем, на что я полагался и что так глобально подвело меня в трудную минуту... Теперь, сказал я себе с неожиданной смелостью, я знаю: «Старбакс» — лучшая действительность, в основе которой не внешние признаки высокого положения, но реальная поддержка, искренняя привязанность и даже восхищение партнеров, гостей и... Кристал. Кристал и «Старбакс» спасли меня. Спасли от погони за призрачной успешностью и от стремления вернуть полную страха пустую жизнь, которая не была в

конечном счете хоть сколько-нибудь ценной или интересной для меня.

В отличие от Таваны и даже Кристал я с рождения попал на идущий вверх эскалатор, зарезервированный для немногих избранных — богатых, образованных, с литературной речью, отлично одетых, чье восхождение наверх не имеет предела. Не по своей воле я сошел с него — меня сбросили, и я покатился вниз. Казалось, никто не в силах мне помочь или хотя бы заметить мое бедственное положение и насущные потребности.

Конечно, в том была и моя вина. Потеряв почву под ногами и оказавшись в свободном падении (не парении!), я не смог заставить себя признаться родственникам или хотя бы близким друзьям, как несчастен, что я банкрот. В моей прошлой жизни подобные излияния отнюдь не приветствовались.

Полученное воспитание не готовило меня к озвучиванию нелицеприятных истин. Моя мать прожила всю свою жизнь в доведенном до абсурда оптимистическом отрицании очевидного: для нее решительно все происходящее всегда было самым лучшим в лучшем из миров.

Она не смогла даже сообщить мне, что умер отец.

Семь лет назад, через несколько дней после Рождества, рано утром у меня раздался телефонный звонок.

— Мы чудесно провели Рождество, — проворковала мама своим музыкальным голоском. — Твой отец помог Эмме собрать игрушки.

Эмма была их младшей внучкой и, естественно, любимицей. На семейных праздниках все внимание традиционно достается самым маленьким.

— Праздник удался как нельзя лучше, твой отец был так...

К моему удивлению, она вдруг замолчала. Обычно мама могла подолгу говорить без пауз, словно исполняя некую арию сознания.

— Как папа? — спросил я.

— Он болен.

— Что с ним?

— Он умер. — У меня перехватило дыхание. — Но такого прекрасного Рождества у нас никогда не было! — триумфально закончила мама.

По-моему, своим жизненным девизом мать выбрала слова протестантской молитвы: «и приму любые испытания как милость Твою, и так войду в царствие Твое». Но мать не просто верила в спасение в лучшей жизни — раскрыв объятия, она горячо приветствовала каждый миг с искренним убеждением, что он прекрасен.

«О, как славно!» — было ее обычным ответом на любую новость.

Я говорил, что Гордон придет к нам обедать. «О, как славно!» — отвечала мать. Узнав, что я собираюсь на озеро поплавать, она снова восклицала: «О, как славно!» Мама прожила жизнь в страстном стремлении ценить каждое мгновение как немыслимо щедрый дар. Словно благовоспитанный ребенок в рождественское утро, она постоянно спрашивала себя, достаточно ли она благодарна за ниспосланные небом испытания и не ропщет ли ненароком. От плохого мама старательно отгораживалась.

Лишь когда мне было уже за сорок, я узнал от родственников, что мамин дед, Генри Харрис Барнард, покончил с собой, прыгнув в колодец, а брат ее деда Гейтс застрелился; что ее любимого дядю увезли в больницу прямо со ступенек Гарвардского клуба, а потом помести-

ли в психиатрическую клинику на севере штата Нью-Йорк, где он провел остаток жизни; ее единственная сестра Фрэнс с самого детства находилась в лечебнице для душевнобольных, и никто из родственников ее не навещал. Мать никогда не упоминала об этом.

В то утро, после телефонного звонка, когда мама таким странным образом сообщила мне о скоропостижной кончине отца, я бросился вниз, к машине, и помчался в дом родителей, чтобы поддержать ее в этот трудный час. Однако мама категорически отказалась говорить о произошедшем, равно как и не позволила произвести вскрытие и установить причину внезапной смерти супруга.

От посторонних людей я узнал, что отца долгое время мучила боль в спине и он даже пошел к врачу — поступок для папы из ряда вон. Подозреваю, что во время осмотра отец догадался о страшном диагнозе и силой воли буквально заставил себя скоропостижно умереть. Другой человек, возможно, боролся бы, смирившись с участью полуинвалида, но отец в семилетнем возрасте стал свидетелем агонии своей матери, целый год умиравшей от рака, и, можно сказать, зациклился на том, чтобы не подвергнуть подобным страданиям своих близких.

— Пристрели меня, если я доживу до такого, — бестактно громко говорил отец, без тени смущения указывая на ковыляющего на дрожащих ногах дряхлого родственника. Этот жутковатый отцовский наказ я неоднократно выслушивал с самого раннего детства.

Отец всегда боялся впасть в слабоумие — именно сознательное напряжение воли и талант удержали его на грани тяжелой депрессии после трагической кончины матери, но каждый день ему приходилось снова и снова

вступать в нелегкую борьбу с затягивавшим на дно опасным водоворотом.

Отец изобрел свой метод отрицания очевидного — сперва с помощью литературных опытов, которые приобретали все более оптимистический и развлекательный тон. Папа намеренно выбирал веселые сюжеты, отвергая ужасную правду и жгучую боль воспоминаний детства. Позже нашелся и другой способ бегства от реальности — амплуа знаменитости и оригинала, известного своим остроумием.

Увидев отца на смертном одре, я был поражен сходством его лица с греческой маской трагедии. Детское горе, с которым папа всю жизнь боролся гордым, волевым отрицанием, напоследок вернуло бунтарю прежние черты. Испуг и отчаяние маленького мальчика, которого заставляли преклонять колени рядом с кроватью матери, все более слабевшей от пожиравшей ее болезни, явственно проступали в дорогих мне чертах. На лице умершего лежала печать невыносимой, разрывающей сердце тоски, ибо, несмотря на все его молитвы, мать умерла, оставив маленького сына одного в целом мире. В заострившихся чертах угадывалась так и не изжитая скорбь от невосполнимой потери и чудовищного одиночества. Несмотря на самоотверженные усилия, он потерял ту, которую любил и в которой нуждался больше всех на свете.

Бедный папа, думал я, как же он страдал... Много позже я понял, что отец вполне закономерно выбрал бегство от столь чудовищной реальности, и неудивительно, что он страстно желал избавить свою семью — и меня в том числе — от зрелища медленной агонии.

Мои родители выбрали совершенно одинаковый способ умереть: мать тоже предпочла быструю смерть.

Врач сказал ей, что у нее аневризма аорты.

— Что это значит? — спросила мама.

— У вас есть выбор, — начал объяснять доктор. — Можно сделать операцию — непростую и довольно длительную. Реабилитационный период займет минимум полгода. В противном случае вас ждет мгновенная смерть, и случиться это может в любой момент.

— Прекрасно! — воскликнула мать с привычной радостной покорностью судьбе и вскоре умерла, меньше через два года после смерти отца, прямо перед Рождеством.

В тот вечер она надела вечернее платье по случаю праздничной службы, словно собираясь в небесное царствие, в которое так истово верила. Мама выглядела просто потрясающе... Я так и не успел обнять ее в тот вечер. Надеюсь, она знает, как сильно я любил ее и как мне ее не хватает.

Меня глубоко печалит то, что я не успел сказать родителям, как сильно люблю их, перед тем как оба оставили меня столь внезапно. Надеюсь, что они знали — я делал все возможное, чтобы они были счастливы, и до сих пор корю себя за то, что не сделал больше. Мне следовало быть рядом с родителями в их последний час, утешая и ободряя самых близких мне людей.

Однако при всем этом я знал — будь родители живы, их безумно огорчали бы и во многих отношениях смущали и моя работа, и моя нынешняя жизнь.

Вероятно, их оскорбило бы мое добровольное одиночество. Прежде, стоило мне отказаться от участия в семейном или ином торжестве, я сразу становился «эгоистом». Родителям требовался счастливый исполнитель

придуманной ими милой игры, и, что бы я ни делал, им всегда, всю жизнь было мало.

Их озадачил и расстроил бы тот факт, что я счастлив подавать кофе и водить дружбу с людьми, которых они не удостоили бы и парой слов. Их удивила бы искренняя приязнь ко мне со стороны партнеров и Кристал.

Мама и отец были бы крайне смущены и шокированы тем, что мне нравится работать баристой и вести простую жизнь. Я не мог и не хотел больше жить так, как нравилось им.

Я не мог противиться ощущению счастья. Это новое, тихое, сокровенное чувство приходило ко мне неожиданно, порой прямо во время обслуживания длинной очереди. Я узнавал о нем по теплоте в груди в спасительной, приятной тишине — ведь я больше не посещал модных вечеринок. Родители мечтали видеть меня продолжателем своего дела — прекрасной жизни в замечательном мире, как они это понимали, среди людей искусства и сливок общества.

У меня на это не осталось сил, я этого больше не хотел.

Благодаря Кристал и «Старбаксу» я в этом не нуждался.

Кристал и «Старбакс» освободили меня, позволив быть самим собой.

Глубоко вздохнув и напомнив себе, как мудро поступала Кристал с самого начала нашего знакомства, я решил, что начальница не вышвырнет меня с работы лишь потому, что Таване так хочется.

И оказался прав.

Кристал неожиданно улыбнулась. Слава Богу!

— Майк, я могла бы объявить вам выговор, но мне жаль портить ваш безупречный послужной список.

«Спасибо, Кристал!» — мысленно воскликнул я.

— Вы прекрасно зарекомендовали себя в общении с гостями и на кофейных дегустациях... — Кристал понизила голос: — Но во время работы за кассой необходимо быть внимательнее.

— Должно быть, я слишком много болтаю с посетителями, пока отсчитываю сдачу, — предположил я, честно стараясь найти способ исправить ситуацию.

В этот момент вошла Тавана, не дождавшись упоительного момента, когда мне объявят выговор. Ее волновало, что мое наказание окажется слишком мягким.

— Привет, Тавана, — улыбнулась Кристал. — Я поговорила с Майком насчет кассы.

— Он должен получить выговор, — прошипела Тавана. — Других за такое вообще увольняют!

Кристал выдержала паузу. У нее был сильный характер. Я только сейчас заметил, что сегодня Кристал надела маленькие серебряные сережки. Она всегда выглядела стильно, каких бы нервов ни требовало руководство многочисленными партнерами с их индивидуальной манерой работы и разнообразными закидонами. Когда кто-то ошибался, Кристал поступала строго, но справедливо.

— Это в моей компетенции, Тавана, — отрезала она.

В тоне Кристал слышалось спокойное и окончательное завершение данной темы. Она не позволяла подчиненным влиять на свои решения.

Некоторое время Тавана в бешенстве смотрела на начальницу (прежде я часто ловил такой взгляд на себе).

— Майк исправится. Я знаю, у него получится, — добавила Кристал. Неожиданную похвалу я оценил как нельзя

более высоко, зная за собой природную тупость во всем, что касалось наличных денег.

— Хорошим кассиром можно быть и без колледжа, — язвительно бросила Тавана и вышла.

Я знал, откуда растут ноги у этого неуместного комментария: Тавана тоже закончила колледж и считала унизительным для себя нажимать на кнопки кассового аппарата или наливать эспрессо из кофе-машины.

— Ну ладно, идите работать, Майк, — строго сказала Кристал. Я понял, что, несмотря на хорошее отношение, полного прощения за допущенные просчеты мне пока не видать. — Сосредоточьтесь. Я уверена, у вас все получится.

Я вернулся в зал. Настроение поднялось после выраженного мне доверия и оттого, что меня не уволили, но в глубине души шевелился червячок беспокойства из-за противной, мстительной Таваны. Что ж, ее неприязнь вполне объяснима — не далее чем неделю назад жизнь вновь подчеркнула социальные и культурные различия между тем, к чему привык я, и тем, чем жили большинство партнеров вне стен «Старбакса». Придя к началу второй утренней смены, я увидел, что Кестер разговаривает с Чарли. Сперва я подумал, что старший в очередной раз учит молодого шалопая уму-разуму, но в действительности дело оказалось куда серьезнее.

Чарли пересказывал Кестеру происшествие, свидетелем которого стал утром по пути на работу. Младшая сестра одной из его подружек поссорилась с другой шестнадцатилетней девочкой.

— Они орали друг на друга. Джули выхватила нож — просто угрожая. Вторая продолжала вопить, и Джули ткну-

ла ее ножом и попала прямо в сердце. Несчастный случай, конечно, но вторая-то девчонка мертва! Каких-то две секунды, и жизнь Джули тоже кончена, понимаешь?

Чарли был бледен, его голос дрожал.

Кестер приобнял друга за плечи — редкий для него жест.

— Шестнадцать лет, а жизнь кончена, — повторял Чарли, а я вдруг осознал, как далек от всего такого. В Бронксвилле на улицах вполне безопасно — я ни разу не слышал, чтобы там кого-то зарезали, тогда как большинству партнеров с детства знакома неприглядная, мрачная реальность. Неудивительно, что я раздражал Тавану. С ее точки зрения, я жил в башне из слоновой кости и давно напрашивался на хорошую выволочку. Тавана не станет нападать на меня с ножом, но будет на седьмом небе, навредив мне как-то иначе. Она ожесточенно воюет с миром, ополчившимся против нее. Не пора ли и меня ткнуть носом в суровую жизнь? Тавана не спустит мне ни одной мелочи — ведь и ей никто никогда не делал поблажек. Неприязнь Таваны к белому старику, одному из тех, кто не давал ей подняться, казалась вполне объяснимой. Внимания куда больше была достойна позиция Кристал, выросшей в том же беспощадном к таким, как она, мире, но сумевшей увидеть во мне человека, а не представителя класса угнетателей.

Возможно, Тавана мстит мне как одному из тех, кто чинил препятствия ее карьере. Может, именно такой пожилой белый отклонил ее кандидатуру, когда она, наивная выпускница с новеньким дипломом, подала заявку на открывшуюся вакансию.

В прошлом я вполне мог оказаться таким негодяем. Но я был уверен, что изжил в себе подобные мерзкие черты, и Тавана ко мне несправедлива. Остальные меня вроде бы приняли, несмотря на все различия, и обращались как с равным, как с партнером де-юре и де-факто. Почему бы Таване не брать с них пример?

Не успел я дойти до прилавка, как Кестер остановил меня и положил руку на плечо.

— Выше нос, Майк! Тавана ко всем так относится. — Он широко улыбнулся. — Не принимайте близко к сердцу.

В тот день я исподтишка наблюдал за своей Немезидой и в душе согласился с Кестером: Тавана ненавидела всех одинаково и чуть что затевала склоку с партнерами и даже с некоторыми из гостей. К концу смены я окончательно убедился, что моя персона здесь ни при чем — Тавана бросалась на каждого. Я ей искренне сочувствовал: представьте, каково окончить колледж, а потом получать отказ за отказом? Мне прекрасная должность легко досталась сразу после окончания Йеля, я и пальцем не шевельнул. Неудивительно, что Тавану трясло от бешенства. Но с той минуты, как Кестер дал мне добрый совет, я перестал принимать ее выпады близко к сердцу. Я уже не крахмальный воротничок, которым был когда-то. Теперь я гордо ношу футболку с эмблемой «Старбакса» и знаю, что сделаю все возможное, чтобы помочь Таване или любому другому партнеру добиться всяческих успехов.

Я вспомнил, как в «ДУТ» мне запретили объявлять подчиненным благодарность в письменном виде, ибо в случае увольнения сотрудника такой документ мог стать основанием для оспаривания нашего решения в судебном порядке. Однажды на закрытом корпоративном собрании

начальник службы по персоналу прямо сказал: «Вам придется уволить многих подчиненных, поэтому не оставляйте вещественных доказательств их хорошей работы». У нас официально проводилась политика отсутствия поощрений, особенно письменных положительных отзывов. «Иначе потом нам это выйдет боком», — любил повторять кадровик.

Напротив, в «Старбаксе» я мог свободно, даже простодушно выплескивать избыток счастья, не стесняясь говорить, как я ценю моих партнеров. Я начал писать сотрудникам записки с благодарностью за их доброту и помощь. Я благодарил Кестера за советы и руководство, называя его «отличным тренером». Я писал Бьянке, что ее прелестная улыбка придает мне сил, когда перед прилавком выстраивается длинная очередь жаждущих кофе и сдачи. Я написал Джоанне, что ее молчаливое терпение и профессионализм помогли мне выдержать самые трудные первые дни.

Я написал Кристал, что безмерно ценю ее не только за подаренный шанс, но и за неусыпную заботу о том, чтобы я прижился в новом для себя мире. «Вы — настоящая звезда “Старбакса”», — писал я.

Я написал Чарли-меломану о том, как заразительна его кипучая энергия: «Много вечеров, Чарли, одно твое деятельное присутствие бодрило не меньше, чем хорошая чашка кофе».

Я писал Энтони: «Твой стиль и высокий класс, от неизменной улыбки до сверкающих туфель, добавляют блеска в нашу жизнь».

Я не играл в некую корпоративную игру, а просто искренне выражал свои чувства на бумаге.

Я сочинял стихи для партнеров-именинников, а в рождественские праздники и сам получил стихотворное поздравление от сотрудников:

«Даже просто присутствие Ваше —
Настоящий подарок для нас.
Жизнелюбие и оптимизм —
Ценный дар и спасенье для Вас.
А в самую трудную смену —
Для партнеров Вы просто спасенье.
Как работали только мы раньше без Вас?
Здоровья! Счастья! Успехов!
"Старбакс"».

Записками партнерам дело не ограничилось: вскоре я занялся и гостями, которым тоже был благодарен. Ко дню рождения каждого завсегдатая кафе я сочинял маленькое персональное стихотворение. Денизе я написал, что восхищен ее безупречным вкусом в выборе шарфов и шляп. Доктора Пола благодарил за нелегкий многолетний труд, посвященный лечению маленьких детей, страдающих артритом. Малышке Элле я писал, что ее первые вокальные опыты не менее благозвучны, чем джазовые композиции в исполнении ее знаменитой тезки. В стихах для Рейчел я искренне нахваливал ее сынишку Макса («Максимальный малыш!»).

Для посетительницы по имени Джейн я написал белый стишок:

«Вы входите в кафе,
И Ваша прелестная улыбка
Заставляет сладко замирать сердца.
Вы непременно спрашиваете,

Как мы поживаем,
Встречаясь с нами у прилавка.
О любопытная дивная дева!
Вы — наша звезда
И любимая гостья.
Вы пробуждаете в нас самые лучшие чувства!»

Конечно, стихи эти были далеки от совершенства, но гостям очень нравилось внимание, и предложенные вирши воспринимались с восторгом, ибо шли от самого сердца.

В «Старбаксе» я мог позволить себе быть искренним, ибо здесь ценились драгоценные моменты дружеского общения. С той минуты, когда я признался себе, что счастлив, такое положение вещей начало казаться мне естественным и логичным. Почему же остальные компании не работают подобным образом?

Потому что это стоит денег. Из «ДУТ» увольняли многих, ставших «финансово невыгодными», в том числе и меня. Большинство компаний не обеспечивает своим сотрудникам приличную медицинскую страховку — слишком дорого. Нигде, ни в одной известной мне компании — а повидал я много, поверьте, — я не видел, чтобы работникам, особенно с частичной занятостью, предоставляли такие льготы и обеспечивали поддержку, постоянно поощряли и искали новые подходы... Я вспомнил, сколько внимания и признания получил с тех пор, как вошел в эти двери.

Уважение компании к своим работникам подкреплялось дорогостоящими инвестициями в меня и в каждого партнера. Именно поэтому «Старбакс» уникален и, возможно, останется таким всегда.

Я не хотел рисковать своей работой. Касса оставалась наименее любимой, но важнейшей частью моих обязанностей, и я дал себе слово больше не допускать небрежности.

С того дня, когда Тавана потребовала для меня выговора, я стал максимально сосредотачиваться на денежных расчетах и меньше болтать с гостями. Раз уж я вижу мир в картинках и словах и не дружу с цифрами, мне требовался какой-нибудь трюк, и я начал вслух называть человека, изображенного на поданной мне купюре: Авраам Линкольн на пятерке, Александр Гамильтон на десятке и Эндрю Джексон на двадцатке. Я проговаривал каждое свое действие, сосредотачиваясь на деньгах, а отдавая сдачу, громко называл сумму, например: «Ваши пять долларов шестьдесят пять центов».

Наверное, я выглядел балаганным аукционистом со своим преувеличенно громким объявлением подробностей каждой покупки, но понемногу я набил руку и научился отсчитывать деньги, не прерывая приятной беседы с покупателями, которым всегда был рад.

Через две недели после нашего с Кристал разговора я подсчитывал выручку. Начальница говорила по телефону, заказывая товар, а я выкладывал деньги на весы. Эта процедура до сих пор оставалась для меня моментом истины, которого я ожидал со смятением в душе. Я нажал кнопку «итог» — и вот, пожалуйста: при выручке в восемьсот сорок долларов с мелочью я ошибся всего на три цента! Такой результат считался отличным для любого работника, в том числе и для Таваны.

Мне не терпелось похвастаться перед Кристал.

Едва она положила трубку, я гордо воскликнул:

— Смотрите, у меня всего три цента лишних!

Кристал мельком взглянула на меня и безразлично сказала:

— Отлично, Майк. Я и не сомневалась, что у вас получится.

Она не оценила фантастичности рекорда! Я не поверил своим ушам, но тут же с удивлением понял, что Кристал действительно не сомневалась в моих способностях.

Кристал верила в меня больше, чем я сам.

А через несколько дней я случайно услышал, что начальница ставит меня в пример другим партнерам — дескать, учитесь, как нужно завязывать разговор с посетителями.

Как-то раз, наводя порядок в шкафу после одной из кофейных дегустаций, я услышал за спиной голос Кристал:

— Майк, у вас найдется минута?

Я обернулся.

Кристал подвела ко мне улыбающегося незнакомца.

— Это Эйб. Я рассказала ему о вашей отличной работе.

Я отлично работаю? Приятно слышать!

Я проверил, достаточно ли в шкафу салфеток, опасаясь сконфузиться после похвалы.

— У вас сейчас десятиминутный перерыв, — продолжала Кристал, всегда державшая в голове рабочее расписание каждого сотрудника. Интересно, как ей это удавалось?

— Да, — подтвердил я, закончив с салфетками и проверяя запасы сахара (в «Старбаксе» позволялось работать во время разговора, ибо дела никогда не заканчивались). Гости умудрялись использовать целые горы салфеток целой горстью и потребляли невероятное количество сахара — иногда мне казалось, этого добра мы продаем боль-

ше, чем самого кофе. Я уже чувствовал персональную ответственность за наше кафе, и при мысли об отсутствии на столах салфеток или сахара мне становилось не по себе.

Слушая Кристал, я протирал прилавок и шкаф с припасами.

— Во время перерыва, Майк, поговорите, пожалуйста, с Эйбом. Это новый менеджер нашего района, он знакомится с вверенными ему заведениями.

— Конечно, — сказал я, радуясь возможности разделить свой отдых с... Эйбом. Когда-то я слышал, что имена легче запомнить, если связывать их со зрительными образами. С тех пор как я стал сосредотачиваться за кассой, портреты бывших президентов США настолько врезались в память, что то и дело всплывали перед моим мысленным взором, особенно по вечерам, когда я засыпал. Визуальной ассоциацией с новым знакомым я назначил пятидолларовую банкноту. «Эйб Линкольн», — сказал я себе.

Через несколько минут я зашел к Эйбу («Линкольну») и Кристал в служебное помещение. Начальница сразу поднялась из-за стола.

— Я вас оставлю, — сказала она. — У меня много работы.

На вид Эйбу было лет сорок.

— Майк, — начал он с улыбкой. — Кристал считает вас одним из лучших работников, воплощающих идею нашего сервиса на практике.

Сервисом на старбаксовском жаргоне называлось установление хороших отношений с посетителями путем завязывания разговора во время обслуживания.

— Мне нравится общаться с гостями, — искренне ответил я.

— Прекрасно. Наш бизнес основан в первую очередь на личном общении.

— И еще я очень люблю кофе, — добавил я.

Отчего-то у меня возникло безотчетное доверие к Эйбу. Так бывает — впервые встречаешь человека и сразу же чувствуешь к нему антипатию. В моем собеседнике ощущалась очень располагающая спокойная уверенность и доброжелательное отношение ко мне, видимо, благодаря Кристал.

— Я тоже люблю кофе, — сказал Эйб. — Я вырос на кофейной ферме в Коста-Рике. Семейное дело, знаете ли. Я работал в «Пепсико», занимался собственным бизнесом — виноторговлей, но почувствовал себя счастливым только тогда, когда открыл для себя «Старбакс».

«Открыть для себя «Старбакс» и почувствовать себя счастливым, как я его понимаю!» — подумал я.

— Должно быть, вы по достоинству оценили уникальность «Старбакса»?

Эйб засмеялся:

— О да! Это лучшее место, где мне доводилось работать.

— Согласен, — кивнул я.

Эйб улыбнулся.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

— Счастливая случайность. Кристал предложила мне работу, когда я очень в ней нуждался.

Эйб по-доброму усмехнулся. Мы общались, словно два друга, у которых много общего.

— Где вы живете? — спросил Эйб. — Кристал говорила, вы очень ответственный работник и выходите в любое время, но добираться вам далековато.

«Выходить в любое время» — значит работать утром, днем и вечером. Я дал согласие выходить в любую смену еще на собеседовании, когда Кристал заполняла мою анкету. Менеджеры кафе очень ценят безотказных сотрудников. Баристы со стажем нередко просят не ставить их на открытие или закрытие кафе и, как правило, не работают в выходные. Когда-нибудь я тоже смогу просить об этом, но в первый год работы благоразумнее соглашаться на любой график, тем более что пока еще не освоил всех тонкостей новой работы. «Старбакс» по-прежнему оставался для меня более ценным, чем я для него, поэтому я отдавал ему всю свою жизнь без остатка — физически, ментально и эмоционально — и поклялся, устно и письменно, что буду выходить на работу, когда бы это ни потребовалось.

Моим вторым приоритетом оставались дети. Я как можно чаще старался проводить время с Джонатаном, обычно получалось раз или два в неделю. Энни жила в Бруклине и часто навещала меня. Недавно она получила главную роль в спектакле небольшого — не бродвейского — театра всего в нескольких кварталах от моего кафе, и я выбрался на премьеру. Энни играла прекрасно! Ей досталась роль злобной истерички, и она создавала свой образ со страстью. Уже в начальной школе Энни могла «вытянуть» любую постановку. Стоило ей появиться на сцене, как зрители начинали ерзать от нетерпения: все знали, что у девочки настоящий талант. В колледже она сыграла Антигону, получив восторженные отзывы в университетской прессе. Пьеса о мятущейся душе подходила Энни как нельзя лучше.

Моя старшая дочь Элизабет называла себя Биз*. Когда она была маленькой, ей никак не удавалось произнес-

* Биз — от bis (*англ.*) — индустрия развлечений.

ти свое полное имя. Можно сказать, что с новым именем малышка попала прямо в точку. Биз с самого детства была натурой творческой: в юности она писала рассказы и пробовала себя в разных областях искусства; став старше, занялась написанием сценариев и режиссурой.

Биз заходила ко мне в «Старбакс» лишь однажды. Я познакомил ее с Кристал и некоторыми другими партнерами. С ней мы общались в основном по электронной почте. Биз всегда очень любила меня и поддерживала в любых начинаниях. Она больше других переживала, что я так глупо разрушил свою жизнь. Однако теперь, когда я жил самостоятельно и прилагал все силы, чтобы преуспеть на новом поприще, дочь меня всячески поддерживала. Я написал ей, как сожалею о том, что слишком много работал, лишая своих детей внимания и ласки, но Биз возразила: «Я всегда чувствовала себя любимой, и ты был отличным отцом».

От этих ее слов я почувствовал себя значительно лучше.

Моя младшая дочь Лора большую часть года проводила в колледже. Пару раз, когда у меня случались два выходных подряд, я ездил к ней. Она тоже приезжала в Нью-Йорк навестить друзей и повидать меня, но с Кристал еще не познакомилась. Мы отлично проводили время с ее друзьями. Лора, которую я называл Лодой, с детства обладала даром сопереживания. Она всегда сочувствовала мне и расстраивалась, что «почти не видит меня». Я чувствовал себя виноватым — я действительно редко видел своих детей.

Мой сын Чарлз тоже учился довольно далеко, но я все же время от времени ездил посмотреть, как он играет в соккер или лакросс. День его рождения мы отметили в

компании его приятелей, а потом я сводил сына на игру его любимых «Ред Сокс». Я старался видеться с ним как можно чаще, но, к сожалению, получалось это далеко не всегда, особенно в последний год, когда я начал работать в «Старбаксе».

Кроме «Старбакса» и моих детей, меня практически ни на что больше не хватало. Возвращаясь в мансарду, я скромно ужинал — варил кашу или открывал банку тунца, а в обеденный перерыв ходил в круглосуточную закусочную напротив, где устраивал себе пир из яичницы с ветчиной или сандвича с индейкой. На все про все у меня было только полчаса, так что особо гурманствовать было некогда.

И все же согласие выходить в любую смену оказалось для меня спасением — усердный труд и ежедневное освоение новых навыков держали в тонусе, и я не чувствовал себя одиноким. Свою работу в «Старбаксе» я рассматривал как вопрос выживания и отдавал ей все силы. Времени жалеть себя не оставалось, впрочем, как и заниматься самобичеванием за обиду, нанесенную близким, тоже было особенно некогда при моем напряженном графике.

Готовность выходить в любое время была своего рода защитой от себя самого и от нерадостных мыслей о прошлом и будущем.

Поймав на себе пристальный взгляд Эйба, я спохватился, что не ответил на его вопрос. Должен признаться, я нередко отвлекаюсь даже во время важного разговора, задумавшись о чем-то постороннем. Читатель может счесть это еще одним признаком старости и надвигающегося возрастного слабоумия, но это не так — я всегда был мечтателем.

Много лет назад, когда я шел по коридору агентства, меня окликнул коллега по работе, однако я, как слепой, продолжал идти прямо на него. Он был шокирован и воспринял это как агрессию с моей стороны, но в тот момент я просто находился в своем мире, не замечал ничего вокруг и едва ли видел, куда иду. Привычка к рефлекторному бегству внутрь самого себя сформировалась у меня в раннем детстве в результате одиночества, а на склоне лет очень трудно менять привычки.

Я напряженно вспоминал, о чем спрашивал меня Эйб. А, где я живу!

— В Бронксвилле, — с опозданием ответил я. — До кафе добираюсь час.

В действительности на дорогу в один конец у меня уходило полтора часа, но мне не хотелось делать из этого проблему.

— В Бронксвилле? — удивился Эйб. — Но ведь там есть «Старбакс»!

Наступила пауза. Я прекрасно знал бронксвиллское кафе, мимо которого каждый день проезжал по пути в Нью-Йорк и куда несколько раз заглядывал на чашку латте.

— Майк, — начал Эйб. — В «Старбаксе» принято, чтобы партнеры работали недалеко от дома. Одним из наших организационных принципов является формирование штата по территориальному признаку.

— Да, так эффективнее, — легкомысленно согласился я.

— Вы не думали перейти на работу в Бронксвилл?

— Нет. Мне нравится работать здесь, — ответил я (естественно, опять не подумав).

— Да-да, — сказал Эйб. — Вы здесь всеобщий любимец, это сразу видно. Решать вам, но, может быть, рано

или поздно вам все-таки захочется работать поближе к дому...

— Я прекрасно знаю Бронксвилл, — пожал я плечами. — Я закончил там школу.

— Вот именно! Но мы в «Старбаксе» всегда идем навстречу сотрудникам, поэтому, что бы вы ни выбрали, я поддержу ваше решение, — серьезно сказал Эйб, глядя на меня. — Как вы решите, Майк, так и будет. Я за этим прослежу.

Меня очень тронули такое уважение и безоговорочная поддержка. Конечно, дело тут явно не обошлось без подачи Кристал, но все равно я был благодарен Эйбу за доверие — он не сомневался, что я приму правильное решение.

Помнится, в «ДУТ» у руководства была привычка вызывать меня к себе и безапелляционно заявлять: «Поедете работать в Лос-Анджелес» или «Будете работать с "Фордом"». Вопрос о том, чего хочу я, никогда не поднимался. Не помню, чтобы начальство хоть раз поинтересовалось моим мнением насчет нового назначения или дало мне время изучить варианты. В «Старбаксе» даже с относительно новым сотрудником обращались высшей степени корректно — менеджеры прежде всего заботились о людях.

Кристал вернулась к столу:

— Ну как вы, поладили?

Эйб засмеялся:

— Отлично поладили.

— Теперь, Эйб, я хочу познакомить вас с Джоанной, которая работает со мной более трех лет. Джоанна — одна из самых опытных наших сотрудников...

Я поднялся, уступая место Джоанне.

Прошло еще несколько недель, прежде чем слова Эйба кардинально изменили мою жизнь.

Глава 9

Я получаю повышение

Говорят, красота заключена в глазах смотрящего. Однако нередко забывают добавить: не важно, какой ты снаружи, а важно, какой ты внутри и какой выбор делаешь в жизни.

Слова Тианы Тозер, серебряного (1992) и бронзового (1996) призера параолимпийских игр по баскетболу среди инвалидов-колясочников, выведенные на чашке гранд-латте с обезжиренным молоком

Февраль

Несколько недель подряд Кестер готовил меня к тому, что он называл «присвоением очередного звания», то есть к самостоятельному приготовлению напитков. Кофе-машина означала подъем на новую ступень старбаксовской иерархии — все равно что попасть из простых официантов в шеф-повара. Бариста отвечал за приготовление фирменного старбаксовского эспрессо — при нужной температуре и с правильным соотношением кофе и подогретого паром молока.

Кестер показал, как держать термометр в молочнике, подогревая молоко, и предупредил, что температура должна быть между шестьюдесятью и восьмьюдесятью градусами, не выше. Научил, как отмывать ковшик дочиста, чтобы молоко оставалось свежим. Всякий раз, когда у нас выдавалась свободная минутка, Кестер муштровал меня, как новобранца.

— Сделайте мне большой «перевернутый» макиато с карамелью, — требовал он.

Я выполнял заказ, и Кестер придирчиво измерял температуру и объем, проверяя, в правильных ли пропорциях я смешал эспрессо и молоко. Однажды он велел мне приготовить капуччино «Венти» с обезжиренным соевым молоком.

Первым делом я поставил греть соевое молоко. Я уже усвоил, что нужно всегда иметь молоко наготове, прежде чем наливать в чашку кофе. Эспрессо быстро теряет вкус, поэтому его надо подавать как можно быстрее, то есть сначала нагреть молоко и тут же добавить его в кофе.

Паром я пытался взбить пышную молочную пену — в капуччино обязательно полагается «шапка» взбитого молока, — однако из соевого молока «шапка» никак не получалась. Оно упорно не желало взбиваться и в конце концов «сбежало» из молочника, залив весь эспрессо-бар. Видимо, увлекшись взбиванием, я перегрел молоко.

Кестер расхохотался, а за ним и Чарли.

— Да, нелегко взбить соевое молоко для капуччино. — Кестер похлопал меня по спине.

— Особенно обезжиренное, — вставил Чарли. — Это вообще трудновыполнимо.

— Еще раз? — с готовностью спросил я, улыбаясь, но в глубине души опасаясь, что провалил какой-то важный тест.

— Не стоит, — остановил меня Кестер. — Почти никто не заказывает капуччино с соей, а если вдруг закажут, я помогу. Теперь, пожалуйста, обычный высокий капуччино.

Я взбил паром цельное молоко для капуччино, налил в стакан эспрессо, потом молоко и галантно подал Кестеру для измерения температуры и взвешивания.

— Отлично, Майк, — похвалил он, широко улыбаясь.

Я облегченно выдохнул. Роль бариста до сих пор давалась мне с трудом. Нужно было помнить массу тонкостей, а я никогда не интересовался кулинарией и соответственно не особенно ладил с температурами и тому подобной чепухой. Эспрессо-бар по-прежнему оставался для меня камнем преткновения.

Через несколько дней перед началом смены, когда я возился со своим зеленым фартуком, сражаясь с завязками, Кристал попросила:

— Майк, не могли бы вы сегодня встать за кофе-машину?

Это было предложение, от которого я не мог отказаться. Пусть я еще не чувствовал себя баристой высшего класса, но эспрессо-бар означал возможность улизнуть от ненавистной кассы. Угадав мои колебания, Кристал пошла со мной к кофе-машине помочь выполнять заказы.

В минуты затишья Кестер показывал мне различные комбинации и порядок работы аппарата, но сейчас, в самый разгар дневного часа пик, кафе ломилось от наплыва посетителей, да еще и Кристал, доверие которой я всячески старался оправдать, стояла рядом. Под начальственным оком моя уверенность сразу улетучилась, а кофе-машина показалась сверкающим серебристым монстром,

способным изрыгать мощную струю пара для подогрева молока или ронять в чашку порции черного горячего эспрессо, но больше всего обожающим обжигающе плеваться на неопытную руку, посмевшую к нему прикоснуться. Я всегда недолюбливал любые механизмы, впрочем, и они меня тоже. К тому же у меня действительно не было опыта.

Подогревая третью порцию молока, я слишком резко повернулся и задел молочником о бок кофе-машины. Молоко выплеснулось на пол.

Кристал, смеясь, подбежала со шваброй.

— Ничего страшного, — сказала она.

Но я все равно смутился.

Лишь через несколько недель я начал делать кофе правильно. Иногда я забывал о том, что гость попросил кофе без кофеина, и приходилось все начинать сначала. Один или два раза, сосредоточившись на том, чтобы не забыть о молоке и ванильном сиропе, я умудрялся не налить в чашку эспрессо, и гости возвращались к бару, недоумевая, где, собственно, кофе.

Наконец я все-таки овладел искусством приготовления напитков: высокий латте с обезжиренным молоком, высокий макиато с карамелью, доппио и невзбитый мокко «Венти» с двойным сиропом. Теперь, выслушав заказ, я исполнял его быстро и правильно. Как-то вечером, выставив на эспрессо-бар два высоких обезжиренных латте и большой макиато с карамелью, я мельком взглянул на посетителей, желая убедиться, что они правильно забирают заказы (иногда случалась путаница), и до меня не сразу дошло, что с той стороны прилавка стоят Чарлз, Лора и Биз. Не веря своим глазам, я резко подался вперед, чем немало насмешил своих детей.

— Я не сразу вас узнал, — признался я.

— А я тебя сразу! — похвасталась Биз.

— У меня перерыв через пять минут.

— Отлично.

Взяв свои заказы, они уселись за столик.

Когда я освободился, они чему-то дружно смеялись. Приятно было видеть, что дети так дружны между собой, особенно теперь, когда они выросли и стали совсем взрослыми. В оправдание своей старой вины перед ними я сказал себе: по крайней мере у Чарлза есть сестры, а у моих девочек — брат.

Дети съехались в Нью-Йорк на премьеру нового фильма Биз «Воспоминания золотой рыбки». Старшая дочь проявила инициативу и первая похвалила мою новую работу.

— Как здесь хорошо! — восхитилась она, оглядывая кафе. — По-моему, тебе тут нравится!

Биз было уже за тридцать. Правильно выбрав свою дорогу в жизни, она активно снимала фильмы в Ирландии. Я чувствовал, что Биз больше остальных приветствует изменения в характере и жизни отца.

К столу подошла Кристал — посмотреть, с кем я провожу свой перерыв. За последние месяцы мы с ней очень сблизились, и теперь Кристал часто интересовалась, как обстоят мои личные дела. Я рассказал ей о своих детях, и Кристал была рада их видеть. С Энни и Биз она уже познакомилась.

Галантно встав, я представил Кристал как своего босса.

Лору это немало позабавило. Когда дочь была подростком, мы с ней чуть ли не каждый день спорили из-

за инициативы равноправия*. Став студенткой колледжа, она ничуть не утратила своего горячего сочувствия к тем, кому меньше повезло в жизни. Я слишком поздно понял, что множество людей с другим цветом кожи или без достаточного образования в иных условиях могли бы достичь не меньшего, а то и большего, чем я, — не только Кристал, но практически любой из наших партнеров. Ведь даже сейчас я не был лучшим работником в кафе, а только приблизился к нормальному середнячку, и то лишь спустя месяцы упорного труда.

Лора возликовала, что до меня наконец «дошло». Еще ее приятно удивило, что Кристал — моя начальница.

— Вы с ним построже, — посоветовала она Кристал.

Об этом Лора могла не волноваться. Кристал немедленно ответила с улыбкой:

— У меня и так не забалуешь!

И обе захохотали — разумеется, надо мной.

Подчеркнуто торжественно Кристал обменялась рукопожатиями с каждым из моих детей.

— Майк отлично справляется со своими обязанностями, — улыбнулась она мне. — К тому же ваш отец прикольный. Все просто обожают с ним работать!

Дети заулыбались. В прошлом я неоднократно давал им повод считать меня напыщенным ослом, и теперь то, что сотрудники любят меня и считают своим, стало для них неожиданностью.

К столу подошел Кестер.

— Тебе звонят, — обратился он к Кристал.

---

* Инициатива равноправия — политическая программа, направленная на ликвидацию расовой и иной дискриминации.

Я представил ему своих детей. Темнокожий великан молча одарил всех широкой улыбкой, и этого оказалось более чем достаточно — Биз, Лора и Чарлз влюбились в Кестера с первого взгляда. Одним своим появлением и свойским обращением Кестер ощутимо повысил мой отцовский авторитет в глазах отпрысков.

— Рада была познакомиться, — сказала Кристал, уводя с собой и Кестера. У нее был пунктик всегда оставаться на связи — по телефону или лично. «Частью моей работы является никого не унизить и не подвести», — сказала она мне однажды.

Я был счастлив оттого, что Кристал пообщалась с моими детьми, — точно так же доброжелательно и непринужденно, как и со мной.

Я повернулся к своему восемнадцатилетнему сыну Чарлзу, заканчивавшему школу: он всегда был тихоней, особенно в моем присутствии. Больше всего меня волновало именно мнение Чарлза. Бариста в сетевой кофейне — вряд ли таким отцом хвастаются перед сверстниками. Когда в его возрасте я получил водительские права, отец подарил мне дорогой автомобиль, вызвавший зависть и восторг моих одноклассников. Я чувствовал себя виноватым, что не могу сделать Чарлзу такой же подарок.

В последние месяцы я неоднократно хотел поговорить с ним об этом, но сын неизменно просил меня не беспокоиться. Чарлзу всегда была свойственна этакая безмятежность характера и умение принимать жизнь такой, как она есть, чего я был лишен с рождения.

— Что ты думаешь обо всем этом, Чарлз? — спросил я напрямик.

— А ты можешь достать мне подарочную карту «Старбакса»? — вопросом на вопрос ответил сын.

Биз и Лора прыснули.

— Да, — с улыбкой ответил я.

— Круто! — обрадовался он.

Я представил, как Чарли счастлив будет угостить своих приятелей бесплатным кофе. Может, из-за высокой популярности «Старбакса» среди школьников то, что я работаю в кафе, не опозорит сына? Я невольно проецировал собственные прежние социальные амбиции и озабоченность потерей привилегированного положения на Чарлза, который, возможно, вовсе не придавал этому значения.

Я напомнил себе, что горжусь своей работой и тем, что неплохо справляюсь со своими обязанностями.

Чарлз видел и понимал это. Отцов не выбирают.

Я посмотрел на часы — перерыв заканчивался. Спортивный дух «Старбакса» проявлялся в том, что каждая смена подбиралась тщательно, как команда с необходимым количеством игроков на поле. Если опоздаешь с перерыва — значит, подведешь своего товарища, ожидающего положенного отдыха.

Я договорился встретиться с детьми вечером, после работы, и поднялся с места.

Дети тоже встали и принялись наперебой меня обнимать. Получилось большое круговое объятие.

В приподнятом настроении я поспешил обратно за прилавок. Подобно Энни в ее первый визит, остальные дети тоже не выглядели смущенными или разочарованными. Не передать словами, какое огромное облегчение я испытал! Может, они просто делали хорошую мину, не желая меня огорчать, но хотелось верить, что сын и доче-

ри рады за меня — их отец уже не просто барахтается, но выплывает.

Я шел к эспрессо-бару, когда Кристал кивнула мне на дверь в подсобку.

Несмотря на отличное настроение, в душе у меня шевельнулся страх. Прохлопав в свое время все до единого очевидные признаки скорого и неминуемого увольнения из «ДУТ», я теперь постоянно был настороже. В чем я провинился? В последние месяцы Кристал относилась ко мне очень тепло и сегодня с видимым удовольствием общалась с моими детьми, однако за деревьями я вполне мог проглядеть лес.

При виде моего встревоженного лица Кристал улыбнулась, сразу догадавшись о моих опасениях. Откуда у нее, в ее-то возрасте, такая проницательность и житейский опыт?

— У вас прекрасные дети, Майк, — сказала она, пока мы шли к ее рабочему месту. — Вы настоящий везунчик.

— Да, — согласился я.

И дело тут вовсе не в моих заслугах или недостатках — просто у меня выросли хорошие дети. По милости фортуны, не иначе. Я не учил Биз читать с двух лет или страстно любить свою работу; не объяснял Энни, как донести чувства героев до огромной аудитории; не внушал Лоре, сколь несправедлива бывает жизнь к тем, кто родился в бедных семьях; не моя заслуга, что у Чарлза прекрасный легкий характер. Несмотря на всю мою педантичность и пунктуальность, я никогда не смог бы развить в Джонатане великий талант радоваться самому малому. Все мои дети — дар свыше, которого я, возможно, и не заслуживаю.

Несмотря на совершенные мною ошибки, которые уже поздно исправлять, дети проявили поразительное ве-

ликодушие и, кажется, простили своего отца. Я благодарю Небо за их чуткие, добрые сердца.

И за знакомство с Кристал. Как причудливы порой головоломки жизни — таинственного закона, управляющего нашими судьбами! Может быть, именно моя работа в «Старбаксе» под руководством Кристал помогла детям простить меня? Конечно, это не совсем так, но все же...

Кристал села в кресло.

— Садитесь, — сказала она, указав на маленький стул рядом с собой. — Все в порядке, успокойтесь, пожалуйста. Я просто хочу поговорить с вами.

Ее роскошные волосы были собраны на затылке, а старбаксовская кепочка казалась изящным аксессуаром. Отчего-то на Кристал решительно все выглядело стильно и даже гламурно.

— Я вот думаю над тем, что сказал Эйб...

Эйб? Минуту я вспоминал, кто такой Эйб. Может быть, гость?.. Но в памяти всплыл образ приятного собеседника с мягкой улыбкой: новый менеджер района, обещавший помочь всем, чем только сможет.

— Насчет перевода в Бронксвилл, — договорила Кристал.

— Я же сказал Эйбу, что мне нравится здесь, на Бродвее, — поспешил заверить я. Разговор принимал совершенно нежелательное направление.

— Знаю, он мне это передал... Но я все равно не могу выкинуть это из головы! Сколько вы тратите на дорогу?

— Где-то час...

Кристал посмотрела на меня скептически.

— Полтора, — признался я.

— Но это очень много, Майк! У нас только Эндрю добирается до работы около часа. Я, например, трачу на дорогу двадцать минут, а Кестер вообще живет буквально в двух шагах — на Сто двадцать пятой улице.

Мне ничего не оставалось, как согласиться.

— Во сколько вам обходится транспорт — в сотню баксов в месяц?

— Больше, — сказал я. К чему лгать? Кристал все равно узнает. С самой первой встречи я не юлил перед ней и не пытался что-то скрывать. В каком-то смысле Кристал знала меня даже лучше, чем я сам. Это еще одна причина, по которой я не хочу от нее уходить.

— Подумайте, ведь Бронксвилл сбережет вам массу времени и денег! В «Старбаксе» существует принцип нанимать работников из числа местных жителей. Вы отлично работаете, Майк, гости вас любят, хотите — оставайтесь, но в Бронксвилле вы сможете существенно помочь «Старбаксу» и станете настоящей достопримечательностью тамошней округи!

Кристал всегда действовала по инструкции. Я знал, что старбаксовские принципы, в том числе проживание персонала вблизи кафе, для нее священны. Именно у Кристал я научился практическому воплощению принципов уважения к себе и окружающим и плодотворного сотрудничества людей разного цвета кожи. Для Кристал кредо «Старбакса» было не просто словами, но правилами ежедневного поведения.

— Эй, — улыбнулась она, заметив, что я помрачнел, — вас никто не гонит! Но поймите, Майк, перемены — это принцип развития «Старбакса». Здесь каждый день открываются новые возможности. Кестер обязательно пой-

дет на повышение, я тоже куда-нибудь перейду — прежде я работала в другом кафе. Каждый из нас может развиваться дальше!

У меня упало сердце: я наивно рассчитывал, что Кристал всегда будет в кафе на Бродвее. Вместе с тем я не мог не признать ее правоту.

— «Старбакс» всегда в движении. — Глаза Кристал радостно блестели.

Я улыбнулся, но тяжело вздохнул. «Старбакс» и впрямь был бурно развивающимся бизнесом: каждый день открывалось пять новых кафе, ежедневно более сорока миллионов гостей выстраивались в очередь за кофе от самых дверей. У нас в последнее время дела заметно пошли в гору. «Старбакс» набирает обороты с удивительной быстротой, поэтому, конечно же, Кристал двинется дальше.

Ее предложение, безусловно, имело смысл: я едва сводил концы с концами — все заработки уходили на оплату квартиры и еду. Медицинская страховка была превосходной, в том числе страховой полис, который я получил через «Старбакс», но я, признаться, не очень стремился ими пользоваться. Куда легче ходить на работу пешком, нежели добираться до нее несколькими видами транспорта. В душе-то я почти созрел для перемен, но некоторые сомнения все же еще мучили меня. Три часа в день, которые сейчас я трачу на дорогу, можно будет уделить чему-то другому, например общению с детьми. Кроме того, это сбережет мои физические и душевные силы. Я постоянно боялся сесть не на тот поезд, опоздать на экспресс и поехать в метро не в ту сторону. Я гордился тем, что до сих пор не опоздал ни на одну смену и не пропускал работу по болезни, но, признаюсь, держать планку было нелегко. Вечерами, поднима-

ясь по крутым ступенькам метро, я чуть не падал от изнеможения и острой боли в моих несчастных ногах. Шестьдесят четыре — это даже не сорок шесть... У меня опухоль мозга и разнообразные возрастные недуги, в которых я не хочу признаваться даже самому себе. Приходится нещадно эксплуатировать собственный организм. Работа в «Старбаксе» смахивает на быструю спортивную игру — знай успевай поворачиваться, двигайся ловко и точно. Не выдержишь темпа — подведешь остальных.

Наверное, я смогу принести больше пользы в маленьком городке, где закончил школу. Кроме того, нельзя отрицать и того, что от перехода в бронксвиллское кафе выиграю не только я, но и тамошний «Старбакс».

— Да будет вам, Майк, не переживайте вы так, — сказала Кристал, догадавшись о моих мучительных колебаниях. — Это только ваше решение — уйти или остаться. Выбор за вами. Честно признаться, мне очень не хочется с вами расставаться. Гостям, да и партнерам будет очень вас не хватать. С вами легко работать... С вами весело. — Она помолчала. — Мне тоже будет вас не хватать. — Ее губы тронула улыбка, но глаза смотрели серьезно.

Меня глубоко тронули ее слова. В последнее время Кристал часто хвалила меня и даже ставила в пример другим, но высказанное с глазу на глаз признание в теплых чувствах значило для меня гораздо больше.

Грустно и страшно было оставить надежное убежище, ставшее для меня спасательным плотом в минуту отчаяния, но в предложении Кристал, безусловно, было рациональное зерно.

Кристал явно радовалась возможности снова мне помочь.

Глава 10

Исход с Бродвея

Майку.

За все часы, которые Вы простояли бок о бок с нами, благодарим! За практическое воплощение легендарного сервиса — аплодируем! Вы научили нас не отказываться от мечты, которая в один прекрасный день может стать явью.

Вот наша молитва за Майка:

«Господи всемилостивый, пожалуйста, даруй ему:

· Друзей — понимающих и верных;

· Полезную людям работу, без которой мир будет уже не тот;

· Присутствие духа при неизбежных переменах, даже если придется нелегко;

· Отзывчивость;

· Чувство юмора;

· Время для тихой, спокойной медитации;

· Ощущение присутствия Бога, терпение дождаться испрошенных милостей и мудрость распознать их при появлении.

Пусть Господь и впредь направляет тебя! Мы любим тебя, Майк!

Коллектив «Старбакса» на углу Девяносто третьей улицы и Бродвея.

Из молитвы, врученной мне в последний рабочий день Кристал и остальными партнерами

Март

Моя последняя смена начиналась в час дня. В полдень я стоял на перроне маленькой пригородной станции, вышел я сегодня из дома пораньше. Штурмом взял экспресс до Большого Центрального терминала, резво пробежался до рейсового, идущего к Таймс-сквер, ловко проскочил в вагон поезда метро третьего маршрута, когда двери уже закрывались. К дорожной суете я уже относился с буддистской безмятежностью, подобно пловцу, переставшему бороться с течением и положившемуся на волю волн, но сегодня при каждой пересадке думал о том, что этой дорогой я еду на работу в последний раз.

Мы в шутку называли наш «Старбакс» лучшим шоу на Бродвее. Настала пора мне сойти с бродвейской сцены и взойти на новую — в двух шагах от моей бронксвиллской мансарды. К радости избавления от транспортных мук примешивался горький привкус безвозвратности ухода. Конечно, я буду приезжать в любимое нью-йоркское кафе навестить друзей, но работать с ними в одной команде мне уже не придется.

Поднимаясь по крутым ступенькам навстречу неприветливому пасмурному мартовскому дню, я с удивлением увидел прямо перед собой, почти на уровне глаз, туфли «Лобб», самую дорогую мужскую обувь в мире. Зрелище поразило меня настолько, что я мгновенно вышел из своего дорожно-зомбированного состояния. Обувь «Лобб» сразу привлекает внимание — она словно светится собственным внутренним светом. Сверкающую, как полированное золото, кожу владельцы волей-неволей начищают до блеска. Чтобы приобрести такой шедевр, нужно

поехать в Лондон и заказать в «Джон Лобб» слепок с собственных ступней. Туфли шьются по индивидуальным меркам, и каждая пара стоит несколько тысяч долларов.

Я перевел взгляд с туфель на бесформенную фигуру их хозяина, обтянутую синим двубортным костюмом с еле заметными меловыми полосками, говорившими о том, что костюм был сшит на заказ лондонским портным. Такой костюм стоит еще дороже «лоббов». Интересно, кто это тратит столько денег на свой внешний вид, но при этом ездит на метро? Туфли и костюм такого класса обычно возят в сверкающем лимузине. На худой конец в такси.

Странный тип поднялся по лестнице и вышел в скучный, серый день. Что-то в его походке показалось мне знакомым. С такой демонстративной надменностью ходил только мой однокашник в Бакли и Йеле, баснословно богатый и при этом страшно мелочный. Лишь Эверет Ларкин Фэллоус способен тратить на себя тысячи долларов и при этом ездить на метро, чтобы сэкономить на чаевых таксисту. Фэллоус никому и никогда не давал «на чай» — однажды он подрался с водителем такси и едва не поплатился жизнью.

Год назад я искал бы его общества. В моей прошлой жизни Эверет, как он просил себя называть, считался воплощением величайшего успеха. До поступления в «Старбакс» я всячески добивался бы его внимания, ибо с каждым днем все больше терял уверенность в себе и мечтал о восстановлении прежнего статуса. Однако сегодня для меня это было уже абсолютно не актуально.

Кое-кто из моих знакомых, случайно заглянув в наш «Старбакс», не узнавал бывшего коллегу, словно черная

кепочка и зеленый фартук делали меня невидимкой. Вот и сейчас я был в старбаксовской кепке, и потому Эверет Ларкин Фэллоус не удостоил меня даже взглядом. Я ускорил шаг с ощущением, что не просто прохожу мимо Фэллоуса, но во всех смыслах оставляю его позади, как змея сброшенную кожу, как прежнего себя, надменного и эгоистичного. Я обогнал Эверета и вошел в кафе.

Пройдя через зал, я вошел в маленькое служебное помещение, с которым у меня было связано столько воспоминаний. Несколько месяцев назад, только начав здесь работать, я случайно подслушал телефонный разговор Кристал о презентации. То был решающий момент для нас обоих. Помню, как во мне тут же проснулись инстинкты руководителя, но Кристал немедленно осадила меня, дав понять, что прекрасно обойдется и без моих советов. Однако память хранила не только ее скептический взгляд, когда я рассказывал о ККДД и трех «П», но и неподдельную радость, когда готовую презентацию похвалил сам президент компании. С того момента в глазах Кристал я приобрел определенный вес. И вот теперь я перехожу в Бронксвилл. Когда она с волнением обняла меня, я тоже осмелился обнять ее, и на глаза навернулись слезы. Да, к старости становишься сентиментальнее. Когда руководство «ДУТ» перебрасывало меня из Лос-Анджелеса в Торонто или в округ Колумбию, я только радовался — меня всегда привлекали новизна и перемены. Однако теперь старик, который сравнительно недавно зажил новой жизнью и приобрел новых друзей, до слез не желал покидать привычную обстановку.

— Вас же никто не гонит, Майк, — сказала тогда Кристал, угадав мои мысли. — Но так будет лучше для вас!

— Да, конечно... Просто я буду очень по вас скучать.

— Я тоже, — отозвалась она. Однако двадцативосьмилетние не умеют по-настоящему грустить при расставании — будущее манит их радужными перспективами.

Мне будет очень не хватать Кристал — ее советов, симпатии, отношения ко мне как к «классному Майку» — человеку, с которым не скучно.

Я взглянул на висевшее на стене расписание. Кристал сегодня не работала. Грустно, а мне хотелось настоящих торжественных проводов. Кестер, мой первый тренер и наставник, тоже сегодня выходной. Даже Чарли-меломана, и того не будет.

Конечно, ротация в «Старбаксе» обычное дело, и я был готов к тому, что мой уход не станет событием, однако мне было горько, что самые близкие друзья не скорректировали свое расписание, чтобы поработать со мной в последний день.

Я спустился надеть зеленый фартук в подвал, единственное уединенное место в кафе, где можно было переодеться без помех. Здесь хранились кофе в зернах, запасные чашки, бутыли с сиропом и рабочая униформа. С тяжелым сердцем поднялся по гулкой железной лестнице обратно в зал.

Проходя мимо доски объявлений, я заметил там снимок, сделанный скрытой камерой. Сверху рукой Кристал было написано: «Наши поздравления, Майк!»

На фотографии был запечатлен я.

Под видом посетителей раз в несколько недель в каждое кафе наведывались специальные сотрудники, докладывавшие потом руководству «Старбакса» о качестве обслуживания и тому подобном. Снимок был сделан, когда

я стоял за кофе-машиной. Основными требованиями к работе персонала «Старбакса» были следующие:

Смотреть гостю в глаза
Здороваться с гостем
Благодарить гостя
Первому начинать разговор
Запоминать гостя по имени или заказанному напитку

Оказалось, я соответствую всем пяти критериям, и наше кафе получило пять баллов за сервис. Пять баллов было высшей оценкой. Прежде бродвейский «Старбакс» ни разу не получал больше четверки.

Я уходил на мажорной ноте.

Как нарочно, за эспрессо-баром стояла Тавана — единственный человек, которого я не хотел бы сегодня видеть.

— Майк, — сказала она громко и властно, — становитесь за вторую кассу.

Я отметил время своего прихода и подошел к кассе. Вытянув ящик с наличными, я, как обычно, сходил и взвесил деньги на весах. Как всегда, в кассе оказалось ровно сто пятьдесят долларов. Вернувшись к прилавку, ловко вставил ящик и с грохотом задвинул его, подражая другим партнерам. Даже в безумной гонке приема наличных и отсчета сдачи я, можно сказать, преуспел. К двум другим кассам уже выстроилась очередь.

— Привет, Бьянка, — сказал я партнеру слева. Губы Бьянки тронула улыбка.

Справа стояла Джоанна. На секунду оторвавшись от дел, она приветливо кивнула мне:

— О, вот и помощь подоспела!

Джоанна всегда относилась ко мне с симпатией.

— Сосредоточьтесь, Майк! — рявкнула Тавана, ревниво следившая за тем, чтобы мне не стало слишком хорошо.

Не успел я поздороваться с первым покупателем, Тавана громко поделилась новостью:

— Я записалась в морскую пехоту!

— Прекрасно, — отозвался я. — Вам там понравится.

Никакой иронии: мне доводилось работать с военными, и я успел убедиться, что морпехи такие же суровые и вспыльчивые, как Тавана.

— После Квантико* я получу офицерское звание, — похвасталась она.

— Отлично, — кивнул я. Тавана обожает руководить — возможно, в морском корпусе распирающая ее жажда командовать найдет достойное применение.

— Могу принять заказ у следующего гостя, — сообщил я очереди.

Первым оказался доктор Пол. Точный, как часы, он каждое утро приходил выпить маленькую чашку капуччино с простым бубликом и желе, а днем заказывал высокий латте с обезжиренным молоком.

— Большой латте с обезжиренным молоком? — уточнил я.

— Верно, Майк.

Память на имена сослужила мне хорошую службу. Доктор Пол тоже всегда обращался ко мне по имени, как, впрочем, и ко всем остальным партнерам. В наше кафе приходили в основном люди, жившие неподалеку,

* Имеется в виду школа морской пехоты в г. Квантико.

которым нравилась царившая здесь атмосфера уюта и доброжелательности.

— Последний день сегодня? — спросил доктор Пол.

— Да, — ответил я, удивленный, что он помнит об этом. Уже некоторое время назад я стал сообщать самым любимым своим завсегдатаям, что перехожу в другое кафе.

— Я буду скучать по вас, приятель, — вздохнул он.

— Я тоже, — признался я. — Зато у меня останется ваша книга.

— У вас и артрита-то нет! — засмеялся доктор Пол.

— Кто знает, как жизнь повернется, — пошутил я, когда гость направился к эспрессо-бару забирать свой кофе.

Доктор Пол написал книгу о том, как жить с артритом, и подарил мне подписанный экземпляр.

Мне вспомнились первые дни работы, когда доктор Пол и некоторые другие посетители участливо интересовались, как мне работается.

— Это лучшая работа в моей жизни, — искренне отвечал я. — Разве не здорово подавать людям отличный кофе и выпечку?

Я говорил совершенно серьезно. То, что я счастлив работать в «Старбаксе» и обслуживать посетителей, сразу успокаивало их и улучшало настроение.

Я громко повторил заказ доктора Пола Таване, стоявшей за кофе-машиной.

— Высокий латте с обезжиренным молоком! — прокричала в ответ Тавана, с грохотом ставя чашку под краник эспрессо. Свои обязанности она выполняла великолепно, но делала это крайне агрессивно. Да уж, внешнему врагу не поздоровится, когда он лоб в лоб столкнется с Таваной — королевой воинов. Но так им, врагам, и надо.

Следующей подошла Дениза, как всегда, в оригинальной шляпке.

— Как поживаете, Дениза?

— Нормально, но надеюсь, что будет лучше.

— Позвольте предложить вам большой «Хаф-декаф»*?

— О, это будет прекрасно, Майк! Спасибо!

— Здравствуй, Элла! — К кассе подошел Роберт со своей малышкой Эллой. Каждый день папа с дочкой появлялись в кафе в одно и то же время. Раньше Роберт продавал место под рекламу в «Нью-Йорк мэгэзин», но после рождения Эллы стал домохозяином — его супруга работала в «Голдман Сакс»**. — Латте и теплый детский шоколад?

— Правильно, Майк. Это правда, что вы уходите?

Я кивнул:

— Да, буду работать в кафе рядом с домом... Так будет разумнее.

— Элла, Майк уходит в другое кафе, — сообщил Роберт дочурке.

— Пока, Майк, — весело сказала Элла с той особой жизнерадостностью, которая свойственна только малышам.

— До свидания, Элла. Смотри, хорошенько заботься о папе!

— Уж она позаботится, — засмеялся Роберт, подхватил дочь на руки и пошел к бару.

Конечно, в бронксвиллское кафе тоже будут приходить молодые семьи и трогательные папаши с младенцами, но по этой парочке я буду скучать. А вот для малень-

---

* Разновидность кофе — полпорции составляет обычный кофе, а вторую половину — кофе без кофеина.

** Крупнейший инвестиционный банк.

кой Эллы «здравствуй» и «прощай» пока еще мало различаются по смыслу.

— Привет, парни, — сказал я группе юнцов из университетской школы, на ходу мерявшихся силой, но прервавших это интересное занятие, чтобы выпалить:

— Три высоких фрапуччино с мокко и один высокий фрапуччино с яванским кофе и шоколадной крошкой.

Один из молодых людей протянул мне карту «Старбакса».

— Все заказы на одну? — лукаво спросил я, заранее зная ответ.

— Вот еще, — возмутился тот. — Эй вы, деньги на бочку!

Мальчишки еще набирали мелочь, когда предводитель компании с ходу правильно назвал общую сумму с точностью до пенни.

За ними подошла Элинор, нагруженная взятыми для проверки тетрадями. Она преподавала в местной школе и проверяла работы учеников, прихлебывая «Эрл Грей».

— Я сделаю вам чай, Элинор, — сказал я.

Приготовление чая входило в обязанность кассиров. Взяв чашку, я отправился за кипятком к эспрессо-бару — в зону обитания Таваны.

— Майк! — услышал я громкий оклик. Сегодня Тавана была разговорчивее, чем обычно.

— Да? — робко отозвался я.

— Последний день сегодня?

— Да.

— Смотрите, — влажной белой тканью она яростно-энергично протерла трубки, проходя через которые, подогревалось молоко, — всегда держите их чистыми!

Я едва сдержал смех. Неужели я удостоился напутственного слова?

— О'кей, — сказал я, не поднимая головы, сосредоточенно заваривая чай.

Когда через час смена Таваны закончилась, я не сильно огорчился. Направляясь в служебное помещение, она гаркнула на все кафе:

— Иветта, давай принимай!

Она ни с кем не церемонилась. Сняв фартук и кепку и энергично помотав головой, словно вытряхивая из памяти меня и всех остальных в кафе, Тавана решительно потопала к выходу, как всегда, не попрощавшись.

За кофе-машину встала Иветта. У меня сразу же улучшилось настроение.

— Привет, Майк. Как дела? — спросила она, ласково обнимая меня и поглаживая по спине.

— Хорошо. Сегодня последний день.

— О-о! — Ее рука замерла и упала. — Я совсем забыла... Как жалко...

Иветта выглядела опечаленной. Конечно, она могла об этом забыть, разрываясь между «Старбаксом» и колледжем.

— Перехожу ближе к дому, — сказал я. — Сэкономлю денег на дороге.

— Это здорово, — вздохнула Иветта. — Но я буду скучать. Вы такой классный, прикольный...

Она крепко стиснула меня в объятиях и долго не отпускала.

Прикольный. Опять. Любимый эпитет Кристал... На этот раз я лишь рассмеялся.

— Здравствуйте, Рейчел, — поприветствовал я следующую гостью. — Высокий латте без кофеина?

— Никаких «без кофеина», — запротестовала Рейчел. — Налейте мне настоящего, крепкого. Я уже не беременна, Майк.

И она чуть приподняла крошечного, очень красивого младенца.

— Высокий латте для Рейчел, — сказал я Иветте, как пароль, и тут же услышал отзыв.

За последний год все они — Рейчел, доктор Пол, Дениза, малышка Элла и многие другие — вошли в мою жизнь и надолго поселились в моем сердце.

Остаток дня пролетел незаметно — кафе, как всегда, было переполнено. К кассе подходили учителя, студенты, школьники, вечно спешащие деловые люди, усталые матери с сидевшими в колясках малышами. Наше кафе служило местом встреч по самым разнообразным поводам — от собеседований до школьных педсоветов. «Старбакс» стал для многих обязательной остановкой между работой и домом, прекрасным местом, где можно отдохнуть. Очередь тянулась бесконечно, и я был слишком занят, чтобы грустить по поводу своего последнего дня на Бродвее. Одним из неоценимых преимуществ работы в «Старбаксе» была предельная загруженность, думать о постороннем не оставалось времени. Пока я крутился за прилавком, самоедство, эта осточертевшая мне мысленная жвачка, попросту не имело шансов. Своеобразная трудотерапия...

Примерно в пять часов я с удивлением заметил Чарли-меломана.

— Привет, — окликнул я его. — Сегодня я последний день. Попрощаемся, что ли?

Ритмично пританцовывая, Чарли подошел ко мне, и мы обменялись шлепком ладони о ладонь.

— Увидимся позже, — сказал он и ушел в подсобку.

Я приободрился. Хоть с Чарли повидаюсь напоследок. Я познакомил его с одним человеком из мира шоу-бизнеса (мы общались много лет назад), и недавно Чарли поделился со мной, что с помощью нового знакомого уже пишет «реально профессиональный сидюк».

Без четверти шесть, когда я уже собрался вытянуть денежный ящик из кассы и отметиться на листе прихода и ухода, в кафе с широкой улыбкой вошел Кестер.

Он пожал мне руку и поприветствовал еще пятнадцатью различными способами, причем финальным обменом любезностями стало бодание лбами.

— Кестер, как я рад! Ты пришел меня проводить...

— Да, — сказал немногословный Кестер и тоже спустился в подсобку.

Ровно в шесть в кафе появилась Кристал. В душе у меня росло и ширилось чувство благодарности. Я догадался — мои лучшие друзья договорились собраться в конце моей последней смены. Событие из ряда вон: как правило, в нерабочее время сотрудники в кафе не заглядывали.

Не преминул явиться даже Энтони — стиль, класс и шик нашего заведения. Он жил в Бронксе и добирался до работы почти столько же, сколько я, но когда он входил в кафе, его туфли тем не менее зеркально блестели, а на костюме не было ни складочки. Энтони обращался ко мне только так: «мистер Майк», переняв эту манеру от кого-то из партнеров.

Я вытянул из кассы ящик с деньгами и пошел в подсобку.

Они все были там — Кристал в своем кресле, смеявшаяся над очередной шуткой Кестера, Чарли, пританцовывающий в ритме музыки, еле слышно доносившейся из его наушников, подпиравший стенку улыбчивый Энтони шести футов четырех дюймов росту. Когда я вошел, они дружно приветствовали меня и подождали, пока я взвешу деньги. Излишек составил всего несколько центов.

— Сильный финиш, — похвалил Кестер. Все засмеялись. — Слушайте, Майк, — продолжал этот верзила, — какие у вас планы на вечер?

— Да вот просто собирался домой...

— А как насчет ужина в нашей компании?

Я был глубоко тронут и ответил:

— С удовольствием!

Едва мы вышли из «Старбакса», Кестер извлек из кармана маленькую «мыльницу» и настоял на групповом снимке на фоне кафе. Небо прояснилось, алое вечернее солнце начинало клониться к закату. Нажать на кнопку фотоаппарата Кестер попросил прохожего.

— Еще раз, — потребовал Чарли. — Фотокамера меня любит.

Что да, то да — я уже сбился со счета, сколько девушек и женщин просили у меня телефончик нашего красавца.

В отличном настроении мы направились в бар за углом. Я никогда не бывал там раньше, но Кестеру и остальным заведение было хорошо знакомо. Они заказали напитки и еду, не позволив мне ни за что заплатить.

Кристал веселилась от души, смеялась, играла в бильярд. Я тоже взял в руки кий — впервые за последние сорок лет — и отнюдь не опозорился. Чуть позже подо-

шла Бьянка и осталась с нами до конца, а вот Джоанна пробыла совсем недолго — она неважно себя чувствовала.

Время летело незаметно. Взглянув на часы, я обнаружил, что уже час ночи. Молодежь еще только начинала входить во вкус, но я, как всегда, выдохся быстрее. Увидев, что я собираюсь уходить, Кристал жестом остановила меня и встала. Кестер, Энтони, Чарли и Бьянка, сидевшие за столом у дальней стены бара, прервали оживленный разговор и замолчали.

— Я хочу сказать маленькую речь. Майк, вы... прикольный!

Все захохотали и разразились приветственными криками.

— Я не шучу. Вы много сил вложили в практическое воплощение нашего легендарного сервиса, но, что еще более важно, вы подарили «Старбаксу» себя. Я написала для вас стихотворение...

— Мы все руку приложили, — уточнил Чарли.

— Я больше всех, — отпарировала Кристал.

— А я ни слова, — повинился Кестер. — Но я буду скучать. Как здорово было закрывать с вами кафе!

Кристал прочла стихотворение, в конце растрогавшись до слез. Я попросил всех присутствующих подписать шедевр, признавшись, что для меня это лучше любой награды или почетного диплома.

— Теперь я хочу сказать... — начал я.

— У Майка всегда есть в запасе пара слов, — вставил Кестер. Все засмеялись.

— Это точно. Так вот, ты спас мне жизнь. Однажды вечером Кестер спас мне жизнь!

Кестер велел мне никому не говорить о том слетевшем с катушек посетителе с ножом — Кристал была бы вне себя, если бы узнала. Я молчал как могила до сегодняшнего дня, но не мог уйти, не выложив все, что было на сердце.

— Вы, Кристал, и ты, Кестер, и Чарли-меломан... — Собравшиеся захохотали. — И Бьянка, и Энтони-джентльмен... — Последовал новый взрыв смех. — Дорогие мои партнеры, вы... спасли мне жизнь!

Больше я не мог ничего сказать и просто пошел по кругу, пожимая руки и обещая наведываться как можно чаще. Кестер и Чарли весьма чувствительно хлопнули меня по спине. Энтони пожал руку и сказал:

— Вы значительно изменили мою жизнь к лучшему, мистер Майк.

Бьянка меня поцеловала со словами:

— Берегите себя.

Кристал промолчала, зато стиснула в объятиях так, что у меня перехватило дыхание.

И я вышел в зимнюю ночь, согретый теплом их любви.

От автора

Моему старому другу Уильяму Берру Лайону за самую позитивную реакцию на название книги и за удивительную душевную щедрость, с которой он сразу свел меня с прекрасным литературным агентом Джиллиан Маккензи.

Джиллиан стала истинным вдохновителем и бесценным руководителем нашего успешного предприятия: ее интуиция и прозорливость просто поразительны. Кипучая энергия и жизнерадостность Джиллиан стали для меня настоящим попутным ветром.

Джиллиан Маккензи, в свою очередь, познакомила меня со своей подругой Эрин Мур из «Готем букс», отредактировавшей рукопись в высшей степени удачно и деликатно, украсив текст редкими, но очень яркими перлами остроумия.

Друг и издатель Эрин, Билл Шинкер, на протяжении всего процесса создания романа вносил ценнейший творческий вклад и всегда помогал мудрым и своевременным советом.

В создании книги принимали участие сотрудники «Готем букс» Джессика Синдлер, Алин Акелис, занимавшаяся оформлением прав на издание и распространение книги за рубежом, директор по рекламе Лиза Джонсон,

директор по маркетингу Аманда Тобьер, взявший на себя юридическую сторону дела Гэри Мейлмен и главный редактор Сьюзен Шварц, соединившая все усилия воедино и руководившая процессом в целом. Фактически весь коллектив издательств «Готем букс» и «Пенгуин» сделал все возможное, чтобы получился результат высочайшего качества.

Джиллиан познакомила меня с Шэри Смайли из САА («Агентства по поиску талантов»), которая нашла Тома Хэнкса, идеального исполнителя главной роли, и Гуса Ван Санта — великолепного режиссера фильма, поставленного по моей книге. Мне посчастливилось работать с лучшими из лучших!

Кстати, замечу, что роман никогда не был бы написан без моих партнеров по «Старбаксу» и их бесценной ежедневной поддержки. К сожалению, книгу нельзя сделать достаточно большой, чтобы включить в повествование удивительные и драматические истории жизни каждого сотрудника, но я хочу поблагодарить поименно хотя бы некоторых, с помощью которых мои смены в «Старбаксе» были и остаются укрепляющими оптимизм и улучшающими настроение. Вот они, в алфавитном порядке: Анжела, Брайан, Билл, Кармела, Криста, Кристиан, Клаудиа, Клейтон, Синтия, Дениза, Эдвин, Джиллиан, Джеймс, Джим, Джой, Джулиан, Джулиса, Джастин, Кейт, Кевин, Лакиша, Леанда, Лейлани, Мэтт, Марк, Мартин С., Мартин Р., Майк, Молли, Неемия, Патрик, Пола, Ральф, Тамар, Тенайя, Тиффани, Тойя, Велинда, Вера, Уильям, Иоланда.

Хочу поблагодарить моих детей, поддержавших меня в трудные времена, а также моих родственников и дру-

зей. Я в долгу перед множеством людей — невозможно упомянуть здесь каждого. Отдельно назову лишь Брэду и Элси, предложивших взять цитаты со старбаксовских стаканов в качестве эпиграфов к главам романа. Спасибо вам и спасибо всем, в том числе жизнерадостным завсегдатаям «Старбакса», за мою удивительную новую жизнь.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Гилл Майкл

Как «Старбакс» спас мне жизнь

Редактор Л.С. Колобова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Н.Г. Суворова
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.В. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов